

© Константин Фридланд «Золотая Аура»

© Library of Congress USA 2008

ISBN 0-9811180 (Canada)

Константин Фридланд

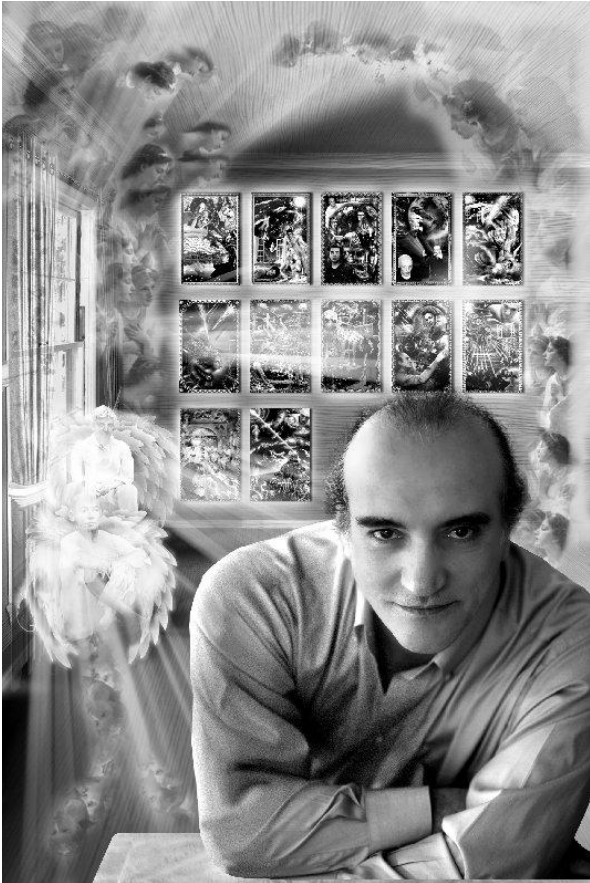
Золотая Аура

документальные энерго-повести

*Со временем мы поймем раз и навсегда,
что разум – это не орудие познания,
а лишь организатор его: знание приходит
откуда-то из другого места.
Также приходят слова, действия и прочее –
автоматически, с поражающей
точностью и быстротой.
Нужен только иной способ жить –
светло, свободно, радостно.*

Шри Ауробиндо Гхош

Новое видение мира

Эта книга о мире, в котором живу я и живут мои единомышленники. Мир наш огромен, добр, светел, полон чудес и мистических тайн.

Сорок лет работы с биоэнергией принесли мне так много знаний о невидимой, таинственной, загадочной и могущественной стороне жизни человека, что это заставило меня взяться за перо. Я постарался рассказать об ауре человека как можно больше и точнее. Мне было очень важно, чтобы на страницах книги биоэнергетическая аура человека ожила, заиграла всеми своими красками, запахами, звуками, стала видимой, осязаемой и объемной.

Герои моей книги страдают от несправедливости, болеют и мучительно трудно ищут путь к обретению душевной гармонии и утраченного здоровья. Как только им удастся осознать и поверить в то, что биоэнергия является их самым верным другом и помощником, они немедленно получают в свои собственные руки все ключи к избавлению от проблем, отнимающих у них

здоровье, счастье, а порой, и саму жизнь.

Мир, в котором живем я и мои единомышленники, оказался так добр, что привел меня к открытию удивительных способностей человека к самоисцелению.

Герои книги с моей скромной помощью открыли в самих себе чудесные возможности Интуитивной Активной Медитации ("IAM") автором открытия которой я являюсь, и узнали о том, что помощь небес на самом деле фантастически близка ко всем людям в нашем мире.

Используя свой врожденный природный дар, они получают возможность сделать так, что их аура начинает дышать, увеличиваться и усиливаться, наполняться цветом, тонкими, чистыми и свободными вибрациями жизни и, наконец, становится золотой, чтобы подарить им физическое и душевное здоровье.

Сюжеты и обстоятельства всех шести повестей, вошедших в эту книгу, целиком и полностью основаны на реальных событиях, свидетелем и участником которых я стал благодаря моей счастливой судьбе.

Для всех героев моей книги энергетические вибрации обычных человеческих чувств и эмоций – это действующие лица окружающей нас истинной действительности. За право обладания центром нашей биоэнергетической вселенной – сердцем человека – борются любовь и ненависть, предательство и благородство, смелость и подлость, бездушный эгоизм и святая доброта. Ангелы и энергетические двойники, чакры и китайские меридианы, сглазы и проклятия из абстрактных понятий превращаются в реальные обстоятельства жизни.

Я приглашаю читателей увидеть наш мир таким, каким его видим я и мои единомышленники. Я обещаю, что в награду вы получите новые знания о биоэнергии и новое видение нашего мира.

Константин Фридланд

Дуэль без секундентов

История разделения и соединения Души

*Высшая идея на земле лишь одна,
и именно идея о бессмертии души человеческой,
ибо все остальные «высшие» идеи жизни,
которыми может быть жив человек,
лишь из одной её вытекают.*

Ф. М. Достоевский

*Существует на свете нечто,
к чему нужно стремиться всегда
и что иногда дается в руки,
и это нечто – человеческая нежность.*

Альбер Камю

Вначале, когда я впервые увидел эту женщину, мне вспомнилась фраза из старого романа, прочитанного в юности: «Возраст не мог скрыть её врождённой исключительности и избранности. Усталое лицо несло на себе *следы былой красоты*».

Следы былой красоты проступали во всём её облике. У неё был удивительно правильный овал лица, и его совершенство не могла скрыть даже характерная начинающаяся болезненная одутловатость. Следы этой красоты проявлялись в тонкой гармонии очертаний носа и очень маленьких

ушных раковин. У неё были прекрасные «иконописные» глаза. Когда-то давно они были голубыми. И, наверное, тогда в этих глазах ещё можно было уловить небесное продолжение. Сейчас я видел перед собой лишь погасшее и тусклое «зеркало души», которое напоминало только что задутые свечи: есть ещё слабый дымок, а огня уже нет и, видимо, не будет.

Тускло-медные волосы, небрежно, чуть-чуть «набекрень», схваченные в узел, выдавали полное пренебрежение этой женщины к себе и своему внешнему виду. Одежда, висящая мешком, целиком скрывала тонкую, ломкую фигуру и безвольно повисшие руки – всё, что могло бы обнаружить её женственность. Более того, всё, в чём она была одета в этот пасмурный осенний день, тоже казалось

невыразительно-землистым, полинявшим. Её лицо имело те же оттенки – так опавшая листва теряет свои живые краски. Было во всём этом что-то неуловимое и требовавшее моего осознания.

Я решил, что это – всеобщая, абсолютная застылость. Отсутствие даже малейшего душевного движения связывало отдельные части воедино. И ещё, от этой женщины веяло ледяным холодом столбнячного, остекленевшего ужаса.

Всё было безлично и безразлично. Я уловил напряжение, всё ещё идущее от её ауры, но и оно тоже было вялым. Потоки энергии Жизни, которые, я знаю, ничто не может задержать, пока человек жив, тоже были будто бы приостановлены.

Руки женщины почти не двигались во время разговора. В тяжёлом взгляде, нельзя было прочесть и проблеска эмоции. Голубой свет глаз, был скорее серым, как и весь её облик. Мне пришлось приложить большие усилия, чтобы найти дорогу к её *душе*.

Душа этой женщины была мала, тиха и холодна.

Понуро посмотрев на меня, она представилась так невнятно, что я тут же забыл, как её зовут, а переспрашивать не стал. У меня уже возникло для неё другое имя, точно определяющее внутреннее состояние.

Отрешенно, без эмоций она рассказывала мне о своей болезни.

Опухоль в груди определили полтора года назад. Была уже одна операция. После неё три раза проходила курс химиотерапии. Регулярно ходила на все проверки. Год всё было хорошо. Недавно обнаружили метастазы в позвоночнике и в тазобедренных костях. Иллюзий не питает. Пришла после рассказа подруги, которая сказала, что я могу делать чудеса. В чудеса не верит, но здесь она только по той причине, что ведь надо же что-то делать. Работает. Боли чувствует здесь и здесь. Глотает таблетки. На какое-то время боли утихают, а потом возобновляются снова.

Понимая, что ещё не время для разговоров, я очень коротко сказал ей всё, что положено говорить перед началом работы. Попросил Неподвижную (ей очень подошло именно это имя) сесть удобнее и закрыть глаза и начал работать.

Работать было неожиданно интересно. Личность когда-то была очень глубокая и сильная. Собственная энергия была мягкой, неправдоподобно молодой и гибкой для её возраста. Чувствительность к излучению моих вибраций показалась мне даже удивительной. Странно только было видеть сильнейший контраст между жадно желающим жить телом человека и его безвольной, сдавшейся человеческой сущностью.

Она казалась уже неживой.

Об этом мне рассказали её чакры. Нижние энергетические центры поспешно и жадно, буквально «захлёбываясь», насыщались энергией, когда я работал с ними, а верхние, «человеческие» чакры воспринимали приход новой «донорской» энергии с полным равнодушием. Они как будто говорили: «Мы возьмём, то, что вы нам даёте, раз уж вы так настаиваете, но, поверьте, нам это совершенно не нужно».

Это было похоже на то, как находящийся в глубокой депрессии человек воспринимает уговоры близких ему людей «поесть, попить, взять себя в руки, погулять, отвлечься и не дурить». Он слушает всех тех, кто кажется ему счастливее его самого. У него ещё есть тайная надежда, что он может понять, в чём же секрет их самодовольства. И он на самом деле при помощи этого секрета хочет уйти от ужаса бессмысленности дальнейшего прозябания. Пьёт, ест, гуляет и отвлекается. Пытается, действительно пытается «взять себя в руки». Потом в сотый раз обнаруживает, что таких рук, которые могут его «взять», – просто не существует. И думает: «Я не дую. Это так серьёзно. Что они понимают в моей жизни? Их бы всех да на моё место! Они бы тоже не нашли этих мифических рук.

Я, конечно, подожду и поживу ещё. Быть может, найду опять смысл в том, почему я здесь. Хорошо, я возьму это и то. Сделаю так и вот так. Но где же этот смысл? В чем он?» – и так до бесконечности. Такой человек равнодушно удовлетворяет потребности тела и не видит пищи для своей *души*. И она медленно гаснет от духовного голода и жажды.

При первой встрече с новым человеком очень важно получить как можно больше энергетической информации о нём. Поэтому так важно узнать, каково восприятие излучаемого мною усиленного потока энергии Жизни.

Её реакции?..

Реакции были, но то, как Неподвижная их воспринимала, говорило мне, что ничто её не удивляло, не возбуждало, не радовало и не обнадеживало.

– Да, есть. Да, чувствую. Да, вижу изменение цвета перед закрытыми глазами. Был серый, а сейчас добавились жёлтый и синий. Да, осознаю, что голова движется сама собой (только ошиблась в направлении наклона, значит, всё-таки была не со мной, не здесь).

Я попросил думать о чем-нибудь хорошем, она хрипло ответила:

– У меня ничего хорошего не осталось. Разве вот только дочка. Но она сейчас меня не радует тоже. Всё время хорошо училась, а как только я заболела, учиться перестала. Я её понимаю, у неё и без меня проблем хватает. Шестнадцать лет – трудный возраст. Он и для родителей трудный, а для самих подростков – просто невыносимый. Вот она и не может, а может быть, не хочет меня выносить. Да и у меня нет сейчас сил и желания её заставлять. – И после паузы неожиданно для меня (думаю, и для себя тоже) закончила: – Впрочем, я никогда не любила играть с моей дочерью в «строгую маму».

Потом, когда я перешел на высокочастотный уровень работы (обычно это понимает даже самых «толстокожих») – реакции Неподвижной все равно не изменились. Вернее, они усилились, но не изменили её отношения к происходящему.

Попробовал «поднять» её на собственном энтузиазме. Похвалил её спортивность и такую хорошую и талантливую энергию (что было правдой). Пробовал и так и эдак... И не смог...

Ну, не хотела она вибрировать в унисон со мной. А я знаю, как тяжело в одиночку вытаскивать человека из *такой* болезни. Устал, как будто толкал заглохшую машину в гору.

Работа закончилась. Она, ничего не спрашивая, условилась о следующей встрече. И ушла так же безжизненно и вяло.

...Весь вечер у меня было плохое настроение. Всё падало из рук, и я, забывшись, наткнулся на острые углы и спотыкался на ровном месте, напряжённо думая о том, как ей можно помочь и что надо было бы объяснить лучше. Сожалел, что не смог найти более точные слова. Думал, как это плохо, что мне не хватило ни смелости, ни азарта...

«Она просто не знает, что достаточно только сильно захотеть жить, и её ситуация может быть изменена, – думал я. – Но как можно заставить жить? Где взять такое средство?»

На следующую встречу она пришла на полтора часа раньше. Сидела, как на иголках. Ждала, пока я закончу и всё время нервно, с видимым усилием снимала и надевала на пальцы левой руки красивые большие кольца без камней, слишком тяжёлые для её маленькой руки.

Я понял, что с Неподвижной что-то случилось. И хотел узнать об этом как можно скорее. Всё время, пока я работал в своём кабинете с другой женщиной, я чувствовал сильное напряжение, идущее из соседней комнаты. Оно невольно так усилило мои вибрации, что моя теперешняя подопечная, которая пришла ко мне далеко не в первый раз и хорошо ощущала разницу в энергиях, сказала:

– Вы сегодня такой резкий. Мои реакции так быстро менялись, что я просто не успевала за ними следить.

Я вышел первым, пошел взять стакан воды и за спиной услышал звук столкновения. Бывшая Неподвижная, не дожидаясь приглашения, была сорвана своим нетерпением с места и чуть не сбила другого человека с ног!

Её биополе горело! Голову празднично и торжественно освещало золотое пламя энергии Жизни. Ничто не стояло на одном месте. Всё двигалось и перемещалось. Волны ярко-жёлтого солнечного света стремительно смешивались с лиловым сиянием верхней головной чакры. Цвета наплывали друг на друга, рождая ликующее множество оттенков теплого свечения Жизни. Неоново-синий свет горловой чакры был необычным даже для меня.

«Здесь должно быть голубое», – успел сообразить я. И больше думать было некогда. Меня захлестнул горячий, не очень связный поток слов бывшей Неподвижной. Глаза её расширились и стали не просто зеркалом, а широко открытыми воротами в просторы огромных внутренних покоев души.

– Помогите мне. Я должна вылечиться. Я должна жить. Мне нужно выздороветь. Мне надо! Надо! Я хочу! Я буду делать всё, что Вы скажете. Я на всё согласна. Я... я... я..., – и она неожиданно громко, в голос, заплакала, не стесняясь своих крупных слез. Через минуту воротник её светлого платья стал мокрым.

Слёзы капали на дымчато-сиреневую ткань, и та моментально становилась темно-фиолетовой на месте их падения, будто окрашивалась брызгами этих слез в цвет печали, пропитываясь не столько влагой самой слезы, сколько её солёной горечью. Каждая слеза уносила с собой частицу безмерного душевного страдания, облегчая тяжкую ношу измученной женщины, плачущей по-детски отчаянно и искренне.

Я знал: это очень хорошо, что она плачет. Такие слёзы приносят с собой освобождение. Душный спазм борьбы со страхом неминуемого прощания с жизнью покидает измученного человека. Ведь он так беззащитен в этом неравном поединке. Поединке с неизвестностью.

Мы все одиноки на этой дуэли без всяких законов и правил чести.

Для всех нас – это Дуэль без секундентов.

Слезы её закончились так же неожиданно, как и начались. Не вытирая мокрого лица, не всхлипывая, она тихо, почти шёпотом заговорила со мной. И только немного дрожащий голос выдавал её печаль и собственное изумление от внезапной откровенности. Она явно была не из тех, кто вот так легко может плакать перед чужим, малознакомым человеком.

– Даже удивительно, как это я так? Я не плакала со дня операции ни разу. Всё внутри было каменное. Это называется шок? Да? Я не знаю, **что** Вы сделали со мной вчера, но я почувствовала после встречи с Вами: у меня нет этого тяжёлого пудового камня в груди. Я могу дышать свободно. У меня ничего не болит. Я ещё жива, и мир вокруг меня не чёрно-белый, а цветной. Вы не поверите, но только вчера, когда вышла от Вас, я вдруг заметила, что уже осень! Моё любимое жёлто-багряное ностальгическое время года. Я её просто не замечала! Не осознавала, что земля вертится, независимо от моей беды. Вы только не подумайте ничего такого. Я не сегодня сошла с ума. Я раньше всегда была такая... Сумасшедшая!

Она попробовала засмеяться, но из этого ничего не вышло. Её лицо сморщилось, как от судороги, а звук, вышедший из горла, был больше похож на дребезжание басовой фортепьянной струны, по которой провели чем-то металлическим.

– Вот и смеяться разучилась, – жалобно проговорила она. – Чем я была занята весь этот год? Я ничего сейчас не понимаю. Как это могло случиться? Со мной. Со мной! Это ведь совсем на меня не похоже. Я проходила в своей жизни через такое! – И тут, совершенно неожиданно, она замолчала.

Молчание было значительным. Она ушла так далеко во внутренние, потаённые глубины своей памяти, что я боялся пошевелиться. Такие святые минуты дорогого стоят! Нельзя было спугнуть это властное молчание, наполненное неподдельным драматизмом. Человек вспоминал нечто личное и важное. От этого «нечто» он слишком долго пытался закрыться и спрятаться.

Нам всем знакомо подобное состояние. В считанные мгновения все наши воспоминания, как при свете внезапно вспыхнувшей молнии, возвращаются в реальность сегодняшнего дня. Они толпятся у входа, требуют заново принять их жестоко-правдивую наготу. И тогда приходит понимание: нам придётся до конца испытать всю их тоскливую горечь.

Проходили минуты, длинные, как медленно ползущий поезд, собирающий длинный хвост автомобилей перед шлагбаумом железнодорожного переезда. В кабинете было так тихо, что я невольно вздрогнул, когда женщина, прервав молчание, начала говорить уже совсем другим, почти уверенным голосом – без пауз и на едином дыхании. Так проникновенно, будто слова шли из самой глубины её сердца. Каждая фраза давала возможность прочувствовать силу живой и трепетной мысли. Слова были окрашены многоцветьем чувств, подавляемых слишком долго. Теперь, наконец-то, чувства вырвались на свободу.

– Я поняла Вас в прошлый раз очень хорошо. Простите меня! Я была так далека от Вас. Да и не только от Вас. От всего мира! Я была равнодушна и к тому, что Вы мне говорили, и к тому, что Вы обо мне думаете. У меня мама умерла от того же, что у меня сейчас, семь лет тому назад. Когда я шла на операцию, я мечтала о том, что не проснусь после наркоза. Я слишком хорошо знаю, что это за болезнь. Весь этот год после химиотерапии, после потери волос, после их медленного отрастания прошел для меня, как во сне. Я все делала автоматически. Чувство реальности было потеряно. Ведь это так страшно! Боже мой! Это такой ужас! Жить и не жить одновременно! Одна мысль. Одна только мысль застилала всё в моей жизни: «Конец! Это конец». Закончилось все. Даже желание жить и бороться. Моя работа, а я так люблю, что делаю, не смогла меня разбудить. И, что хуже всего, жизнь и проблемы моей дочери, которые для меня всегда были важнее собственных, даже они, перестали меня интересовать.

Она говорила ещё. И это были не просто слова, не просто внезапное осознание случившегося. Создавалось впечатление, будто перед человеком открылось нечто очень важное и значительное. И он, сам себе ещё не полностью доверяя, постепенно всё больше и больше воодушевлялся озарением и огромностью того решения, которое сейчас будет принято.

Я чувствовал себя взволнованным не меньше, чем она. С какого-то момента я не очень внимательно слушал её монолог. Смысл мне был уже понятен. Я не мог оторвать глаз от того, что даже я, который видел многое, сейчас рассмотрел впервые.

В прошлый раз тусклый свет её безжизненной ауры не дал мне такой возможности. Собственная её «подсветка» была такой слабой, что моего «прожектора» просто не хватило для углублённого «видения». Да и особого желания «видеть» тогда у меня просто не возникало. Теперь же всё было по-другому!

Теперь же всё было по-другому! Пламя её ауры освещало так много, так глубоко и высоко, что я смог увидеть **«это»**.

«Это» было оранжево-коричневым, похожим на ржавый, зазубренный обрубок восточного кинжала. **«Это»** имело нечто, похожее на рукоятку, отделанную кроваво-красными рубинами, которые нестерпимо ярко сияли, нагло, вызывающе и агрессивно. Глазам стало больно от того, как бурно аура реагировала на вторжение **«этого»**. Свет и пламя золотой энергии Жизни пытались поглотить или хотя бы сдвинуть подобие ужасного орудия с места. И я понял почему. Место это было в опасной близости от ослепительно сверкающей **Серебряной Нити** над головой Мелани. В этот момент я уже отчётливо вспомнил её имя.

«Смерть. **«Это»** и есть смерть, – подумал, или, вернее, как-то всей кожей ощутил я. – Так вот как она выглядит!»

Еще пять или шесть небольших, более темных, коричневых пятен зловеще проступали на спине и на бедрах Мелани.

Черное пятно было только одно. Оно мерцало своей бездонной чернотой и душило ее горло, как слишком короткая нитка черного жемчуга.

И тут я вздрогнул опять. Потому что в этот момент смысл исповедального монолога Мелани мистически совпал с тем, что я «видел».

– Я не боюсь смерти. Я ее ненавижу! Еще больше я ненавижу себя и свою беспомощность. Когда она подкрадывается к самому сердцу и лишает меня воли, я готова бить себя по щекам. – Мелани сжала свои маленькие кулачки так сильно, что пальцы ее побелели, и стало видно, как кровь с натугой бежит в тех местах, где они были скованы ее чересчур тесными кольцами. – Утром того дня, когда я позвонила Вам и назначила встречу, я обнаружила около шеи большой, сильно увеличенный лимфоузел. О! Я очень хорошо знаю, что это значит! Это значит, что жизненный счет пошел уже не на годы, а на месяцы, а быть может, и на дни. О Вас мне начали говорить еще полгода назад. И все это время я даже мысли не допускала, что я когда-нибудь пойду к такому человеку, как Вы. Но в тот момент, когда я стояла у зеркала и смотрела на опухоль около моей шеи, я повиновалась непонятному мне, но сильному внутреннему импульсу, приказывавшему мне позвонить Вам немедленно.

Она приоткрыла ворот платья и показала мне шею. Чуть ниже её основания угрожающе нахально выделялся большой серо-лиловый холм чего-то отвратительно пульсирующего и такого неуместного на ее бело-розовой нежной коже.

– Давайте начнем работать, – сдержанно сказал я, не желая выдать своего волнения и того, что я уже давно пытаюсь сдержать слезы, горячим, обжигающим комом стоящие у горла. – Нам с вами предстоит сделать еще очень много.

Она послушно, без лишних слов, закрыла глаза.

И я вошел в огромные просторы ее души.

И я вошёл в огромные просторы её души. Очень скоро границы между моим биополем и аурой Мелани исчезли. Весь мой кабинет заполнили могучие волны мирного солнечного света. Война

закончилась. Энергия, на самом деле, никогда не воюет. Любят воевать только люди. Между собой. Сами с собой. Не щадят никого, даже себя. Ибо «не ведают, что творят».

Я никогда не видел светомузыки Скрябина, только читал о провидческой мечте великого композитора соединить, синтезировать две великие вибрации: Музыка и Свет. Однако именно так мне представляется то, что он задумал и что до сих пор практически неосуществимо из-за технического несовершенства современной световой аппаратуры и скудного воображения. Главная мелодия величественно-трагического скрябинского «Прометея» звучала во мне все время, пока я был допущен в святая святых Души большой человеческой личности, доверчиво открывающейся доброму Свету великой Биоэнергии.

То, что проходило через меня, то, что я получал для работы с ней, было редкостным сочетанием зеленого и фиолетового цветов неопишуемой красоты, сравнимым только с пятнами мокрого фиолета на платье Мелани от ее недавних слез.

Очень скоро в концентрических волнах богатырского света потонул «зазубренный кинжал». Он всплыл далеко справа, на почтительном отдалении от Серебряной Нити, и спесивые краски его красных камней поблекли, как выцветшая стеклянная подделка.

Черный «жемчуг» вокруг шеи Мелани оказался упрямее и злее. Остаток времени мне пришлось потратить только на него.

Я «потрогал» черное пятно рукой. И только тогда понял причину его устойчивости. Черный цвет жемчужного пятна был цветом *отсутствия* цвета и света вообще! Рука определила это очень легко и просто. Там, где я «видел» черный жемчуг, на самом деле была абсолютная *пустота*. Мою руку буквально затягивало сухим и обжигающим морозом вовнутрь этой страшной пустоты.

«"Черная дыра", – понял я, – знаменитая черная бездонная дыра смерти, где энергия пропадает навсегда, уходя в неведомые пока человеку другие измерения времени и пространства. Неужели это финал? Неужели это все? И уже ничего нельзя сделать?»

Тем временем состояние Интуитивной Активной Медитации все больше овладевало Мелани. Проявлялось это во все более тесном контакте с биоэнергией. Мягко, но неуклонно совершалось великое и благородное дело. Энергия Жизни наполняла все провалы и пустоты. Исправляла повреждения. Корректировала информацию. Восстанавливала утраченное. Уточняла соотношения возможностей и потребностей. Усиливала тело. Заново *оживляла душу человека*.

Голова Мелани сильно наклонялась назад. Затем низко-низко клонила налево-вперед. Это размеренное движение головы было таинственно-плавным, и при каждом повторе ракурс наклона чуть-чуть сдвигался, как будто аккуратно заштриховывалось что-то на разлинованном листе бумаги.

Мелани за все это время не издала ни одного звука, целиком углубившись в необычное и сильное ощущение невесомости, которое всегда сопровождает Интуитивную Активную Медитацию. Всегда, но только при условии, что человек дает своей природе полную свободу и позволяет ей проявиться до конца.

«Не может быть, – подумал я. – Это не конец! Это продолжение! Человек всегда сильнее. Ведь вот же оно! Все готово для свершения чуда. Главное – только сильно захотеть. И этот человек не обманывает ни меня, ни себя. Я же вижу, как *она хочет жить!*»

Священную тишину Интуитивной Активной Медитации нарушил голос человека. С трудом размыкая губы, Мелани спросила:

– Неужели это мое тело само производит все эти странные качания? Это не гипноз? Правда? Я ведь чувствую и осознаю все, что со мной происходит. Я, кто всю свою жизнь как огня боялась попасть под чужое влияние, сейчас легко подчинилась тому, что происходит помимо меня. Не может

быть, чтобы это было так просто. Я впервые в жизни совершенно не контролирую свое тело. И в то же время ясно осознаю, что мой контроль над собой не потерян. Напротив, он обострился во много раз.

– Кажется, что точка наблюдения сместилась намного выше обычного, и все видно и ощущается ярче и отчетливей? – спросил я.

– Да, да! Все именно так, как вы говорите. Я чувствую себя необычно. Как будто что-то есть такое, что делает меня отстраненной от всего того, что со мной сейчас происходит.

– Пожалуйста, продолжайте разрешать своему телу делать то, что оно хочет и считает нужным совершить. Постарайтесь обойтись без ограничений и сопротивления той силе, которую вы сейчас чувствуете.

– Хорошо. Я и не думала сопротивляться. Это так приятно, хотя и больно в шее, – прошептала она. – Но эту боль я могу терпеть сколько угодно. Взамен я получаю свободу. Я люблю свободу больше всего на свете.

С этого дня Мелани глубоко поняла, приняла и поверила Интуиции, Медитации, Биоэнергии и постепенно открывающейся перед ней Саморегуляции. Она встретила их, как встречают давних друзей: тепло и ласково, – с радостью вглядываясь в черты когда-то хорошо знакомых лиц и узнавая их заново, ведь прошло уже так много лет со дня последней встречи.

То, что происходило на просторах души Мелани, ни в коем случае нельзя было назвать битвой. Энергия Жизни никогда не «убивает» врага. Она просто берет его в плен своих мягких объятий, подавляет своей силой и мощью. Переделывает... Встраивает его голос в общую стройную многоголосицу бесконечного разнообразия энергий этого мира.

Тогда я понял, быть может, главный секрет Биоэнергии. Любому злу необходимо противопоставить спокойную силу, в десять раз превосходящую плохое, и тогда не нужно уже воевать. Выкорчевывать. Пытаться выдернуть инородные вибрации. Уничтожать неуничтожимое. Тратить время на суетливые и беспомощные действия.

Эти инородные вибрации и есть наш общий враг. Враг всех здоровых людей, если уж разговор идет об ауре человека и о том, что мешает и не дает нам всем быть счастливыми и здоровыми.

Биоэнергия. Живая энергия. Энергия, дающая жизнь, – это сила настолько гуманная, что она даже своих врагов не уничтожает, а... «перевоспитывает». Инородная вибрация – это, на самом деле, неправильное, чужое для данного живого объекта информационное колебание. И нужна великая сила влияния, которую людям в обычных условиях не так просто достичь, чтобы заставить «чужака» вибрировать согласованно с законами жизни и ее энергии. Когда приходит к тебе такая сила, значит, ты выиграл и живешь дальше. А если нет? Так выиграешь в другой раз.

Когда-нибудь все люди смогут понять эту мудрую истину и перестанут воевать друг с другом, отнимая у ближнего то, что очень скоро становится прахом в их руках. И мы – человечество – начнем искать общие, обменные и согласующиеся, гармоничные вибрации, всегда способные одинаково щедро обогатить все бывшие воюющие стороны.

Просторы души Мелани показали мне, что происходит, когда человек обращает все свои устремления к реальности жизни. Божественно-простой жизни без всяких глупых условий, завышенных ожиданий и обещаний.

Чисто и победно звучал во мне скрябинский «Прометей». Я смотрел на «светомузыку» биополя Мелани со все более нарастающим восхищением. Ожившая аура переливалась всеми оттенками радужно-перламутрового света. «Крещендо» и «пиано» ярких волн света напоминали трепетное горение факела богоборца Прометея, несущего невежественным, диким людям *огонь просвещения*,

который он выкрал у богов Олимпа. Бунтарь Прометей сделал это несмотря на то, что заранее знал о своих будущих мучениях. С тех пор *искра* этого священного огня тихо тлеет в душе каждого человека. И надо только добыть из этой искры огонь нашего скрытого богоподобного *могущества!*

Никогда потом я не мог так же чисто повторить эту мелодию, как ни пытался. Ее очень сложно пропеть, если не обладаешь абсолютным музыкальным слухом. Но сейчас я понимаю: тогда я не напевал про себя мелодию. Я ее *слышал* и *видел!*

С неумолимостью большой и грозной лавины *золото и фиолет* энергии Жизни топили отвратительные тени метастаз на теле Мелани прямо внутри себя. Коричневое становилось все бледнее и светлее. Черный жемчуг съежился и стал серым. Это было уже не ожерелье на шее, а просто неровное, неправильной формы серое пятно с рваными некрасивыми краями. Внутри этой «серости» еще сверкала черная точка. Но все-таки это теперь была всего лишь точка.

«Терпение. Терпение!» – говорил я себе все время. К тому времени я уже знал, что когда скорость внутренних колебаний и движения биоэнергии нарастает, тогда ее видимые перемещения становятся плавными и замедленными. И если имеешь достаточно выдержки и времени, то можно дожидаться *чуда*.

«Неприятеля надо добивать в его собственном логове», – вспомнил я не к месту и, будто подбадривая себя, сказал, благо никто меня не слышал, непонятно откуда пришедшие в голову глупые слова: «Давай, дорогая! Поднажмем!»

Мне надо было хоть как-то разрядить чересчур возвышенную обстановку. Иначе пришлось бы уже не работать, а просто молиться. Я не знал, к кому я обращаюсь. То ли к Мелани, то ли к Энергии, то ли к неведомой лошади, которая должна была привести нас к победному финишу.

Вслух же я всего лишь спросил Мелани об ее ощущениях.

– Очень трудно вам ответить. Я попробую. Я такого еще никогда в своей жизни не испытывала, – сказала она. В это время ее голова совершала медленные круговые движения справа-налево. Было такое впечатление, будто что-то внутри шеи тяжело, «со скрипом», перемещается, нехотя поддаваясь напору мощного потока биоэнергии, стремящегося к восстановлению порядка. – Я не понимаю, как это может ощущаться одновременно, но я чувствую невесомость во всем теле и вместе с этим невероятную тяжесть в голове, а также в руках и ногах.

– Не страшно?

– Нет, нет! Что вы! Это такое... Это такое доброе чувство. Это сама *доброта*.

Душа Мелани очнулась от своего слишком долгого оледенения. Она оттаяла и снова стала живой и горячей.

На просторах Души медленно всходило Солнце. Вместе с ним засветилась Надежда. Начинался новый день. Для человека в этом мире свет Надежды означает возвращение к Жизни. Боль оставила Мелани через две недели. На первой встрече я назвал ее «Неподвижной», – она же оказалась на редкость динамичной, способной и дисциплинированной ученицей. Все схватывала налету. Не задавая лишних вопросов, все старалась понять сама. Начала много читать. Находила такие книги, что я диву давался. «Мне бы такие способности к обучению», – думал я.

Мы работали вместе. Вместе – это огромная сила. Мелани делала свою часть работы очень хорошо, уделяя своим индивидуальным занятиям много времени и сил. И, что самое главное, вкладывала много желаний в свое стремление каждый раз достичь новой вершины в восхождении к Высоким Энергиям.

Я объяснил Мелани, что такую болезнь, как у нее, можно победить только при условии, если мы, она и я, общими усилиями, достигнем уверенного и стабильного уровня получения редких, труднодостижимых, очень тонких и сильных Высших Вибраций.

И она сделала это!

И она сделала это! Через полтора месяца Мелани пришла ко мне с результатами очередного обследования. В нем беспристрастно регистрировалось исчезновение мелких и значительное уменьшение крупных метастаз. В тексте медицинского описания не было никаких эмоций. Одинаково равнодушно на таких листках пишется и об обнаружении страшного и об отсутствии оного.

Но не только успех потряс меня, когда я читал описание снимков. Случайно я обратил внимание на дату рождения, которая стояла рядом с фамилией, именем и адресом Мелани.

Все эти шесть недель работы мне было не до того, чтобы рассматривать ее внешность. И она, и я были всецело поглощены процессом освоения ею азов и инструментов Интуитивной Активной Медитации. Конечно, было видно, что Мелани меняется день ото дня. Но меня волновали положительные и серьезные перемены в ее биополе. Для нас обоих гораздо важнее было то, как быстро восстановился объем и усилилась стабильность качества ее энергии. И я, не задумываясь, радовался тому, что Мелани все лучше и лучше выглядит. Так было хорошо, что от ее облика все сильнее веяло здоровьем и уверенностью человека, возвращающего себе утраченные силы. Но вот этого я не понял. Любая женщина давным-давно бы догадалась, а я нет.

Я поднял взгляд от листка в моих руках и уже по-другому посмотрел на Мелани, сидящую передо мной с выражением торжества на лице. Ругать себя за невнимательность и недогадливость было поздно. Только сейчас я увидел то, что так ценится людьми, но встречается так редко.

Красота. Зрелая и победная женская красота была во всем. Солнечный ореол ее рыжих волос выгодно оттенял молодость упругой разглаженной поверхности ее лица. Глаза Мелани притягивали. В них была *тайна*. Извечная тайна женственности. Они завораживали загадочным светом. Вокруг глаз не было видно ни одной морщинки. И в них снова лучилась даль небесной синевы.

Былая красота вернулась к Мелани. Теперь уже надо было выискивать в ней следы той безнадежно разрушенной временем женщины, какой она пришла ко мне в первый раз.

Как это случилось, что я ничего не заметил? Или это произошло только сегодня?

– Я что-то неправильно поняла? – спросила Мелани, неверно истолковав мой взгляд, – там действительно написано, что *«они»* уменьшились и исчезли?

– Да, да. Все правильно вы поняли, – откликнулся я, и от растерянности совсем невпопад спросил. – Скажите мне, вам что, действительно, тридцать семь лет?

Она весело улыбнулась в ответ. И я вспомнил, как совсем еще недавно, сидя в этом же кресле, Мелани училась заново улыбаться, плакать и смеяться. Тогда она выглядела лет на двадцать старше.

– А что, непохоже? Моей дочери скоро уже семнадцать. Я вышла замуж сразу после окончания школы за одноклассника. Это была такая смертельная любовь! Ну, как вам этот листочек? Наша взяла, а?! Как вы говорите? «Надо только сильно захотеть». Значит, мы оба хотели очень неплохо, – она хитро взглянула на меня, ожидая реакции на свою намеренную безобидную двусмысленность.

За этот месяц между нами сами собой установились отношения двух ровесников, соревнующихся в остроумии. Мы оба любили острить, порой на грани приличия. И не знаю, как она, а я нашел в ней

сильного соперника и часто с удовольствием проигрывал состязания, по-мужски неуклюже отставая в сообразительности и находчивости.

– Хорошо, что вы хотели сильнее, только из-за этого результат пришел к нам обоим одновременно, – нашелся я. И был награжден удовлетворенным смехом Мелани. Она была в прекрасном настроении и великодушно простила мою «нетонкость».

– Что мы изучаем сегодня? – спросила она. – Мне так нравится все, что вы рассказываете про чакры и китайские меридианы. Вы их так любите!

– Сегодня мы будем расширять границы ваших возможностей. Иначе мы не сможем удержать эту болезнь там, куда мы ее послали, – опять некстати напомнил я о нашем общем враге. Она сразу стала очень серьезной.

– Сегодня такой день! *Такой* день! – сказала Мелани неожиданно строго. Я опять удивился мгновенной быстроте смены ее настроений. – Я не на исповеди. И вы не проповедник. Но сегодня мне очень хочется сказать Вам о том, что все перемены в моей жизни произошли из-за Вас и из-за моей дочери. Я здесь абсолютно ни при чем.

– Ну, уж и ни при чем, – попытался я вернуть ее к легкой интонации обмена шутками. Она продолжила также серьезно, не обратив никакого внимания на мои попытки опять навязать ей легкомысленный тон.

– Вы помните нашу вторую встречу, когда я плакала здесь у вас? Я этого не забуду никогда! Моя Кэтти утром того дня не пошла в школу.

– Как это «не пошла»?

– А вот так!

...До окончания школы Кэтти оставалось совсем немного. Училась она всегда очень хорошо и в школу ходила с удовольствием. Но в последнее время оценки ее были непривычно низкими. В это утро она встала как всегда рано. Оделась, умылась, причесалась, позавтракала и села на стул у двери. Мелани спросила ее, в чем дело, а в ответ дочка тихо и твердо сказала:

– Я не пойду в школу и, вообще, больше никуда и никогда не пойду. Буду сидеть около тебя до тех пор, пока ты не умрешь. А когда ты уйдешь, я умру тоже!..

– Моя Кэтти, видите ли, не может жить без своей любимой мамочки. И не хочет. Она всегда была такая тихая-тихая, но я, ее мама, хорошо знаю, что прячется за этой обманчивой тишиной. Моя дочь похожа на меня. Такая же упрямая. Я тоже когда-то давно была тихоня. А прожила жизнь так своевольно. Никого не слушала. Делала, что хотела.

– И что вы ей сказали? – спросил я, торопясь услышать, что же случилось на самом деле.

– Каюсь. Я ничего не поняла сначала. Сказала ей, чтобы она не капризничала. И если она боится, что плохо подготовилась к очередному экзамену и поэтому не хочет идти в школу, то это стыдно для такой взрослой девочки, как она... и все такое прочее, что обычно говорят в таких случаях. Я не сразу поняла, что здесь что-то не так. Это был не просто каприз или случайное упрямство. Это было нечто гораздо более серьезное и важное. Я продолжала говорить о том, что я опоздаю на работу и мне некогда с ней тут возиться.

... – Это мое решение! – прервала Кэтти маму, – важно, чтобы ты знала и поняла меня правильно, я хочу все время быть с тобой. Для меня все уже решено. Я же вижу, *как тебе трудно одной!*

Внезапное внутреннее озарение, идущее из самой глубины ее существа, заставило Мелани замолчать и посмотреть на Кэтти внимательнее.

Мелани внезапно поняла, что только сейчас в состоянии по-настоящему осознавать реальность того, что ее окружает. До этого все вокруг казалось мутным, на все она смотрела как сквозь закопченное стекло. В это мгновение Мелани показалось, будто что-то переключилось у нее внутри и исправило «настройку резкости».

Вспыхнул свет, который идет прямо из сердца человека. Свет мудрости нашей всезнающей души. Окружающий мир вдруг предстал перед ней таким, каков он есть на самом деле – очень разным. Жестоким и прекрасным, добрым и несчастным, гармоничным и уродливым, сильным и слабым. Созданным для счастья и безжалостно рассыпающим горе для тех, кто меньше всего его заслуживает.

Мелани стала видеть все отчетливо, до мельчайших деталей. Внутренний Свет, идущий от Души одного человека к Душе другого, дал возможность остро и ясно почувствовать чужую боль, боль ее ребенка, так же сильно, как свою собственную.

Кэтти *так* смотрела на свою мать! Мелани сразу поняла, что такой она еще не видела свою дочь. *Такой* она ее просто не знает.

«Это же мой ребенок! Моя единственная, ненаглядная доченька, – подумала Мелани, внезапно осознав, какие страшные мысли мучали Кэтти все это время. – Что я наделала! У нее же никого нет, кроме меня. Я про нее просто забыла. Так увлеклась своими страданиями и страхами, что не помнила ни о чем. Она же *человек*! Я знаю, она меня любит. А я молчу, не обращаю на нее никакого внимания. Как будто это только моя боль и никого, и Кэтти в том числе, не касается. А ведь ее это касается так же, как и меня! И она... Она такая взрослая!»

Мелани подошла к дочери, привлекла ее к себе и долго молча стояла, крепко-крепко обнимая ее худенькое, замерзшее от внутреннего ужаса тело.

И тогда Кэтти начала шептать ей прямо в ухо горячо-горячо, как когда-то давно в детстве, прижимаясь к своей единственной и самой дорогой маме все сильнее и сильнее.

– Мамочка! Я тебя так люблю. Так люблю! Я не могу без тебя. Ты у меня такая сильная. Ты самая лучшая на свете. Ну, почему ты все время молчишь? Я иногда боюсь смотреть на тебя, потому что мне кажется, что ты уже не здесь, не со мной. Ты порой так смотришь, что я понимаю, ты ничего не видишь перед собой. Это так страшно! Я боюсь за тебя. Мне страшно за себя. Я тебя очень прошу, *сделай что-нибудь*! Ты же все можешь. Помнишь? Когда я была маленькая и часто болела, ты все время что-то придумывала, и я всегда очень быстро выздоравливала. Я всегда так гордилась, что ты у меня самая красивая, самая умная и смелая. Ты ведь ничего никогда не боялась. Помнишь?! Ты всегда была такая... надежная. А теперь? Теперь я чувствую себя такой маленькой и несчастной. Я знаю: я должна что-то совершить. Так нельзя! Ты должна знать, что ты не одна. Я с тобой! Навсегда! Что бы *ни случилось*! Я все для тебя сделаю. Все, что надо. Только скажи мне. Но что? Что я могу? Ну, пожалуйста, не пугай меня больше! Я тебя очень! *очень*! прошу, сделай хоть *что-нибудь*! Мамочка моя!

Мелани почувствовала, что ее сердце бьется так же часто и сильно, как сердце дочери. Она ясно представила себе все, что передумала и перестрадала ее Кэтти за весь этот длинный год. Самый долгий и тяжелый год ее только что начавшейся жизни.

Кэтти замолчала. Сердце ее стало биться тише и спокойнее. Она как будто отогрелась в объятиях матери. И тогда Мелани начала говорить ей в ответ. И чем больше она говорила, тем сильнее она

сама верила в смысл тех слов, которые она сейчас, твердо и уверенно шептала на ухо своей любимой дочке. Мелани доверяла себя и свою сокровенную тайну самому *любимому человеку*.

– Не бойся, Кэтти. Ничего не бойся. Родная моя, я всегда буду с тобой. Я не умру. Я обещаю! Я обязательно выздоровею. Я знаю это. Верь мне, верь. Мы будем с тобой вместе долго-долго. Всегда! Я клянусь тебе в этом! Я тебя тоже очень люблю. Солнышко мое ненаглядное. Я для тебя все сделаю. Все! Мы с тобой самые умные и сильные. Вдвоем нам ничего не страшно. Ведь мы так любим друг друга. Спасибо, родная моя. Как хорошо, что ты есть у меня! Доченька моя! Любимая!

Теплое дыхание Веры и Любви вернуло им снова полноту и цельность оборванных нитей святого единения между самыми близкими и сильно любящими друг друга людьми. Единения между матерью и ее ребенком.

Они не плакали. Слезы ничем бы не помогли, ничего бы не облегчили и не улучшили. Общее горе сделало их сообщниками и союзниками в этом мире, где даже самые лучшие люди болеют и оставляют своих детей в одиночестве...

Мелани посмотрела на меня, как будто пытаюсь понять по моему лицу, что я думаю обо всем, что сейчас услышал. Для нее это была высшая степень доверия: рассказывать другому человеку такое глубоко личное. То, что касается только двоих. Ее и дочери.

– Это называется «Внутреннее Прозрение», – сказал я, выдержав паузу. – Большинство людей, оказавшись в вашем положении, стараются отгородиться от всего мира или спрятаться. Кто более эмоционален, те просто замолкают и уходят в самозащитное равнодушие. Кто посильнее - пытаются сделать вид, что ничего особенного не произошло, и все как-нибудь само собой образуется. Мало кто из людей может сразу взять себя в руки и начать действовать, то есть искать выход, пытаться понять и искать причину того, почему именно с ними случилась эта страшная беда. И поэтому многие, слишком многие теряют самое дорогое в этой ситуации – *время*.

Мелани молчала, превратившись в один требовательный «знак вопроса» и ожидала от меня только продолжения.

– Никто точно не знает, почему у человека возникает и откуда приходит эта болезнь. Есть очень много гипотез на этот счет. Мне кажется, что я постепенно начинаю понимать биоэнергетическую причину ее возникновения

– Вы знаете причину моей болезни? Так скажите мне ее скорей! – Немедленно отреагировала Мелани. – Сейчас вы можете меня понять: я готова на все. ***Я дала моей дочери клятву: выздороветь во что бы то ни стало!!!***

– Я понял это, – сказал я осторожно, – и должен сказать, что я открыл или мне кажется, что я открыл, механизм того, как образуются, каким образом возникают основные биоэнергетические искажения и нарушения, которые рано или поздно могут привести человека к этой проклятой проблеме. Я думаю, Вы достаточно много узнали про законы жизни Биоэнергии и, надеюсь, сможете понять и принять мою версию.

Мелани не проронила в ответ ни слова. Всем своим видом она показывала, что вся превратилась во внимание и слух. Я внутренне собрался. Я должен был рассказать ей все. Если даже такой замечательный человек, как она, тоже болеет этой страшной болезнью, значит и Мелани не знала многого. Не знала причин.

Прошло уже много лет с того дня. Сегодня я знаю, понимаю и умею гораздо больше. А тогда. Тогда я только начал формирование моей идеи о причине возникновения страшной и непонятной болезни.

– Хорошо. Я объясню вам. Только не перебивайте меня, я на все вопросы отвечу, когда закончу. Это очень трудно сформулировать, но я попытаюсь... Говоря упрощенно, живая клетка человеческого организма, которая есть основа нашей жизни, внезапно, вне всякой логики и совершенно стихийно отменяет свою смертность и становится практически бессмертной, размножаясь хаотично и жадно. И ее неуместное своеволие становится причиной гибели ее хозяина.

Вот практически и все, что известно. Моя практика привела меня к выводу, что в основе страшного факта перерождения клетки, самого «завода и запуска» смертельного механизма ее бесконечного роста – лежит сильнейшая энергия. Эту невероятно мощную и концентрированную энергию, дающую начало этому самоубийственному процессу, рождают наши чувства, эмоции и... наша нерешительность. Энергия не виновата. Виноваты мы сами, потому что мы невежественны, злы и обидчивы. Даже самые совершенные из нас, зачастую не умеют принимать решения. Особенно, если это касается самолюбия.

Каждый понимает слово «самолюбие» по-своему. Одни думают, что это гордость, другие – что это завышенная самооценка. Я же думаю, что самолюбие – это вполне закономерное ожидание человека, что этот мир примет его и оценит так же высоко, как сама личность оценивает саму себя. А это происходит так редко. Мы не можем простить этого всему миру, забывая, что жизнь очень сложна и неоднозначна. Мы слишком требовательны и все время пытаемся самореализоваться, а вернее, «самозаявиться» по мере сил, способностей, понимания и уровня развития, добиваясь признания. Но его нет среди людей. А тем временем биоэнергия... – я задумался и замолчал.

– Я, кажется, начинаю понимать, – медленно проговорила Мелани. – Мы что-то такое неправильное делаем со своей энергией и со своими эмоциями и, таким образом, сами себе «запускаем» ужасный процесс.

– Вот именно, – обрадовался я неожиданной и такой своевременной помощи. – Вот именно! Мы сами! Как бы это объяснить? Биоэнергия приходит к нам для того, чтобы мы могли осуществить в нашей жизни все решения, которые делают нас все больше и больше *человеком*. Наши эмоции зовут биоэнергию, и она приходит к нам, готовая служить. Но мы так нерешительны и... глупы!

Любая сильная жизненная встряска пробуждает в нас неведомые огромные силы, и мы... ничего с этими силами не делаем. Не принимаем никакого решения. Не говорим ни «да», ни «нет». И ни на минуту не отпускаем от себя энергию, не позволяя ей быть потраченной на что-нибудь другое.

Есть одно очень известное явление. Фрейд, его первооткрыватель, назвал этот сложный психологический процесс «сублимацией». Природа создала для человека защитный механизм с целью разрядки слишком сильного эмоционального, а, следовательно, и энергетического, напряжения, непосильного для неокрепшей психики и сознания маленького ребенка. Обычно это происходит, если мир с порога встречает только что родившегося нового человека неласково, и его детство сопряжено с сильными страхами и неосознанными порочными влечениями. Со временем сублимация переводит все это глубоко в подсознание, и детская конфликтная энергия становится основой возникновения всех наших комплексов и фобий. Происходит это в период, когда формируется человеческая личность. (Этот же механизм лежит в основе проявления творческой энергии, но это другая история. Творческая энергия – это удачно найденный выход. Речь сейчас идет о тех случаях, когда ребенку вовремя не подсказали, что лучший выход для скопившейся энергии – творчество.)

У взрослого человека этот «предохранитель» нашего организма уже не такой сильный. Да и наши страхи и упрямство уже другие. Энергия никуда не переходит и не трансформируется ни в какие фобии или комплексы (редко кому везет с творчеством). Энергия копится, копится и копится...

Человек страстно желает чего-то невероятно важного для него и ничего не делает, чтобы этого добиться. Ищет оправдания своему бездействию где угодно, только не в самом себе. Не может никак собраться с силами и принять решение: он должен либо добиться исполнения желания, либо отказаться от него, и, в результате, раз и навсегда отменить. И тогда энергия получит разрядку, и её можно будет использовать для исполнения другого желания. Если нет другого выхода, – это единственное, что мы должны сделать. Многие задачи и желания, которые мы ставим перед собой, на практике неосуществимы. Скорее всего, мы хотим того, чего просто нет. Не бывает идеальных людей, не бывает идеальных чувств. Все мы только к ним стремимся. Идеальные чувства еще невозможны. Об этом хорошо мечтать.

Но где же реальность? Требовать можно только от себя.

Целенаправленная биоэнергия у такого одержимого «мечтателя» продолжает накапливаться, становится чересчур сильной, опасно напряженной. Ее становится слишком много. Локальная концентрация увеличивается настолько, что она, рано или поздно, взрывается внутри человека, достигнув только ей одной известного предела. Организм не выдерживает этого постоянно растущего напряжения. Оно оказывается таким огромным, что кому-то или, вернее, чему-то внутри нашего организма дает возможность добиться бессмертия раньше времени. Раковое перерождение клетки – это выход и разрядка скопившейся, когда-то положительной, а ныне разрушительной энергии. Разрушительной для человека, который ею так и не воспользовался.

Так долго ничто, даже очень хорошее, не может оставаться без дела.

В этом и заключается парадоксальность бессмысленного зла обычной и до поры до времени добропорядочной человеческой клетки. Излишнее скопление энергии заставляет её взбунтоваться против своей естественной смертности.

Как и все живое, человеческая клетка борется за выживание. И для этого ей нужна энергия. Жизнь клетки заключается в делении, которое строго ограничено (не более 50 раз). Когда же энергии становится слишком много, отменяется ограничение деления, и клетка становится бессмертной. Она начинает делиться бесконечное количество раз.

Приобретая бессмертие только для себя, клетка тем самым губит своего хозяина. И это показатель огромной потенциальной силы, которую способен аккумулировать в себе человек.

Благодаря этой силе человек когда-нибудь сможет стать бессмертным.

Это случается у тех из нас, кто бездумно и опасно надолго загоняет себя в середину неразрешимого конфликта между желаемым и реальным. Человек ставит себя в такую ситуацию, когда его страсти и желания так и не находят, причем, очень-очень долго не находят, необходимого и своевременного решения. А вместе с ними не находит выхода и энергия для их достижения и осуществления.

И неважно, правильное или неправильное это решение, верный или неверный это выход. Природа не претендует на роль судьбы. Она требует одного: человек всегда должен знать ее законы и всегда следовать им, а не против них.

Вода – это хорошо. Мы строим водохранилища. Собираем воду, чтобы ее было как можно больше. Но вот приходит весенний паводок. И из мирного союзника вода превращается в грозного мстителя. Горе тому, кто вовремя не построил отводной канал для сброса талой воды. Есть на свете вещи, которые человек пока еще не может отменить. Он может только определить заранее, где для него находится зона риска, и насколько он может переступить дозволенные границы.

Мы должны быть честными с собой и со своей жизнью. А мы так невежественны и по-детски наивны. Мы, не раздумывая, с головой окунаемся во взрослые страсти и чувства, надеясь, что нас встретят с пониманием и уважением. Мы совершенно не думаем о том, что, во-первых, все не так просто, а во-вторых, долг обязательно «платежом красен».

Мы-то сами кого-нибудь ценим или чем-нибудь по-настоящему дорожим? Да в первую очередь, себя не ценим! Сами не делаем, а от других ожидаем невозможного. Вот и вы, наверное, сделали что-то подобное, а теперь, когда пришла расплата... – тут я был вынужден остановиться, потому что с Мелани происходило нечто невообразимое. Ее глаза стали неправдоподобно огромными, и в них появилось выражение невыносимого страдания и мучения. Этого я никак не ожидал.

Это была мольба. Немая, обращенная ко мне, мольба остановиться и больше не заставлять ее так невероятно жестоко страдать. И я понял. То, что я сейчас сказал, не в меру распалившись, причинило Мелани невыносимую боль.

Пауза затягивалась. Мы оба молчали. И она, и я понимали в эти минуты, что сейчас, вот прямо сейчас, произойдет что-то очень важное.

– Я знала! Знала это, – заговорила первой, Мелани. – Я всегда чувствовала, что я должна прекратить это и не могла. **Не могла!** – Глаза ее наполнились слезами. Я молчал. Мне нечего было сказать. Если она начала сама, то она должна закончить без моей помощи. – Я всегда чувствовала, что должна прекратить это... **Самоистязание!**

– Расскажите, – выдохнул я. – Я помогу вам.

– Это была **любовь**, – негромко сказала Мелани.

– **Это была любовь, - негромко сказала Мелани.** Любовь началась в последнем классе школы и не закончилась и сегодня. Мелани была единственная рыжая на весь класс. Он был единственным блондином. Она была лучшей ученицей в классе. Он был самым последним. Но все его любили, потому что он был очень веселый. Учеба просто не была в центре его интересов. Она была тихая, он – шумный. Она тосковала от отсутствия внимания к ней. Стеснялась своей огненной рыжести. Он не боялся ничего и страдал оттого, что никто не воспринимал его всерьез. У его родителей были очень сложные разводно-сходные отношения, поэтому им никто никогда не занимался, кроме его старшего брата. Разница в возрасте между братьями была всего пять лет. Роберт был единственным человеком в мире, который обращал хоть какое-то внимание на него, пока он был маленьким мальчиком. Но пришло время, и Роберт очень рано женился, стал жить отдельно, у него родился сын. Эти житейские обстоятельства прервали связь между братьями. Станным в этой ситуации было то, что младший был этому даже рад. В школе Роберт считался вундеркиндом, он был из породы умных положительных «очкариков», и поэтому младший брат боялся и не очень любил его. И было за что: такой старший брат давал повод родителям и всем, кто знал их обоих, говорить: «В семье не без уроды!» Мелани даже считала, что он учился плохо из чувства протеста.

Протест рождался в нем из-за постоянной образцовости его старшего брата и тех кривых ухмылок, с которыми встречали их родители конец каждого учебного года.

– Да, ты совсем, совсем не Роберт! – задумчиво говорила его мама. – Ты весь в своего отца. У него в роду так никто и не получил высшего образования. Отец немедленно вскипал в ответ, и начиналась обычная перебранка двух эгоистов, которым важен не повод для скандала, а возможность еще раз доказать свое превосходство.

Мелани же была единственная у своей мамы. Та была очень одинока и находила выход своей нерастроченной любви в том, что полностью растворялась в своей ненаглядной доченьке. Такой удачной и умной. Только немного слишком рыжей.

Мелани помогла ему как-то раз по математике, потом другой. Ей сначала было просто жалко его, такого заброшенного и «непонятого». Она не знала, как опасно романтически настроенным девушкам жалеть кого-либо. Позже Мелани стала помогать ему уже по всем предметам. Он смог, благодаря ее стараниям, окончить школу почти хорошо.

Она полюбила его сразу и навсегда. В нем было много такого, чего так не доставало ей. Ее восхищала его свобода мысли и поведения. Шумные, вечно ссорящиеся родители, были очень непоследовательны. Считали его неудачным сыном и... выражали свою любовь в соревновании подарками, даже в этом пытаясь превзойти друг друга. Он принимал подарки совершенно спокойно, абсолютно не придавая им значения. Он знал всему цену и хитро пользовался домашней междоусобицей. Он получал от этого свою выгоду, совершенно не боясь того, что очень часто его поведение становилось поводом для еще одного скандала между родителями. Одним криком меньше или больше, не все ли равно.

Она была достаточно наивна для того, чтобы поверить в то, что он очень хороший и несчастный. А плохая учеба и его лень – это дело временное. Она все возьмет на себя. Так она думала. Так и делала. Они вместе пошли учиться в университет. Она помогала ему даже тогда, когда была беременна и очень плохо себя чувствовала. Родилась дочка. Ее появление в их жизни, казалось, укрепило любовь с новой силой. Так, по крайней мере, думала Мелани.

Муж учился и работал ночами. Ей пришлось оставить учебу из-за ребенка, хотя мама и помогала.

Девочка росла очень трудно, не вылезая из болезней. Он окончил университет уже без нее и пошел работать. Кэтти подросла. Мелани возобновила свои занятия. Все было хорошо. Ничто не предвещало трагедии.

На пятилетие дочери было приглашено много гостей. Было шумно и весело. Мелани не придавала никакого значения тому, что многие как-то по-особому, «оценивающе» смотрели на нее. Он был такой успешный, а она все еще была маленькой рыжей девочкой. Именно тогда муж представил ей свою коллегу – серьезную и привлекательную, даже красивую женщину, явно старше их лет на пять. Мелани только показалось странным, как эта женщина смотрела на нее весь этот вечер. Испытующе. Как будто делала в уме какие-то сложные расчеты. Больше Мелани ее никогда не видела.

Мелани любила так сильно, как сейчас уже, наверное, редко кто умеет. Может быть, сказывались тихое романтическое детство и любовь к серьезной литературе. А, скорее всего, это был просто талант. **Так гениально любить!** Но все гении приходят к нам или слишком рано, или слишком поздно. Человечество оценивает их по заслугам всегда после того, как, затравив их до смерти, доведя до отчаяния или до сумасшествия, запоздало спохватывается. И тогда гениальная картина нищего непризнанного при жизни и умершего от голода Ван Гога продается за миллионы долларов. А на какие миллионы оценить способность гениально любить?

Спустя неделю он пришел с работы очень рано. Странно вел себя весь вечер. Много играл с дочкой, разговаривал и шутил с ней, хотя обычно не слишком вникал в ее дела, как всегда привычно и в деле воспитания ребенка всецело полагаясь на свою умную жену. Он, кстати, так и называл Мелани: «Умница. Умница моя». Это было самое частое слово в его обращении к ней.

Видимо любить он не умел. Мог только пользоваться тем, чего ему самому так не доставало. Умел казаться, а не быть. Приспосабливаться, а не жить.

Сам уложив Кэтти спать, он вышел из комнаты дочери и сказал бесцветно, голосом, в котором угадывалась боязнь скандала. Он так и не постиг любви и характера Мелани. Он сказал, что любит другую женщину. Не может и не хочет обманывать никого.

Мелани молча выслушала его, собрала его вещи и даже пожелала ему счастливого пути в его новой жизни с его новой женой.

Сначала он еще довольно часто приходил к Кэтти или брал ее на выходные к себе. А потом это стало происходить все реже и реже. И вот уже семь лет, как он исчез из их жизни. Мелани ни разу ему не позвонила, на вопросы дочери отвечала всякими историями и дождалась, когда она повзрослела и сама во всем разобралась. Вопросов дочка больше не задавала. Дядя Роберт заменил ей отца. Он приходил к своей племяннице регулярно. Помогал Кэтти и помогал Мелани, виновато смущаясь, когда его благодарили. Его жена была против того, чтобы он ходил в дом разведенной женщины. Но он всегда говорил:

– Кэтти – моя племянница. Это мой долг! Должен из моей семьи хоть кто-то отвечать за свои поступки.

Для всех Мелани была спокойной и уравновешенной. Она стойко и уверенно совершенно самостоятельно выходила из всех материальных и моральных сложностей жизни без мужчины в доме. Постепенно ушли материальные проблемы. «Умница» и в работе оказалась очень удачливой и талантливой. Про ее личную жизнь не ходило никаких сплетен и слухов.

Потому что личной жизни *не было!* Не было вообще. Вместо нее были дочь, гордость и непонимание того, как это могло произойти, и кто виноват во всем. И Обида! И двенадцать лет непрерывных мыслей.

Мыслей!!

Не было ни слез, ни рыданий, только одна огромная *тоска!* Годы не смогли уменьшить остроту потери и тем более не смогли унести с собой обиды на его предательство.

Мелани обиделась. Сильно! Без прощения, без объяснений и попыток успокоиться и выбросить его из сердца и из головы, так же, как он выбросил ее и дочь. Она все это время любила его! Обида и любовь смешались для нее в одно сложное, но могучее чувство без названия, без радости и без выхода.

Она жила, упиваясь этим сладко-горьким чувством. Оно перехватывало дыхание, сжимало сердце, и казалось, что именно оно давало силы выживать и растить свою дочку так, чтобы она в своей счастливой поре раннего детства ничем не отличалась от других детей.

Зато наедине с собой Мелани очень сильно отличалась от всех! Ее гениальный талант «любить один раз и навсегда» жег грудь, сушил губы и глаза.

Когда она заболела, первой мыслью ее было: «Так тебе и надо! Неудачница!» Казалось, что теперь найден выход из этой многолетней пытки. Пока... Пока не пришел тот день, когда ее Кэтти сказала, что не пойдет в школу.

– С того самого дня, уже шесть недель, я ни разу не вспомнила о нем. Я только теперь понимаю, откуда у меня так много сил. Вы и Кэтти что-то такое сделали со мной, что я избавилась от этого удушающего, кошмарного чувства *обиды*. – Мелани смотрела на меня прямо и открыто.

Я вспомнил, как выглядел коричневый кинжал у нее над головой. И подумал, что не зря говорят: «смертельная обида». Обида, зовущая смерть! Преждевременную и такую незаслуженную. Теперь я понимал, что именно обида вскормила это зазубренное чудовище, дала ему право на существование. Как задыхалась *душа* Мелани в этом нечеловеческом душном мучении целых двенадцать лет!

Конечно, я обратил внимание на то, что было самым важным. Она ни слова не сказала о том, что избавилась и от своей безответной любви. Это должно было произойти также безоговорочно, как Мелани прогнала прочь свою обиду. Я знал, что любовь не убивает никого, если только ее не предадут. И я решил, что сейчас деликатнее и правильнее будет не напоминать ей об этом.

«Сама разберется. Так будет лучше», – думал я. Не хотелось трогать болезненное и саднящее. Хотелось верить, что теперь и это тоже уйдет, что еще есть время, и она сейчас все понимает. Как я ошибался.

Как я ошибался! Прошло много времени. Больше года. Прошла еще одна осень, которую так любила Мелани. И пришла какая-то странная, непонятная зима: туманная. Было холодно и сыро. На душе было зябко. Не все было гладко и в моей жизни.

Зато горячо и интересно проходили наши встречи с Мелани. Она приходила ко мне раз в неделю. Ей было назначено очередное обследование через месяц. Я вместе с ней, как экзамена, ждал его с надеждой. Все было хорошо. Ничто не предвещало беды или особых перемен.

В этот день все было как обычно. Для меня, но не для Мелани. Она была другая.

Другой была аура. Размеры ее были огромны. Это был не менее чем десять метров в радиусе, огромный правильный Овал плотной, густой и сильно концентрированной биоэнергии. Большим, клубящимся облаком она окутывала все тело. Движение силовых потоков внутри ауры было размеренным, уверенным и даже величественным.

Все энергетические центры полностью восстановили свои «обороты». Чакры были необычайно сильны. Абсолютно новым было очень быстрое и мощное вращение их спиралей. Это создавало внутри самой ауры Мелани поразительный эффект бесценной прозрачности невидимого фантастически скоростного движения.

Эта «прозрачность» знакома каждому, кто видел, как в жаркий день над поверхностью сильно разогретого дорожного асфальта вверх поднимается «нечто». Это нечто угадывается в прозрачном, раскаленном от палящего солнца воздухе, в колеблющихся волнах чего-то тоже прозрачного и непонятного, всплывающего медленно-медленно вверх. Оно такое сильное, что очертания предметов становятся зыбкими и расплывчатыми. Наш устойчивый реальный мир вдруг становится ареной волшебного действия. Камни и трава плывут, отрываются от земли. В этом действе чувствуется неведомая нам сила. Прозрачное движение – на прозрачном фоне. Напоминание о том, что «есть в этом мире, друг Гораций» **Тайна**. Большая тайна.

Я знал из своего опыта, что эта прозрачность – большая редкость. Даже самые великие йогины получают такую прозрачность энергии только на миг. Если есть эта прозрачная сила, никакое зло человеку не страшно. Можно только догадываться о том, что эта прозрачная мистическая сила есть свидетельство того, что душа человека избавилась от оков его земной слабости, дышит вольно и легко воздухом высшей свободы.

– У вас что-то случилось? – спросил я Мелани осторожно. За прошедший год я научился относиться почтительно к ее независимости и гордости. Уважение, которое внушала мне ее личность, заставляло меня в разговоре с ней обдумывать не только слова, но даже интонацию, с которой эти слова произносятся.

– От вас ничего нельзя скрыть. Да! Случилось!!!

Она так это сказала. Я насторожился. Непонятно было – хорошим или плохим было то, что с ней произошло.

– Он вернулся ко мне.

– ?

– Он ушел от своей жены. Просто пришел, без звонка и предупреждения. Пришел ко мне... и остался. Он так несчастен! Ему больше некуда идти.

– Когда это случилось? – ошеломленно спросил я.

– Это произошло два дня назад. Я не знаю, что это значит, но я не могла не впустить его. Это выглядит продолжением всего, что творится со мной весь этот год. Сначала ко мне вернулось здоровье. Теперь вот вернулась любовь.

«Любовь! – понял я. – Вот откуда эта *прозрачность* и эта *сила*. Что же дальше?»

– Мне все равно, правильно это или нет, – жестко сказала Мелани, продолжая, – я только знаю, что это то, что я хочу больше всего на свете. Не буду думать ни о чем. Надумалась уже.

Счастья не было в ее словах. Я остро почувствовал это. Однако, что тут можно было сделать?

– Поживем, увидим, – кратко отреагировал я. – Надеюсь, что это к лучшему.

Мы оба не хотели больше об этом говорить. Интуиция молчала и у нее, и у меня. Вернее, не хотелось спрашивать ее ни о чем. Есть моменты в жизни, когда никто не хочет смотреть в будущее. Смотри, не смотри – настоящее неотвратимо. Оно зависит от того, **как** мы прожили жизнь. Я только чувствовал что-то затаенное в выражении ее лица, какую-то невысказанную муку. Я самонадеянно успокаивал себя тем, что я понимаю это тайное страдание. Я думал, что она, как и я, не говоря ни слова об этом, не доверяла тому, что произошло. Что мы оба не доверяли... Ему! К несчастью!

Что можно было предпринять? Любовь опять ничего не спрашивала. Ей не нужны были ни наш опыт, ни наш ум. У нее своя логика и своя жизнь. Если она действительно живая.

А для Мелани любовь никогда и не умирала. Ее аура продолжала обнажать передо мною правду о человеке, живущем в полную силу, отпущенной Богом настоящей страсти.

Все было чисто. Никаких пятен. Никаких помех. Здоровое, сильное существование и совершенная жизнь биоэнергии, избавленной от грязи и суеты этого несправедливого мира.

«Пойду наверх, – подумал я, – внизу, если есть такая прозрачность, уже нечего делать».

Я дотронулся своим лучом (рукой это сделать было нельзя) до Серебряной Нити Мелани, и она повела меня далеко ввысь... Там, высоко-высоко, все было прекрасно и хорошо.

Там, высоко-высоко, все было прекрасно и хорошо. Голубое и белое тонко переплетались с блеском лунного света Серебряной Нити. Создание гармонии и совершенства этого мира пока возможно только там: в далекой, редко достигаемой высоте. Здесь человек соединяется с Вечным и Прекрасным, а наши обиды и несчастья не могут сопровождать нас на таком расстоянии.

Но я опять ошибся. Поднявшись еще выше, я увидел... Зазубренный «кинжал». Маленький и острый. Его никто не отменил. Он был так неуместен здесь в этой небесной голубизне. И все же...

И все же он был здесь. Его присутствие не обозначало никакой угрозы. Он плавал среди других белых облачков, такой же невесомый, как и они, просто другой по цвету и с более выраженной формой.

«А что, если..?» – решил я. И забыв обо всем, о том, что здесь не воюют, набросился на него. Я пытался хоть что-то сделать с ним, но все было тщетно.

...Вдруг я очутился в совсем другом мире. Там было душно и темно. Я понял, что это уже не аура Мелани. Это чье-то чужое, незнакомое энергетическое жизненное пространство я узнал сразу, потому что когда-то давно, несколько раз в своей жизни уже имел «счастье» работать с «профессиональными» негодьями.

Они казались мне и всем другим людям нормальными людьми. Но это был обман. Когда я был допущен в их ауру, она рассказала мне, что эти люди на самом деле из себя представляют:

Ничего своего. Все за чужой счет. Они думают, что знают то, что они делают. Потому что уверены: мир добрых – это мир слабых. А они сильные, и для них это означает: «Бери! Все твое! Зла нет. Добра нет. Есть только ты и твои интересы и желания. Живешь один раз, и поэтому *тебе* (только тебе!) все позволено».

«Кинжал» сохранил свою форму. Именно он привел меня сюда. Но он был бело-розово-сиреневый. Он давал жизнь всему этому сумраку. Это было странное Солнце этого мрачного мира. Солнце любви Мелани. Оно давало жизнь этому человеку. Как робкий белый кролик продлевает и дает жизнь огромной змее. Ворованную, злую жизнь.

Тихо-тихо я вернулся в сияющий мир Мелани. Успокоил в нем свою опечаленную душу. И понял: только сама Мелани может что-то сделать с этим «кинжалом».

Да, я помог ей убрать этот убийственный обрубок из ее жизни, но никто не может убрать его из ее судьбы. Никто, кроме нее самой.

– Будьте осторожны, я вас очень прошу, – сказал я в конце нашей встречи, обращаясь к Мелани.
– Нам с вами есть еще над чем работать. Не все так хорошо, как кажется.

– Я знаю, – ответила она. – Я постараюсь.

Душа ее была светла и полна добра. Иногда нам удается обмануть даже собственную совесть. Душа наша так доверчива. Она умеет обманывать себя сама.

«Душа наша так доверчива. Она умеет обманывать себя сама», – вспомнил я, когда спустя несколько дней мне позвонила Кэтти и сказала, что маме очень плохо. Я помчался к ним домой.

– У меня болит вот здесь внутри, – показала мне Мелани, указывая рукой на середину груди. – Какая-то струна оборвалась там, и ее острый конец царапает мне сердце. Мне нечем дышать. Никаких сил нет это терпеть. Помогите мне. И тогда это пройдет. Вот только перестанет так сильно болеть, и я опять стану сильной.

Мы оба знали, что уже слишком поздно.

Мы оба знали, что уже слишком поздно. Опоздание было всего на несколько часов. И на всю жизнь.

Утром этого дня он скандально кричал в этой же комнате, где сейчас я и Мелани печально смотрели друг на друга:

– Как ты могла не сказать мне об этом?!! Почему я узнаю все от других людей? Я не знал, что ты так больна. Не знал!!! Иначе, я бы никогда не пришел к тебе! Ты не можешь, не имеешь права требовать от меня такой жертвы! Я пришел к тебе за помощью. Мне так плохо!!! («Ему! Опять плохо только ему!» – горько и разочарованно отметила Мелани.) У меня очень сложный период в жизни. Я не могу взваливать на себя еще и твои проблемы. Ты должна знать, что я не намерен все это терпеть.

Меня нельзя обманывать! (Непонятно, кто пытался его обмануть?). Я ухожу. А тебе должно быть стыдно! Стыдно, что ты в такой тяжелой ситуации, в какой я оказался, пытаешься переложить на меня свои трудности и свою болезнь! (Он был совершенно уверен в своей невинности. Это не он пришел к Мелани. Его заманили, обманули.) Ты прекрасно выглядишь и прекрасно справишься без меня! Ты же всегда была умницей. Если бы я знал раньше, я бы никогда! Ты слышишь, никогда к тебе не вернулся. Я не люблю тебя. Мне некуда было больше пойти. Только поэтому я здесь появился. Я думал, что ты со своим умом сможешь помочь мне выкрутиться из того ужаса, в который я попал. Все меня обманывают. И ты тоже! Как ты могла?! Как ты посмела? – Его истерические крики на самом деле были воплями шакала, у которого кто-то более сильный отнял добычу.

Комментарии были излишни. Он сломал Мелани жизнь уже во второй раз, так же легко, как и в первый. Не думая, как всегда, ни о ком, кроме себя и не понимая того, что делает, он, мимоходом, прекратил восстановление ее здоровья.

Печальным видением погибшей Помпеи явилась передо мной аура Мелани.

Руины вместо энергетических центров. Пересохшие русла вместо «инь-янских» каналов.

Конечно, не зря Мелани и я трудились больше года. Чакры были уже тренированными, каналы гибкими. Главные опоры и артерии жизни еще можно было восстановить. Биоэнергия вернулась и заполнила все брешы и пробоины. Физическая боль в этот день оставила Мелани. Однако... Что можно было сделать с *душой* проданного даже меньше, чем за тридцать серебряных монет, святого человека? Душа этой женщины не хотела больше жить!

Но не все так просто. У каждого из нас есть свои священные долги и своя судьба.

У каждого из нас есть свои священные долги и своя судьба.

Тело. Личность. Душа. Это триединство и есть человек.

Тело и душа Мелани умирали. Жить хотела только ее личность. И на это у нее были свои особенные причины. Их было несколько.

«Я дала Кэтти клятву, – все время шептала, говорила, кричала Мелани, в зависимости от того, какие боли одолевали ее в этот момент. – Я дала клятву выздороветь и жить долго-долго. Я так хочу, чтобы она закончила школу! Жизнь моей дочери *он* не должен разрушить, так же, как мою. Я этого не позволю!

После обследования врачи сказали Мелани, что жить ей осталось ровно шесть месяцев. Слишком обширной была вспышка появления новых метастаз. Мой печальный опыт говорил мне то же самое.

Ровно столько же оставалось Кэтти до окончания школы. И восемнадцать месяцев до... конца жизни её матери. Откуда, из какой нереальности появились эти двенадцать «добавочных» месяцев я узнал гораздо позже.

У Мелани сильно болели суставы. Лимфоузел около шеи вырос опять. Точно в том же месте. К нему прибавилось еще несколько таких же крупных в подмышках и в паху. Тело теряло силы день ото дня. Она похудела и от этого стала еще красивее.

Мелани не сдавалась: она занималась каждый день по много раз. Каждый раз столько времени, насколько хватало сил. Ей почти не нужны были болеутоляющие таблетки. Она сама справлялась с болью. После каждого занятия Интуитивной Активной Медитацией боли исчезали на короткое время, и возвращались хоть какие-то силы.

Мелани все это время работала. Очень много работала. Когда не смогла уже ходить в офис, в котором она была одним из лучших специалистов, она стала брать работу на дом. Ей приносили толстые папки с документами и огромные рулоны чертежей. Она проверяла их, исправляла. Делала так много, что ей платили сверхурочные. Несколько раз я ловил ее на том, что она брала работу и из других офисов. (Я видел на ее столе бумаги с самыми разными названиями фирм.)

– Мне нужны деньги, – сказала она мне, когда я попытался выговорить ей, что она укорачивает себе жизнь из-за того, что так много работает. – Не спрашивайте меня, пожалуйста, зачем. И не бойтесь за меня. Я выдержу!

Даже, когда она говорила со мной, она ни разу не допустила, чтобы разговор касался того, как скоро и когда будет конец всем ее мучениям.

– Я буду жить! Столько, сколько надо! – И это «надо» было очень многозначительным. Какой-то очень важный смысл стоял за эти словом.

Кэтти теперь училась не только в школе. Мама учила ее делать чертежи на компьютере. Мелани все время говорила дочери:

– Я умею это делать очень хорошо. Поэтому меня так ценят. Как я тебя научу, никто не научит! Я не могу ждать, пока ты выберешь то, чем ты будешь заниматься в жизни. В любом случае: эту работу очень ценят, и ее всегда много. На всю жизнь тебе будет хорошая подработка.

И скоро Кэтти, способная, как и ее мать, уже успешно помогала ей в работе.

Мелани *хотела жить*. Она решила, что у нее есть святая цель сдержать все свои обещания. Ее уникальная личность стала такой сильной, что делала невозможное: она заставляла раненую душу и слабеющее тело бороться за каждый прожитый день.

Мелани отменила естественное течение событий. То, как она произносила команды Интуитивной Активной Медитации, и то, как ее тело послушно следовало подсказкам ее интуиции, доказывало: когда человек действительно чего-то хочет, даже законы природы подчиняются его желанию. Мелани даже в такое тяжелое время оставалась хозяйкой положения. Болезнь не могла отменить ее планы. Она виртуозно распоряжалась высокими жизненными вибрациями, которые получала во время своих занятий. И продолжала... Упрямо продолжала жить!

Прошло девять месяцев. Врачи ошиблись в сроках, но не ошиблись в опасности болезни Мелани. Она не могла ни выйти из дома, ни работать. Вот уже две недели ей было очень плохо. Я ездил к ней домой сам. Поэтому я удивился, когда увидел Кэтти у себя в офисе. Ведь только утром этого дня я был у нее дома и работал с ее мамой.

– Что-то произошло? С мамой плохо? – забеспокоился я, вставая ей навстречу и направляясь к выходу. Первый мой порыв был: скорее бежать на помощь.

– Нет, все так же, как сегодня утром, когда вы у нас были. Не хуже, не лучше, – ответила Кэтти грустно. – Я к вам по делу. Мне нужно у вас узнать одну вещь. Подскажите мне, пожалуйста, где я могу купить такое же кресло, как и то, что стоит у вас в кабинете?

– А в чем дело? Почему именно такое же?

– Мама все время говорит, что у нас в доме нет удобного для нее стула или кресла. И поэтому ей так трудно унять боль. И из-за этого она не может отдохнуть, как следует. Вы же знаете, когда она лежит, ей еще хуже, – сказала Кэтти, жалобно посмотрев на меня и будто ища одобрения в моем взгляде. – Мама говорит, что только в вашем кресле она может найти и принять такую позу, что боли сами собой проходят. Вот я и решила, что займу деньги у дяди Роберта и куплю ей точно такое же. Если мама так говорит, значит, это кресло действительно может ей помочь. – Кэтти произнесла все

эти слова твердо, так же, как и ее мать, характерным поджатием губ подчеркивая особо важные места в своей речи.

«Такая же сильная, как и ее мама», – подумал я.

Надо было что-то делать с этим креслом. Их было два. Я уже очень давно перевозил их с квартиры на квартиру, а потом одно из них перешло в мой офис. Кресло действительно было очень удобным. Все, кто приходили ко мне на прием, могли расслабиться в нем без особых проблем. Кресло одинаково хорошо подходило и для высоких людей, и для маленьких, и для худых и не очень.

– Я узнаю у жены, где можно купить такое же кресло, – растерянно сказал я, – и вечером тебе позвоню.

Я вернулся домой в этот день очень поздно. Было очень много работы. Что-то непонятное творилось в этот год с погодой. Каждый день приносил что-то новое. То это был ливень, и тогда была глубокая осень, то наступала такая жара, что казалось, будто лето навсегда победило, и другие времена года просто отменены. Больным людям такое буйство природы приносило много дополнительных мучений.

– Немедленно сообщи Кэтти, что она может взять второе кресло, которое стоит у нас дома. Сейчас оно там нужнее. Ты же знаешь, что его невозможно нигде купить, – сказала мне жена.

Через час я открыл дверь, и в дом вошли три человека. Это была Кэтти и двое мужчин. Один мужчина был очень молод, ему было не намного больше лет, чем Кэтти. Другой был лет на двадцать пять старше. Сопровождающие Кэтти люди были очень похожи между собой. Впечатление особенно усиливало то, что они были в совершенно одинаковых очках.

– Извините, что мы так поздно. Познакомьтесь, это дядя Роберт, а это мой двоюродный брат Алекс, – сказала Кэтти. – Мы приехали за креслом. Я позвонила дяде Роберту, и он решил, что лучше забрать его сегодня. Маме нужно отдохнуть. Скажите, сколько оно стоит, и мы его сейчас же заберем.

Я молчал, не зная, что ответить. Но, к счастью, я был не один.

– Ровно один доллар. Извините, что так «дорого», но я заранее знаю, что вы не возьмете его совсем без денег, – не дав всем нам опомниться и вставить хотя бы одно слово, быстро проговорила моя жена. – Проходите сюда, в эту комнату. Когда кресло заносили, то пришлось снять дверь, иначе оно туда не проходило. Надеюсь, что трое мужчин смогут разобраться с тем, как снять эту дверь еще раз.

Через неделю, в назначенный день и час, я пришел к Мелани. Она была не одна. Первый раз – не одна... Я приходил всегда по утрам, когда Кэтти была в школе. И чувствовал, как Мелани была рада, что хоть кто-то ее навещает. Тяжело больному человеку быть одному. Я не знал еще, что больше никогда этого не будет. *Никогда.* До последнего дня жизни Мелани.

«Дядя» Роберт без тени смущения смотрел на меня.

– Спасибо вам за кресло, – сказал он, – Мелани действительно намного удобнее в нем сидеть. Она даже спит в нем днем и ночью. И не просыпается от боли, как это было раньше. Нам всем сразу стало легче.

«Что означает это “нам”?» – удивился я.

Работать с Мелани в этот день было очень легко. У меня возникло такое ощущение, будто кто-то помогает мне и делится своей энергией. Я, конечно же, догадался, что дело не в моем кресле.

Да, тело ее пострадало, и было видно, как ему трудно продолжать справляться со своими обязанностями. Однако энергия!..

О! Энергии было очень много. Светлая, теплая, нежная, добрая энергия любви и участливой заботы сделала вибрации энергии Жизни внутри и вокруг тела Мелани мягче и податливее. Пятна метастаз уменьшились, и они уже не были так агрессивны. Даже они не смогли сохранить свою злобность в этом *облаке любви*.

В этот день мне удалось поправить в биоэнергетическом каркасе ауры Мелани столько, сколько до этого мне удавалось сделать, может быть только за месяц. И в этот день началось, то, что я потом назвал вспышкой «сверхновой звезды Здоровья» Мелани. Да и никак иначе нельзя было это назвать. Это было «индейское, или бабье лето» жизни Мелани. Этот подарок природы всегда так прекрасен, но так скоротечен в любой стране мира.

Несколько месяцев состояние Мелани было стабильным. Болезнь ее замерла. Перестала ее мучить. Перед последним боем ее жизнь и сама Мелани получили благословенный отдых. Она даже поправилась. Еще сильнее похорошела. Стала очень мягкой и мудрой. Душа Мелани на прощанье получила много сил... и счастья.

Душа Мелани на прощанье получила много сил и счастья. Человек, когда ему плохо, нуждается в общении, в поддержке близких людей. Так хорошо, когда окружающие делятся друг с другом всем, чем только могут.

Роберт, Кэтти и Алекс уже почти ночью привезли кресло и усадили в него Мелани. Роберт накрыл ее теплым пледом, и они с Алексом ушли, оставив в последний раз Кэтти и Мелани совершенно одних в доме и в этом мире. Это на самом деле случилось в последний раз.

Никого не было с Мелани, когда Роберт пришел к ней на следующий день. Темные круги под его глазами выдавали бессонную ночь. Мелани не успела его ни о чем спросить. Он начал говорить первым:

– Я уже поговорил с Алексом. Как я и думал, он все понял и одобрил мои намерения. Для меня разговор с моим сыном – окончательное разрешение на то, что я решил сделать с моей жизнью, – сказал Роберт, глядя Мелани прямо в глаза. Очки он снял и от этого показался ей каким-то совершенно незнакомым человеком: уверенным и сильным. В очках он казался таким неприспособленным к жизни. – Я должен сказать тебе! Ты должна это знать! Восемнадцать лет моей жизни я никому не мог об этом рассказывать.

Теперь же я решил! Мой сын узнал об этом сегодня. Мне казалось нечестным не сказать ему первому об этом. Теперь я говорю это тебе: *я люблю тебя!* Люблю со дня твоей свадьбы с *ним*, с моим братом. Твоя жизнь с ним - трагедия всей моей жизни. Как, впрочем, и моя жизнь без любви с моей женой. Никогда я не думал, что смогу признаться в этом. Я все время видел, *как* ты его любишь. Но теперь это уже неважно. Вчера моя жизнь изменилась окончательно: эта история с креслом. Глаза Кэтти. Твое одиночество. Твоя боль. Ты так обрадовалась этому креслу, как будто кроме него у тебя нет больше никого в жизни, кто может обогреть и защитить. И тогда до меня дошло:

Я же могу стать для тебя хотя бы таким же «креслом»!

А это уже так много!!! Моя любовь дает мне право на мое решение. Я решил быть с тобой. Не имеет никакого значения, что ты не любишь меня. Моей любви хватит на все и на всех! Главное, что

ты нуждаешься в ком-то, кто может и должен помочь. И этого достаточно. Мне все равно, в качестве кого я буду рядом с тобой. Бывшего родственника, друга, слуги или сиделки. Ты должна знать, что ничем не будешь обязана. Это *нужно мне*. Мне! Потому что я люблю тебя!

Роберт жил теперь с Мелани и Кэтти вместе. Его сын приходил каждый день. У Алекса была своя машина, и он с удовольствием исполнял роль незаменимого водителя в дружном доме. Вместо постылого одиночества в дом Мелани пришла радость единения, заботы, понимания, уверенности в другом человеке и успокоение от мятежных мыслей. Уже через два месяца у них, у всех четверых, были такие отношения между собой, как будто они очень дружно прожили вместе всю жизнь и никогда, ни на один день, не расставались. Каждый из них так распределял свое время, что с Мелани все время кто-то находился рядом.

Весной, незадолго до сорокалетия Мелани, закончилась «вспышка сверхновой звезды».

«Звезда Здоровья» человека слишком нежна и хрупка. Она из породы тех звезд, что не удерживаются долго на небосводе и, прочертив на ночном небе горящий след, обессилено падают на землю. Их яркий след лишь врежется в людскую память, напоминая о том, что все имеет конец. Даже жизнь звезды.

– Я знаю, что скоро умру, – сказала мне Мелани в середине мая, когда расцвела сирень, и весь город стал похож на невесту в сиренево-белом платье

Огромная охапка сирени, стояла рядом с креслом Мелани. В комнате парил тончайший запах. Мелани была уже очень измождена и, вопреки всему, так красива, как никогда раньше.

– Я знаю, что скоро умру. Вчера ко мне пришло известие о моей смерти. Вот, посмотрите, – грустно улыбнувшись, Мелани протянула мне листок банковского бланка.

Я взял его и прочитал о том, что банк очень благодарен Мелани за то, что она полностью выплатила всю ссуду за квартиру, в которой жила.

– Это и был мой самый главный, мой священный долг, – гордо произнесла Мелани. – Полтора года прошло с тех пор, когда я сказала себе, что не имею права умирать, пока не расплачусь со всеми своими долгами. Кэтти уже, слава Богу, учится в университете, и ей не должно мешать счастливо жить даже это! Хватит ей того, что у нее не будет меня. Квартира полностью выплачена и записана на ее имя. Я все это сделала сама. Я так этого захотела, когда подумала тогда, полтора года назад, что у моей Кэтти больше на этом свете не останется ни одной родной души! Как вы говорите – «надо только сильно захотеть!»

Как жаль, что я не знала о том, что я и Роберт так сильно любим друг друга, я бы тогда захотела прожить еще не восемнадцать месяцев... а восемнадцать лет! Но ничего, зато я знаю теперь, что Роберт никогда не предаст мою Кэтти, никогда не оставит ее в беде и не позволит никому обманывать ее.

Это был последний раз, что я видел Мелани живой. Каждую минуту я остро понимал, что запоздалая весна ее жизни обрывается. Но все равно упрямо работал, работал. Наградой моему упорству стал неожиданный подарок. Мелани помогла мне найти разгадку еще одной тайны. Я узнал о существовании энергии, которую я теперь ищу в каждом человеке. И радуюсь, если ее нахожу. Я не фаталист. Я верю. Верю и надеюсь всегда.

Я не фаталист. Я верю. Верю и надеюсь всегда. Я пытаюсь изменить ситуацию даже тогда, когда кажется, что уже ничего не может помочь. Только это мое упорство дало мне силы подняться так высоко.

Низкочастотные энергии уже не могли задержаться надолго на физическом уровне биополя Мелани. Все проваливалось в жадные черные дыры. Я подумал, что если смогу дойти до такого уровня, на котором появится энергия, способная перекрыть и наполнить источники болезни Мелани, тогда у нее, действительно, появится возможность жить еще восемнадцать лет. Поэтому я решил, что сегодня буду только подниматься сам и поднимать частоту вибраций энергии, насколько хватит сил и возможностей, а вернее, насколько я могу быть... допущен.

Я был допущен.

И даже не заметил, как это произошло. Просто я очень сильно был сконцентрирован на добывании очень высоких энергий и ждал того момента, когда наступит уже знакомое мне состояние, главная особенность которого состоит в том, что... время исчезает. Тогда только я знаю, что нахожусь достаточно высоко, настолько высоко, что могу решать очень сложные задачи. Я пользуюсь этим нечасто, потому что уж слишком это большой расход сил. Но в этот раз я «вылетел» еще выше.

Это было очень похоже на сон, но я точно знал, что не сплю. Об этом мне говорила сильная боль в спине, оттого что я, почему-то принял очень неудобную позу, передав всю тяжесть тела на правую сторону, а руками, будто отдавая что-то, тянулся налево. Это было немое, застывшее состояние: я не смог бы пошевелиться, даже если бы захотел. И одновременно это было динамичное движение: я все время чувствовал, как что-то внутри меня растягивается. И вот в этой очень странной и неудобной донельзя позе я «вылетел» в... другую реальность. Это было больше, чем просто «видение», мощнее, чем просто «астральный полет», это была именно **другая реальность...**

Почему «другая»? Потому, что так хорошо видно и ярко не бывает нигде и никогда, так сильно не чувствуешь ни в каком другом месте. Я отчетливо осознавал себя в очень странном сочетании трех измерений: моя растянутая поза и боль в перекрученной спине крепко удерживали меня в этом земном мире; энергия, что выше времени, остановила бег мгновений вокруг и внутри меня; и третье было тем, что очень трудно передать словами. На земле еще слишком мало аналогов.

В этом «третьем» я был одновременно и гостем, и хозяином. Я пришел сюда в первый раз, но никогда и не уходил отсюда. Это выглядело так, как будто я одновременно был и зрителем, и участником какого-то грандиозного и в то же время очень камерного **действия**. Мне «показывали» сюжет о жизни души Мелани, а потом о жизни души Роберта. После этого мне показали, что давно-давно эта была **Одна Душа**. И что очень далеко в будущем это будет Единая Душа **вновь**. И это слияние будет уже безвозвратным. А пока...

Пока я узнавал о том, что в этом воплощении ими сделано уже очень много...

Мелани ушла в мир иной... Когда и Роберт сойдет с жизненного круга, который в Индии называется «колесом Самсары», тогда они будут опять вместе.

Со времени первого разделения их совместной души надвое они впервые будут надолго вместе.

Они много сделали для этого сегодня. Потому что вся наша жизнь – это сегодня.

Это были не слова. Не было никаких «живых картинок». Это была история, информация, программа... и судьба. Судьба **Одной Души**, временно разделенной на скоротечные годы земного воплощения.

Это не был исторический боевик с переодеваниями. Это было мое постепенное проникновение в **знание** об этом. Мне дали этим знанием «пропитаться». И, когда я понял, что уйду отсюда, я успел только попросить о снисхождении.

К Мелани.

Через три дня стало ясно, что Мелани уходит. Она отказалась ехать в госпиталь, сказав, что это не нужно.

– Я хорошо себя чувствую, у меня ничего не болит. Это кресло действительно волшебное. Еще раз спасибо вам, что вы мне его привезли. У меня мало сил, а те, что у меня еще остались, я хочу истратить на то, чтобы видеть вас.

Тебя, Кэтти.

Тебя, Алекс.

И тебя, Роберт, возлюбленный мой!

«И тебя, Роберт, возлюбленный мой!»

Эти последние слова Мелани – итог ее трагической и счастливой жизни – запомнились мне навсегда. Понадобилось много других, таких же невероятных историй, чтобы я, наконец, решился написать об этом. Я все время думал, что мне не поверят.

Теперь я знаю, что жизнь изобретательна настолько, что никакая фантазия человека не может с ней сравниться. В этой истории все правда, от начала и до конца. Кроме чуть-чуть измененных имен. Я точно знаю, что поверить в ее правдивость, принять и понять может только тот, кто в подобном уже убедился сам. Тот, чья душа хотя бы один раз уже сражалась или хотя бы видела подобный поединок другого человека с самим собой. Мы все – просто люди. Никто из нас не воин. Потому что это не война, а всего лишь наша жизнь и наша смерть. Временное продолжение и временная остановка событий в бесконечной череде жизненных и смертных перевоплощений нашей бесконечной и бессмертной души.

И никто не может спрятаться, отказаться или сбежать с этой дуэли.

Дуэли без секундантов...

Дальше уже каждый только сам творит продолжение и финал истории своей Жизни.

От тебя зависит, какую она будет – твоя собственная «История разделения и соединения души».

Испытание

Главное Сно-Видение моей жизни – 3

*Небо и Земля разделены,
но они делают одно дело.*

Конфуций

Такие люди, как Мелани, приходят в наш мир, чтобы хоть немного его улучшить. Мир несправедливо обходится с ними. Быть может, это происходит из-за того, что они рождаются слишком рано...

Наверное, их время еще впереди.

Может быть, в 21-ом, только что начавшемся, или в 22-ом столетии, или хотя бы в четвертом тысячелетии, они смогут легко и счастливо жить.

Выходящий за пределы обычного человеческого поведения поступок-подвиг Роберта и его потрясшая мое сердце фраза: «Я же могу стать для тебя хотя бы вот таким «креслом»... И его любовь к Мелани...

И зрелая истинная **Любовь** Мелани и Роберта, таких настоящих и таких **живых** людей, после тяжелейших жизненных испытаний нашедших друг друга...

И энергетическая борьба за здоровье Мелани...

Все это не только изменило меня и всю мою жизнь.

Изменился смысл моей жизни!

Я ясно осознал: несмотря на то, что тело Мелани не справилось с жестокой болезнью – душа ее одержала победу!

Это ли не чудо?!!

В награду за то, что я оказался одним из тех людей, кто помог Мелани обрести счастье... случилось так, что еще в то время, когда Мелани была с нами, Главное Сно-Видение моей жизни получило новое **Продолжение**.

...Люди, способные летать, стремглав мчатся вслед за Птицей с синими крыльями и белой головой. Я лечу вместе с ними.

Невидимая энергетическая нить пронизывает меня насквозь и связывает с летящими впереди людьми.

У меня много сил, и я чувствую, что их хватит на самый долгий перелет.

Далеко внизу простирается бескрайняя гладь зелено-голубой материнской стихии. Я вижу, что океан материнской любви под нами волнуется и неровно, взволнованно дышит, вздымая вверх огромные, тревожные волны.

Родная стихия переживает за нас. Она хочет, чтобы мы долетели до цели!

Чувство невообразимой гордости наполняет меня. Я – сын такой *Матери*. Сын – такого огромного *Океана Любви!*

И я смог научиться летать!

Люди, способные летать, время от времени меняются между собой. Каждый из нас по очереди становится первым в вершине витка облачно-белой крылатой спирали, ввинчивающейся в небо.

Вот приходит и моя очередь быть первым.

...Мне страшно.

...Я волнуюсь.

Я боюсь не справиться, сбиться с ритма, не оправдать доверия...

Лететь первым так почетно... хотя, в то же время, и невероятно сложно, ответственно, опасно и очень-очень трудно.

(Я помню. Я знаю, что все это происходит во сне! И тем не менее... Или, наоборот, именно потому, что это происходит во сне, – все мои переживания и чувства ощущаются намного серьезнее и острее, чем в обычной жизни.)

Мне стыдно за свою слабость. Всем телом, сердцем, душой и руками-крыльями я чувствую, с каким волнением и с какой надеждой смотрят на меня, люди, способные летать.

Мне становится жарко и... как-то по-особенному пусто и гулко внутри.

Я должен справиться со своим страхом и неуверенностью в себе. Это очень важно. От этого долга не отмахнуться, не спрятаться, не свернуть в сторону. И я не могу притворяться и казаться более сильным, чем являюсь на самом деле!

Все – всё видят!

Все – всё понимают!!!

В воздухе вокруг меня (*его по-прежнему можно пить, как воду*) разлито такое глубокое ощущение *истины!*

Мне уже слышится и даже видится строгое слово *«испытание»*...

В этот момент оно – «испытание» – становится моим самым главным чувством.

Птица с синими крыльями и белой головой, летящая впереди, оборачивается ко мне, и я слышу ее голос, чеканящий слова после каждого взмаха огромных крыльев: «Чистота мысли должна быть равна чистоте неба, в котором ты летишь. Искренность желания достойно пройти испытание должна быть равна чуду исполнения твоего желания научиться летать».

Я не знаю, что должен думать и говорить в ответ. Внутри меня космический холод.

В голове стучит, вертится, колеблется из стороны в сторону чувство боязни неудачи. (Это чувство хорошо знакомо мне... Когда я не сплю и живу в реальном мире, то больше всего на свете я боюсь именно неудач.)

Силы мои тают... Когда слабость совсем одолеет меня, я, наверное, не выдержу и начну падать вниз.

Это уже было... Я этого не хочу!

Совсем!!!

Но что же мне делать? Неужели я опять вернусь к тому, с чего начал?

И тут я...

И все люди-птицы позади меня...

Мы все вместе видим берег!

Оказывается, устал не только я один. Летающие люди в белых одеждах (и я вместе с ними) резко меняют направление полета и стремительно пикируют вниз.

На берег!

...На землю мы попадаем очень быстро.

(Это же сон!)

Приземлившись без удара, плавно и умело, мы встаем на ноги и видим вокруг себя много людей.

Их не просто много.

Людей очень, очень, очень много...

Это толпа!

Плотная масса сгорбленных, усталых путников в серых грязных одеждах, идущих вверх по горной дороге...

И все они смотрят себе под ноги и не обращают на нас никакого внимания.

Громадная гора, у подножия которой собралась толпа медленно идущих вверх людей, вознеслась высоко под облака. Вокруг нас серые, безжизненные сумерки, и только наверху, у самых темных облаков светится сиротливый силуэт одинокой Птицы с синими крыльями и белой головой.

Она манит. Зовет к себе. Ждет нас.

Мои спутники и я сам – по-прежнему те же самые люди-птицы, только сейчас мы так устали, что нам не до полетов.

Какое-то время мы еще пытаемся держаться вместе. Но люди в грязных серых одеждах, идущие в гору, разъединяют нас. Они вклиниваются между нами и заставляют нас двигаться в одном ритме с ними.

Энергетическая нить, связывающая меня и людей в белых одеждах, медленно... как снежинка на ладони... тает и слабеет.

Все больше и больше людей из толпы протискиваются между нами. Очень скоро я оказываюсь совершенно один, без моих летающих друзей, в самой гуще толпы, сплошь состоящей из одних только понурых, утомленных людей в серо-грязных одеждах.

Энергетическая нить, соединявшая меня с людьми способными летать, окончательно рвется. Вместо нее мое тело пронизывает гнетущая энергия угрюмого молчания толпы.

Моя невесомо-легкая одежда становится влажной и неподъемно-тяжелой. Она быстро пропиталась тоскливой сыростью немого отчаяния, которым насыщает воздух промозглое, усталое и безнадежно-печальное дыхание хмурой толпы. Длинные и белоснежные рукава-крылья, которые еще совсем недавно так ярко светились в голубом небе праздничной радостью моего свободного полета,

безжизненно поникают вниз... заставляют меня сильнее согнуться к земле... прилипают к ногам... и мешают двигаться.

Я с ужасом понимаю, что иду также медленно и тяжело, как и все люди вокруг меня.

И это еще не все... Это еще полбеды.

Пыль под моими ногами... пропитана страданием.

Я с трудом иду по истерзанной людским мучением *больной* дороге, и ноги мои все больше увязают в тяжелой пыли, толстым слоем устилающей весь путь к вершине горы.

Дорога – по которой мы идем – это сильно измученная дорога...

Я вижу, что моя белая, прекрасная одежда стала серой и грязной.

Такой же, как и у всех...

Я чувствую, как страдание и мука, наливают свинцом мои ноги и, не спрашивая разрешения, бесцеремонно и нагло проникают в каждую клеточку моего тела.

Мне больно. Тяжело. Тоскливо...

И страшно...

Сказка кончилась.

Теперь и в моем сне я охвачен таким же чувством потерянности и одиночества, как и в моей реальной жизни, когда меня предают, обманывают, используют, *не* замечают, *не* уважают, *не* слушают и *не* слышат, *не* понимают, *незаслуженно* обижают, *не* любят и еще много всяких *не... не... не...*

Острая и беспощадная игла чувства абсолютного одиночества пронзает и безжалостно колет мое сердце. С каждым очередным уколом одиночество проникает все глубже и ранит все больше...

Я – совершенно один, хотя вокруг так много людей. Глухое, угрюмое безмолвие делает каждого из нас сиротливо-затерянным в огромной толпе.

Идти становится еще тяжелее. Мы вразнобой переставляем уставшие, плохо слушающиеся ноги и молчим.

Я не знаю, о чем можно говорить с *этими* людьми...

Они так же одиноки, как и я!

Физически мы так тесно сблизились, что толкаем другу друга локтями, коленями, головами... но это не мешает нам чувствовать свою отдельность и *одиночество* не только здесь и сейчас, но и *во всем мире*.

Нам всем душно. Плохо. Тесно. Неуютно. Холодно...

И гадко на душе...

От дороги под ногами веет таким ледяным равнодушием, что холодное, какое-то *чужое*, совершенно *не мое* безразличие постепенно полностью овладевает мною и вытесняет все другие чувства.

Измученной страданиями, *больной* дороге нет никакого дела до меня... Так же как и усталым людям в серых, грязных одеждах.

И мне...

Мне тоже нет никакого дела до них. Сейчас у меня нет сил думать даже о самом себе.

Состояние полной *отрешенности* становится всеобщим.

Вот только...

Мне плохо. Физически плохо!

Мне не хватает воздуха.

Да и немудрено! Такое ощущение, что в этом спертom, сыром воздухе безучастности и равнодушия, которым мы все дышим, совсем нет кислорода.

Хочется пить...

В горле пересохло...

Жажда заставляет меня издавать стоны острого сожаления при каждом воспоминании о том, что там – в небе – можно было *пить свежайший воздух*, сколько хочешь и когда захочешь...

Я почти задыхаюсь и надсадно, шумно и тяжело вбираю в себя болезнетворный воздух душевного сиротства и всеобщего равнодушия.

Мое тяжелое дыхание раздражает моих соседей, также сильно, как их сердитое сопение нервирует меня. Общее недовольство растет вглубь, наружу, вширь, вверх и вниз... и перерастает в жгучее чувство злости.

Вскоре это уже просто ненависть, в которую *мы все* одеты-закованы, как в смирительную рубашку...

Ненависть к себе, к людям, к воздуху, к тесноте, тяжести на душе. (Вот она – психология необъяснимого влияния толпы. Даже те, кому ненависть несвойственна по самой их природе, становятся жестокими и почти теряют разум.)

Ненависть заставляет меня так сильно сжать кулаки, что пальцам становится больно.

Все хотят отодвинуться, отдалиться друг от друга. Но для этого нет места.

Толпа!

Везде люди, люди, люди... Мы по-прежнему наступаем друг другу на ноги, толкаемся, пихаемся и натываемся – сосед на соседа – локтями, коленями, плечами и даже лбами.

Больно. Плохо. Душно. Тесно. Неуютно. Страшно. И очень холодно...

На сердце скверная, саднящая тяжесть.

Горло дерет поднимающийся изнутри сильный протест.

Протест против чего?

Против кого?

Непонятно...

Измученная людскими страданиями больная дорога берет в плен все чувства и мысли!

И так хочется сделать что-то сильное, пусть даже злое, постыдное, но все же способное на то, чтобы хоть как-то прекратить эту пытку холодом равнодушия и отсутствия интереса к себе и к людям.

То же самое творится и с уставшими людьми вокруг. Я чувствую это...

Как зябко нашим душам!

Какая же это мука – ничего не чувствовать внутри!

Какая масса боли!

Мне становится нестерпимо жалко себя.

Жалко всех людей!

У этой жалости есть свой особый привкус. Кислый. Горький. Острый. Приторный. Тошнотворный.

Как нам всем плохо сейчас! Ужасно. Противно. Гадко. Скверно...

Невыносимо плохо!

Так плохо, что скулы сводит от скорбной, ядовито-кислотной, поднимающейся к сухому горлу горечи.

Вот уже горечь огорчения обметывает соленым налетом мои губы, обволакивает небо, вяжет язык ощущением прогорклого уксуса...

Мои губы рефлекторно, сами собой кривятся в отвратительной гримасе. Я готов проглотить свой собственный язык, чтобы избавиться от омерзительного вкуса унижительной, скорбной жалости!

Язык остается на месте, но что-то терпкое, горячее проникает вовнутрь, заполняет собой грудь, живот, руки и плечи...

Во рту становится легче. Злость моя тает. Раздражение исчезает. Мне приходит в голову мысль, несущая напоминание о недавней свободе: «Ах, как нам всем было хорошо, когда мы летали!» Я внезапно осознаю, что люди вокруг меня такие же, как и я.

Они тоже – люди, способные летать!

Просто они оказались здесь, у подножия горы раньше меня и устали больше, и отчаялись сильнее...

И они, так же как и я, хорошо помнят о том, что когда-то и *они умели летать*.

Где-то прямо под сердцем возникает острое ощущение возможности нового полета. Оно быстро растет, заполняет грудь и начинает изнутри распирает мою изболевшуюся душу и раненное злостью сердце.

Чувство полета заперто в них – в моей душе и в моем сердце.

Замкнуто крепко! Прочно! Глубоко!

Руки-крылья плотно прижаты к телу. Их не оторвать!

Моя загнанная глубоко вовнутрь *способность летать* продолжает расти и рвется выйти наружу.

Я иду вперед и, не раздвигая рук, начинаю раскачиваться из стороны в сторону.

Люди в серых и грязных одеждах вокруг меня колеблются вместе со мной.

Вначале все мы бестолково толкаемся и мешаем друг другу, но вскоре...

Вскоре мы прижимаемся, плечо к плечу... все плотнее друг к другу... и раскачиваемся уже в одном дружном ритме и так сплоченно, что преодолеваем нашу усталость, отрываемся от страдающей, измученной дороги и начинаем низко-низко парить над склоном горы.

Между нами протягивается новая энергетическая нить. Она объединяет нас. Делает единым целым. Мы все меньше касаемся ногами земли и все дольше, поддерживая друг друга, удерживаемся в воздухе.

Мы все идем-летим за счастьем. Нам тяжело и трудно.

И все же *я* знаю...

Мы *все* знаем...

Мы помним...

Мы *стремимся* к счастью.

Счастье же наше – там...

На вершине огромной горы.

Птица с синими крыльями и белой головой по-прежнему летает высоко над нами.

Увидев, что мы, пусть все еще низко и не очень уверенно, все же начали отрываться от земли, Птица с синими крыльями и белой головой издает победный клич.

В ответ на ее призыв яркие лучи света пробивают серую толщу свинцово-тяжелых облаков и щедро освещают скалистую вершину горы.

Белый снег на вершине горы вспыхивает благодарным, ослепительно-сильным отраженным светом.

Свет изливается с небес на землю. И его лучи тонут в моих глазах.

Тонут без отражения...

Мои глаза и глаза всех людей, в серых и грязных одеждах, парящих над истерзанной мучениями дорогой, жадно *пьют* (и никак не могут напиться) энергию света, так же естественно, как я *пил* воздух и *дышал* водой в самом начале Главного Сна моей жизни.

Мы все, как зачарованные, смотрим вверх, запрокинув головы, так сильно, что наши шейные позвонки щелкают и хрустят, как ломающиеся под напором ветра тонкие ветви деревьев.

Нам мерещится, что наши души уже летают там... высоко... в просвете между облаками.

Нам так хочется верить в то, что там... высоко... наши души уже не сбиваются в бесформенную толпу подавленных горем, равнодушных людей.

Нам так хочется верить в то, что это нам не кажется... И мы действительно видим, как наши души выстраиваются в единую ровную линию. Ввинчиваясь в небо огромным витком облачно-белой крылатой спирали, они улетают как можно дальше от измученной больной дороги у подножия горы...

Буйство света у нас над головами обещает мне и моим спутникам такое огромное, такое возвышенное счастье!

Счастье ждет нас. Оно обещает покой и возобновление настоящих и свободных полетов.

Птица с синими крыльями и белой головой смогла до него долететь!

Значит, и мы тоже можем это сделать!

Надо только до него – до Счастья – дойти-долететь-доползти-воспарить...

И тогда все наши горести и проблемы исчезнут.

Мы все снова взлетим.

Мы догоним Птицу с синими крыльями и белой головой и будем вместе с нею и вслед за нею лететь к вершине горы, на которой живет Счастье!

(Во сне я не мыслю словами – я мыслю чувствами. Чувства красноречивее слов! Тот, кто, как и я, видит подобные сны – понимает, что это значит.)

...Просвет в небе над вершиной горы сужается. Лучи света уже не дотягиваются до нас.

До вершины еще так далеко и высоко!

Птица с синими крыльями и белой головой исчезает в небесном проеме, и тучи наглухо закрывают вершину горы.

Мы опять оказываемся в сером, призрачном сумраке.

Энергетическая нить – объединяющая в единое целое мою душу и души людей, когда-то, как и я, способных летать – устремляется вслед за только что исчезнувшей из виду Птицей с синими крыльями и белой головой...

Энергетическая нить натягивается так сильно, будто хочет вырвать из груди мое сердце, и мне становится так больно, что из моего горла вырывается еле слышный, сдавленный крик, больше похожий на отчаянный стон: «Я хочу летать! Я хочу быть с тобой! Возьми меня с собой!!!»

Мой голос так тих и слаб и настолько искажен болью, что я понимаю: меня могут услышать только мои соседи, плечом к плечу прижатые ко мне.

Еще несколько человек присоединяются ко мне и так же глухо, с трудом разжимая замороженные страданием губы, пытаются вместе со мной простонать-прокричать: «Мы хотим летать!

Высоко!

Мы хотим быть с тобой!»

Птица Счастья – там, за облаками. Она должна услышать нас и вернуться! Она поможет нам!

– А-а-а-а-а-а! – уже громко кричим мы всей толпой измученных людей, у которых отбирается последняя надежда, – Мы хотим летать! Возьми! Возьми же нас с собой!!!

Энергетическая нить рвется...

В моей груди мгновенно образуется пустота...

Ощущение жестокого вакуума в сердце такое сильное, внезапное и... ***несправедливое***, что я – и вся толпа людей вокруг меня – мы все хватаемся за грудь, отшатываемся и пятимся назад.

Я с трудом удерживаюсь на ногах.

С головы до ног меня вновь охватывает состояние полного одиночества и заброшенности в огромной толпе людей, которое, казалось, уже было преодолено при помощи связывавшей нас всех воедино энергетической нити.

Позади меня падают люди...

Измученная страданиями больная дорога будто оживает подо мной. Я чувствую под ногами что-то мягкое, шевелящееся, стонущее, зыбкое, цепляющееся за мои ноги и тянущее меня вниз.

Я падаю тоже...

И чувствую, как на меня тут же наступают чьи-то ноги. Больно и тяжело, так, будто меня придавили камнями...

В страхе, что сейчас меня просто затопчут, я начинаю судорожно хватать руками одежду людей, идущих по мне... как по дороге.

Руки мои потеряли силу. Пальцы мои не сжимаются...

На мое поверженное наземь тело все чаще, все тяжелее и больнее наступают чужие, безжалостные ноги...

О, как страшна моя беспомощность!

Она отнимает последние силы... Я чувствую, что измучен болью и обморочной слабостью точно так же, как и истерзанная страданиями больная дорога, в пыли которой я сейчас валяюсь.

Переваливаясь со спины на живот и обратно, я качусь вниз и, делая слабые попытки, из одного только упрямства пытаюсь уцепиться безвольными, ватными руками хоть за что-нибудь на дороге, на которой ничего, кроме страданий, не растет.

...А за них не ухватишься!

...Скорость падения нарастает.

Вокруг меня одни только низвергнутые наземь тела, катящиеся вниз все быстрее и быстрее.

Нас всех тянет вниз неудержимая сила инерции общего падения...

И уже вразнобой... На разные голоса... Я и вся толпа поверженных ниц на измученную дорогу людей, снежным комом катящихся под откос к подножию горы... Мы все вместе кричим:

– А-а-а-а-а-а!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

...И я вновь просыпаюсь от громкой, мощной вибрации отчаянного крика брошенных Провидением на произвол судьбы людей...

Людей, низвергнутых с небес на землю.

Людей, катящихся обратно к подножию горы, на вершине которой – Счастье.

Людей, которые, несмотря ни на что, *не могут забыть*, что они на самом деле белые, легкие, счастливые, свободные *люди-птицы*.

Что мы все способны на многое.

И когда-то могли летать!

...Гулко бьется сердце. Руки, ноги, живот и особенно середина груди потрясенно вибрируют, резонируя с разбегающимися во все стороны отголосками, никому, кроме меня, неслышного ночного крика.

Голова запрокинута назад. Спина изогнута. Я ощущаю себя крутой аркой моста, перекинутого от одного берега кровати до другого. Руки болят так, будто меня били по ним палкой.

Мне надо открыть глаза и – несмотря на неприятные, даже болезненные ощущения, сохраняющие в себе память от перенесенных во сне мучений – повернуться набок и, глядя в сторону окна, сфокусировать во взгляде всю мою внутреннюю силу...

Мой взгляд должен ясно дать понять ночному небу, что сегодня утро – особенное... волшебное, пророческое, переломное и поэтому ему, небу пора перестать сопротивляться и пролить, наконец, трепетную нежность новорожденной зари в мое окно...

После того, как душа Мелани покинула этот мир, наступил, быть может, один из самых тяжелых периодов моей жизни.

Период разочарований.

Предательства.

Непонимания...

Друзья и ученики оставляли меня один за другим. Я долгое время жил почти в полном духовном одиночестве.

...Но от одного сна к другому, каждое утро, каждый день, я упрямо продвигался вперед и... вверх, с еще большим желанием достичь успеха в работе с энергетическими проблемами людей, обращавшихся ко мне за помощью.

И каждый раз я надеялся на лучшее.

Я просыпался на рассвете, вставал и шел к окну...

И, несмотря на то, что мое тело все еще помнило обо всех страданиях, перенесенных мною в трагическом продолжении моего Главного Сно-Видения, я с радостью приветствовал восходящее солнце...

Я знал, что должен взять с собой всю *силу рассвета*, чтобы, вернувшись обратно в мой Главный Сон, вновь пройти весь мучительный путь по истерзанной страданиями дороге и вернуть себе (хотя бы во сне) утерянную способность летать...

Я возвращался к подушке... и уповал на то, что именно в это утро, во время моего пророческого сна мне и всем людям, идущим по измученной больной дороге, наконец-то повезет...

Я много работал и был уверен, что нам обязательно, рано или поздно, пусть даже только в моем Главном Сне удастся взлететь, и мы все вновь станем здоровыми, свободными людьми и вольными птицами.

Так продолжалось несколько лет... один раз в год или месяц, редко несколько ночей подряд...

Главное Сно-Видение моей жизни изменилось после того, как в моей работе произошло самое настоящее чудо: слепой прозрел, а его парализованная рука ожила и смогла вновь держать руль автомобиля...

Белый Свет

Событие, изменившее Мир

Подчас лекарство заключено в нас самих.

В. Шекспир

Вечерние тени удлиняются и ползут вниз по крутому склону так быстро, что кружится голова. На вершине холма у входа в Усыпальницу пророка Даниила, где я стою сейчас, становится холодно. Уклонившись от сильного порыва ветра, я поворачиваю голову и слепну от яркого света. В золоте заката горят крыши домов и острые пики минаретов древнего города, лежащего прямо под моими ногами. По раскаленной лаве асфальта мчатся машины и двигаются маленькие фигурки людей.

«Какая энергия, – думаю я. – Если бы человек мог получить хоть малую часть этой силы!»

«Всему свое время», – отзываются Вечерние Тени.

Городу, который сейчас пылает передо мной, больше 2500 лет. Даже вечный Рим старше его только на пять лет. Когда-то давно в этих местах проходил великий Шелковый Путь. Здесь

сталкивались и перемешивались древние цивилизации Востока и Запада. Свет их мудрости погас сотни лет назад, но рассыпанные искры остались в сердцах людей, в пожаре закатного солнца и в вечерних тенях стен Древнего Города.

Ветер затихает в листве невысокого дерева, одиноко стоящего в центре вытоптанной паломниками площадки.

«Это не просто дерево. Это – “Древо Желаний”», – шепчет ветер, продолжая разговор, начатый Вечерними Тенями.

Многие годы, когда про Усыпальницу пророка Даниила почти забыли, от дерева оставался только высохший ствол. Несколько лет назад здесь побывал один из самых почитаемых священников мира. Он долго молился у могилы пророка, и в первую же весну после его визита дерево зазеленело вновь.

Дерево, силой молитвы воскрешенное к жизни, стало считаться волшебным. Все его ветви, до которых только может дотянуться рука человека, обвешаны разноцветными лоскутками материи. Паломники свято верят, что «Древо Желаний» связано с душой библейского мудреца. Завязывая ленточку, люди загадывают желания в надежде, что древний прорицатель расскажет о них Тому, к Кому пророк был так близок и Кто, как это кажется людям, слышит их самих так редко.

С трудом нахожу свободную ветвь и тоже завязываю ленточку. Мне ничего не надо придумывать. Желание, которое я всегда загадываю в подобных местах, остается по-прежнему труднодостижимым, но от этого еще более желанным. Оно давно ведет меня по жизни от одного события к другому. Постепенное исполнение моего Главного Желания все яснее прослеживается в «*неслучайности*» встреч с самыми разными людьми и в появлении нужных книг и знаний, которые «приходят ко мне сами».

– Смотри! Вот, человек с судьбой удачной, но потерявший душу в суетливом стремлении к успеху, добиваться которого он решил любыми средствами. А вот, – сразу несколько человек, потерявших очень многое, – наперекор всему возвышают свою душу, – говорит мне «*неслучайность*». – Смотри! Запоминай. Анализируй. Это поможет тебе добиться исполнения твоего Главного Желания.

– Смотрю. Запоминаю. Анализирую, – говорю я. И волнуюсь, если долго не приходит нужная книга или давно не было человека с неожиданным поворотом судьбы.

Высоко в небе над Древом Желаний я вижу журавля. Белая птица направляется в сторону Старого Города, неспешно пролетая над древними сводами исторических зданий. Несколько сильных взмахов крыльями – и журавль садится в гнездо на куполе высокой башни. Сотни лет назад с нее сбрасывали на каменную площадь приговоренных к смерти преступников. С тех пор люди называют ее «Башней Смерти».

Крылья журавля сверкают ослепительной белизной, и только самый край окаймлен черной полосой. Божественный Художник, создавая картину мира, намеренно отделил священную птицу от прозаичности всего, что суетится внизу. Отделил от неба и земли, солнца и людей. Отделил даже от времени. Журавль точно также летал и тысячу лет назад. Кто-то очень давно также стоял на моем месте и смотрел в небо. Я остро, до боли в сердце чувствую присутствие этого «Кто-то».

В гнезде на куполе «Башни Смерти» появляется голова птенца. Большой журавль наклоняет голову. Журавль-Отец кормит Журавля-Сына. Почему-то я уверен, что это именно Отец и Сын.

В двух шагах от меня мой собственный сын что-то шепчет, завязывая ленту на ветке «Древа Желаний». Я отхожу подальше, уважая его тайну.

Темнеет. Зареве заката, в свете которого еще совсем недавно сияли башни и минареты, – погасло. Вечерние Тени завладели древним городом и сделали его почти невидимым. Солнце на мгновение выглядывает из-за гор и оказывается точно позади Башни Смерти и гнезда на ее куполе. Силуэты Журавля-отца и Журавля-сына освещаются вновь. Божественный График рисует передо мной еще

одну картину вечного продолжения жизни. Картину под названием: «Жизнь на вершине Башни Смерти».

– Нас приглашают войти, – зовет меня сын.

– Уже иду! – откликаюсь я.

Мы входим, и я невольно останавливаюсь у порога. Могила святого Даниила неправдоподобно велика. Это точно соответствует моему представлению о величии похороненного здесь Пророка. Каким же гигантом был тот, кто лежит под землей! Но настоящая история оказывается еще значительнее и интереснее!

...Почти семьсот лет назад Властитель этих мест, захвативший к тому времени уже половину подлунного мира, застрял на долгие месяцы, осаждая небольшую восточную крепость. Завоеватель, привыкший к легким победам, был полон гнева и досады. Наконец, он выясняет причину позорного хода военных действий. В стенах крепости похоронен пророк Даниил, и это его святость не позволяет сломить сопротивление защитников.

Властитель приносит жертвы Прорицателю, который, по библейскому сказанию, обладал даром разгадывания сновидений и предвидения будущего, – и крепость взята.

– На краю земли, у ничтожного селения есть такой защитник, – говорит честолюбивый Властитель, – а у столицы моего царства нет ни одного святого, способного охранять город?

Властителю становится известно, что секрет неуязвимости маленькой крепости заключается в святости правой руки Пророка. Поэтому мощи правой руки Даниила были перенесены и захоронены здесь, в главном городе победителя.

Умер Завоеватель, и огромная Империя, подобно колоссу на глиняных ногах, распалась на неравные части. Старшему внуку Властителя досталась во владение центральная часть некогда бескрайнего государства. Святость правой руки пророка Даниила принесла стране не только защиту от врагов, но и свет мудрости и просвещения. Молодой наследник использовал награбленные дедом богатства, воздвигая школы и астрономические обсерватории. Не дед, а внук вошел в историю под именем Великого Правителя. Сегодня его знают и помнят еще и как величайшего астронома, открытия которого актуальны до сих пор...

Незаметно для себя удаляюсь от гида. Моя рука плавно скользит по поверхности черного бархатного покрывала, полностью скрывающего надгробный камень.

– Длина надгробного возвышения – восемнадцать метров. Никто не знает, в какой именно части могильного ложа захоронена рука Пророка, – издали слышу я голос гида. – По замыслу Повелителя, это должно было предотвратить все попытки выкопать святые мощи и, тем самым лишить защиты древний город.

Меня неудержимо тянет вперед вдоль узкого коридора – и вот я уже почти бегу... Та же сила, что влечет за собой, останавливает меня вблизи небольшого возвышения у края надгробия. Рука притягивается к одному из вышитых на покрывале золотых кругов и вдавливаясь в податливые ворсинки. Золотой круг под моей ладонью начинает светиться. Легкий сумрак, окутывавший могилу, рассеивается, пропитываясь светом, исходящим из-под моей руки. Сияние становится ярче и белее. Все вокруг проваливается в эту зыбкую яркость белизны и размывается до неузнаваемости.

И я вспоминаю, что это значит. Я это уже видел. Я это уже ощущал.

«Белое Сияние» появляется в момент, когда множество вибраций, из которых состоит этот мир, сливаются в особое единство всех колебаний. Человеку редко удается стать участником такого слияния и увидеть эту «Белизну». Мы все еще недостаточно созвучны гармонии мира.

Такого белого цвета не бывает в природе. Соединяется то, что обычно никогда не может слиться со своим первоисточником. Ведь цветовая радуга – это разложение белого света на составные части. Твое существо превращается в один звенящий пра-звук, в одну пронзительную пра-ноту, один цветовой пра-тон. Пространство расширяется внутри и снаружи. Ты как бы выходишь из самого себя и можешь посмотреть на все происходящее со стороны. Внутри все напряжено до предела и звенит, звенит, поднимаясь вверх в неслышной никому, кроме тебя, вибрации – то ли мысли, то ли души.

Белый свет поглощает стены Усыпальницы и холм рядом с ней. Белый свет накрывает весь город, но останавливается у черной каймы, отделяющей священного Журавля от всего мира. Остановленная световая волна летит назад, ударяет меня в грудь, и я чувствую, что сейчас пойму тайный смысл этого света и стану таким же звеняще-белым и сильным.

Прикосновение к плечу возвращает меня в этот мир.

– Почему ты отошел так далеко? – спрашивает сын.

– Положи ладонь на этот круг, – шепчу я, – это здесь. Рука Пророка покоится в этом месте! Я знаю.

Почти неслышно произношу слова молитвы, которая всегда помогает мне в работе с энергией Жизни. Мой сын, закрыв глаза, молится вместе со мной. И я вижу, как рука сына, также сильно, как и моя, вдавливается в золотой круг на покрывале.

Поздно вечером мы вернулись в отель. Сын спросил меня:

– Что это было с тобой, когда мы оба держали руки на золотом кругу покрывала могилы Даниила? Ты сильно побледнел и стал как-то странно раскачиваться вперед и назад. Я подумал, что ты можешь упасть. Ты стоял с открытыми глазами, но явно ничего не видел вокруг. Что это было? Тебе было плохо?

– Нет, нет, что ты! Мне было очень хорошо. Намного лучше, чем обычно, – начал я и замолчал. Сын продолжал вопросительно смотреть на меня. Преодолев сомнение, я продолжил. – Свет руки Пророка наполнил меня очень редкой энергией, и мой необычный вид, так испугавший тебя, означает только то, что я находился в особом состоянии, которое считается одним из самых высоких в духовной иерархии.

– Я тоже чувствовал что-то непонятное. Какая-то тяжесть переливалась в мою руку, а потом ее сильно вдавило в камень, – сказал сын, – Но что это за «особое состояние», объясни мне.

– Одни называют его нирваной, другие – самадхи, третьи – выходом в астрал, а на самом деле – это достижение слияния с очень сильной вибрацией, способной расширить сознание и мировосприятие человека до бесконечности, – сказал я.

– Я читал об этом. И о нирване, и об астрале. Но все это показалось мне таким невразумительным, таким несерьезным, более похожим то ли на обычное расстройство ума, то ли на поэтическую метафору, – осторожно произнес мой сын.

– Ты правильно определил, – сказал я, – многие действительно смешивают понятия и выдают или принимают свои галлюцинации и поэтические или религиозные грезы за это высокое состояние.

– Ты так говоришь, как будто хорошо знаешь это состояние и совсем не боишься его. Между тем это пугает. Из того, что я читал об этом, помню, что нирвана – это полная потеря всех земных связей, а астрал – выход сознания из собственного физического тела и уход во что-то непонятное: какие-то

полеты над землей, странные видения, дальние страны, чужие дома, чужие люди, а потом еще и трудности с возвращением. У тебя это по-другому? Захотел – вышел. Захотел – вернулся?

– Нет, то, чему ты был свидетелем сегодня, – это совсем другое. Этого состояния «*до-сти-га-ют*». Оно овладевает человеком, если обстоятельства способствуют его соприкосновению с очень сильной и гармоничной вибрацией, и сам он достаточно сильно стремится к ней. Но, достигнув этого особого состояния, я не теряю связи с реальным миром и не лишаюсь сознания. Ты же знаешь, что я не люблю и не допускаю никаких экспериментов над психикой и всегда стремлюсь как можно сознательнее воспринимать любое событие.

Мы оба замолкаем, и я понимаю, что короткого объяснения ему явно мало. «Время пришло», – решаю я про себя и говорю:

– Хорошо. Чтобы тебе все стало понятно, я расскажу о том, как это произошло со мной в первый раз.

Это случилось в день моего восемнадцатилетия. Мой двоюродный брат, учитель музыки, подарил мне на день рождения билет на концерт классической музыки. Солистом был Музыкант, гениальность которого сегодня признана во всем мире. Но тогда, больше тридцати лет назад, его имя для меня почти ничего не значило.

Пока оркестранты занимали места на сцене, я с удивлением смотрел на брата. Обычно очень сдержанный, он даже не пытался скрыть волнения.

– Мне кажется... я чего-то не понимаю? – спросил я.

– Сейчас тебе все станет ясно, – сказал брат и первым начал громко («Чересчур громко», – подумал я) аплодировать появившемуся на сцене человеку с виолончелью в руках.

Зрители дружно поддержали его. Концерт проходил в будний день, но небольшой зал был полон. Люди стояли даже в проходах между рядами.

Первое отделение я просидел, ничего особенного не ощущая. Я не очень хорошо понимал тогда современную музыку и больше любил Моцарта и Шопена. Музыкант был действительно хорош, однако я продолжал не понимать брата, взволнованность которого увеличилась десятикратно.

– Тебе так нравится *эта* музыка? – спросил я его в антракте, делая акцент на слове «*эта*».

– Он – Музыкант от Бога! Его виолончель – живая, – сказал мне брат в ответ. – Слушай внимательно.

Во втором отделении играли что-то классическое. Музыка была сложной для исполнения. Я, подилетантски довольный собой, отмечал, как легко виолончель одолевает трудные пассажи. Но все равно, то чувство неподдельного восторга, с которым мой брат и весь зал слушали музыку, не захватило меня. Я понял, что случайно сюда попал только я. Когда все закончилось, зрители поднялись со своих мест и аплодировали стоя.

Откланялись дирижер и оркестр. Зажглась большая хрустальная люстра под потолком. Музыканты закрыли ноты, а зал все требовал продолжения.

Наконец, музыкант поднял смычок, закрыл глаза и приготовился играть «на бис». Стало так оглушительно тихо, что зазвенело в ушах. Первые же прозвучавшие ноты выпрямили мою спину и напрягли ее до боли.

Оркестр молчал. Виолончель играла соло.

Звук был такой живой и сильный, что слух отказывался верить. Я с удивлением понял, что музыку слушает все мое тело. Все во мне натянулось, задрожало, объединилось в чувстве нарастающего наслаждения. Музыка была гармоничной и прекрасной, как сама жизнь.

«Именно так должен говорить и чувствовать человек, переживать гнев и радость, боль потери и счастье обретения», – думал я.

Я очень хорошо помню эти мысли, потому что вслед за ними произошло *событие*, изменившее всю мою жизнь и весь *мой мир*.

Над сценой негромко взорвался прожектор, и в зале погас свет. Несколько секунд сцену освещали летящие сверху искры, а затем все накрыла непроницаемая темнота.

Музыка продолжала звучать, не прервавшись ни на мгновение. В общем порыве зрители непроизвольно выдохнули обязательное «ах!», и больше из зала не донеслось ни одного звука.

Для меня же эта звучащая непроглядность длилась недолго. Скоро я увидел, как в центре сцены забрезжило мерцающее облачко и слегка осветило руки Музыканта и струны, над которыми летал стремительный смычок, ставший живым и говорящим. Облачко стало больше, а его свет еще ярче. Я увидел закрытые глаза на откинутах назад вдохновенном лице Музыканта. Ему не надо было смотреть на струны. К струнам виолончели он прикасался не смычком, а сердцем и душой.

Стало еще светлее. Сцена и зрительный зал выступили из темноты. Белые колонны отделились от белых стен, соединились с белыми струнами, белым смычком и с Белыми Звуками Музыки. Воздух вокруг меня сгустился и будто слегка приподнял меня над стулом. Волны наэлектризованной обжигающей энергии побежали по всему телу.

Быстрее. Еще быстрее!

Музыка продолжала звучать, передавая такой простой для нее смысл величия гармонии жизни.

Ярче. Еще ярче!

Громче. Еще громче!

Сильнее. Еще сильнее!

Белее! Еще белее!!!

Еще несколько минут такого звучания *музыки*, и я увидел золотой ореол, венчающий голову возникшего передо мной триединого существа, объединившего в одно целое струны Виолончели, Человека и Смычок в его руке. Сияние золотого ореола расширилось. Белый свет, давно заполнивший все пространство вокруг, стал еще ярче. Наконец, один из лучей золотого ореола дотронулся до меня, и я с восторженным ощущением полной реальности и правдивости того, что происходит, осознал, что смычок Музыканта играет не на струнах. Он играет *на мне!* Я и есть та виолончель, которая издает эти бело-золотые Звуки!

Это *по мне* ударяет смычок так страстно.

Это *во мне* натянулись все струны.

Это *во мне* он вызывает такие чистые ответные вибрации.

Это я *так* пою.

Это я *так* страдаю.

Это я *так* наслаждаюсь жизнью.

Это я *такой белый* и *золотой!*

Это я – такая вибрация!

Единая!

Светлая!

Чистая!!!

...Музыкант закончил играть. Зал сидел бесконечно долгие мгновения в полной темноте и тишине, пока не зажглась люстра. И тогда все увидели, что на сцене стоит смущенный человек со смычком в руке, весь вид которого говорил, что он растерян и абсолютно не понимает, почему вокруг него было так темно, и что вообще здесь происходит.

Хрустальная люстра была действительно очень большой и яркой, аплодисменты были очень громкими. Но и электрический свет, и аплодисменты показались мне такими невыразительными и тусклыми в сравнении с Белым Светом и Звуками Музыки, которыми еще несколько минут назад были освещены не зрители, не темный зал, нет... *души* людей!

...Рассказ окончен. У сына сонные глаза. День был длинный. Пора спать.

Но я не сплю. Лежу и слушаю тихое дыхание сына, спящего на соседней кровати. Оказывается, я ничего не забыл. Я так долго никому не рассказывал о первой встрече с Белым Светом, что теперь воспоминания переполняют меня. Сердце негромко, но радостно стучит в груди, распространяя по всему телу волны восторга. В комнате темно, но Белый Свет, полученный от руки пророка, еще со мной. Как только закрываю глаза – фиолетовые, желтые и зеленые круги неспешно плывут на фоне голубого свечения. Круги совмещаются, накладываются один на другой, превращаются в белое сияние и снова распадаются на фиолетовое и зеленое.

Пытаться заснуть бесполезно. Лучше посмотрю еще раз «кино» сегодняшнего дня. Белый Свет подергивается желтыми полосами. Минуту жду, пока «наводится резкость». И вот опять четко вижу...

Вечерние тени падают вниз, гася пожар на улицах древнего города. Множество разноцветных ленточек развеваются на ветру и делают ветви «Древа Желаний» похожими на раскинутые во все стороны руки, в рукавах с бахромой. Среди тысяч других узнаю свою ленточку и снова пытаюсь понять, что говорит мне ветер.

Вижу Солнце, журавля-Отца и журавля-Сына. Силуэты птиц, сверкающие на фоне огненного солнца, не отпускают от себя. Взгляд, как кинокамера, кружит вокруг гнезда. Удаляется. Приближается. Но «кино» не идет дальше. Что-то держит меня у гнезда на куполе Башни Смерти. Кто-то очень давно также смотрел это «кино». Легкий укол в сердце напоминает о присутствии этого «Кого-то».

Птенец встает в гнезде во весь рост, и оказывается, что он не намного меньше журавля-Отца. Журавль-Сын расправляет крылья и закрывает солнце.

Поднимаюсь выше. Вижу блистающую переливами голубого и синего мозаику главного входа в Духовную школу, построенную Великим Правителем.

В памяти всплывает голос гида, рассказывающий старинную легенду. Фантазия мгновенно уносит меня в то далекое время. Сейчас, в ночной тишине, ничто не может помешать мне оживить услышанное. Легенда о деснице пророка Даниила предстает перед моим внутренним взором...

Святость правой руки Пророка осветила всю страну. В пятнадцать лет внук кровавого завоевателя стал Великим Правителем. Сорок лет длилось его гуманное царствование. За эти сорок лет свет знания сделал не меньше, чем было сделано за предыдущие сорок веков. В первые же годы было построено самое большое по тем временам здание Духовной школы. Наряду с религиозными предметами в ней преподавались математика, история, поэзия, астрономия и география.

Великий Правитель построил астрономическую обсерваторию, в которой был самый большой в мире стенной квадрант: шестидесятиградусная дуга радиусом 39 метров, использовавшийся как секстант. Его наблюдения имели удивительную точность, не во всем превзойденную и в наши дни. Великий Правитель стал по-настоящему великим в астрономической науке. В 1437(!) году он создал каталог, в состав которого вошли точнейшие координаты 1019 звезд. Каталог был наиболее полон для того времени, им еще долго пользовались восточные и европейские астрономы. Уже в наши дни именем Великого Правителя был назван кратер на видимой стороне Луны.

Здесь, далеко на Востоке, могло произойти такое же чудо взлета человеческой мысли и духа, которое в эту же историческую эпоху дало миру гигантов итальянского Ренессанса. К несчастью, только сам Великий Правитель успел стать гением, равным Леонардо да Винчи. Кто знает, какие бы еще имена и изменения могли произойти на этой земле, да и во всем мире, если бы едва начавшееся Просвещение и Возрождение не было жестоко прервано.

Сорок лет – это лишь мгновение для истории. Сорок лет – это совсем немного для того, чтобы постижение мудрости и преодоление невежества начало приносить плоды. Но это огромный срок для того, кто хочет не знаний, а нетерпеливо рвется к власти в этом материальном мире. Сын Великого Правителя, устав ждать, когда его отец умрет и оставит ему престол, совершил тягчайшее преступление. Сын возглавил дворцовый переворот и стал отцеубийцей, – он своими руками отрубил голову Великому Правителю. Получив ценой кровавого преступления возделенную власть, сын-злодей немедленно начинает уничтожать все, что с таким трудом удалось создать его отцу: все школы закрыты, а бывшие ученики объявлены вне закона. Народ трепещет перед новым тираном.

Но из дома в дом, от человека к человеку идет молва о неминуемом возмездии.

После каждого нового преступления тирана, могильный холм над прахом святого Даниила удлиняется. Чем хуже на земле, тем быстрее растут кости святого под землей. Вся страна ждет прихода момента, когда десница Пророка дотянется до дворца тирана.

Спустя полгода один из учеников Великого Правителя приглашает венценосного преступника на охоту и убивает стрелой из лука. Отрубленная голова тирана была подвешена высоко над входной аркой Духовной школы, построенной Великим Правителем. Возмездие, как и всякое праведное действие, всегда исполняется руками человека. Ибо «у Бога нет других рук, кроме моих». Все вершит на земле только человек.

С тех пор могила святого Даниила и стала такой длинной, гласит легенда. Если же опять кто-то вознамерится остановить движение жизни к добру и свету, рука Пророка начнет расти снова...

Сквозь последние кадры моего «исторического кино» – с растущей под землей правой рукой пророка Даниила и головой отцеубийцы, висящей над входом в Духовную школу – снова пробивается картина Божественного Художника с птицами на фоне солнца. Взгляд, как кинокамера, кружит вокруг гнезда. Удаляется. Приближается. Я знаю, если проявить терпение, то продолжение обязательно будет.

Солнце становится белым. Белеет Башня Смерти. Силуэты птиц размываются в этой белизне, становятся неясными пятнами. Пятна, взлетая под самый потолок темной комнаты, светлеют и начинают покачиваться из стороны в сторону...

Вот-вот в моей памяти всплывут на поверхность самые дорогие воспоминания. Три года назад судьба подарила мне встречу с Белым Светом. Он помог мне совершить чудо...

Я жду...

Как всегда, когда приходит этот момент, мне становится холодно и одиноко. Но не страшно. Нет! Холод и одиночество – это как сжаться перед прыжком. Вот сейчас... сейчас... Мне станет хорошо и радостно! Появится Белый Свет, и я вновь услышу, как задыхающийся от волнения мужской голос позовет:

– Где ты там? Иди сюда! Скорее!

На «экране памяти» непроглядная ночь. Слабый свет чертит на полу темной комнаты серый прямоугольник проема открытой двери. Свет падает из коридора. В его глубине, под самым потолком качаются нерезкие, едва различимые, белесые пятна. Их ровно три. То, как они двигаются, кажется очень странным.

– Ну, где же ты? Сюда! Скорее! – слышу я снова.

Понимаю, что «кино» уже началось, и наполняюсь счастливым предвкушением прикосновения к чуду, изменившему меня и *мой мир*.

...Слышатся торопливые шаги. Женский голос с испугом спрашивает:

– Джон, что случилось? Три часа ночи! Почему ты не спишь?

Раздается щелчок, и в комнате зажигается лампа, стоящая на столике в углу. Рядом с лампой узкая кровать, в которой сидит худой, бледный человек, со всех сторон обложенный подушками. Свет производит на него эффект разорвавшейся бомбы. Бледный человек быстро закрывает глаза одной рукой и сдавленным голосом говорит:

– Адела, выключи свет и скорее дай темные очки. Очень больно глазам.

– Джон, ты сошел с ума, зачем слепому очки от солнца? Что случилось? Не пугай меня, пожалуйста!

– Не бойся, Адела. Все хорошо, – говорит бледный человек, еще сильнее прижимая руку к глазам.

– Джон! Перестань издеваться надо мной, прошу тебя. Я так устала!

– Адела! Слушай, что я говорю! Я прозрел! Я снова могу видеть! Дай же скорее очки. Мне больно. Я так долго был слепым, что любой свет для меня сейчас – слишком ярко.

Мужчина тяжело дышит и больше ничего не говорит. Женщина, наконец, понимает, что произошло. Выключает свет. Отступает назад. Садится у порога комнаты прямо на пол и начинает беззвучно плакать.

В комнате тихо. Адела сидит в сером прямоугольнике проема открытой двери. Над ее головой качаются нерезкие, едва различимые, белесые пятна. Их ровно три. В коридоре, видимо, открыта дверь. Ветер залетает в дом Джона и играет с волшебным светом китайских, бумажных фонариков, висящих под потолком коридора. То, как они двигаются, уже не кажется странным. Их свет увидел только что прозревший человек.

Эти кадры я вижу часто. И в этом «кинофильме» главный герой – Белый Свет. Эти особенные воспоминания всегда со мной, хотя прошло уже много лет с того времени, как Белый Свет излечил очень больного человека.

Напротив меня в инвалидной коляске сидит седой человек в черных, круглых очках. Он настолько измучен болезнью, что даже неровное, свистящее дыхание дается ему с видимым усилием. У седого человека парализована левая сторона тела. Его нога застряла между колесами коляски, а левая рука неестественно прижата к телу. Здоровой правой рукой он выравнивает положение ноги и устраивает свою неподвижную руку на подлокотнике коляски. Отдышавшись, седой человек снимает очки и кладет их на колени. Прозрачные, голубые глаза смотрят не на меня, а куда-то вверх. Взгляд неподвижен: седой человек – слепой.

Продолжая напряженно смотреть вверх, человек в инвалидной коляске рассказывает свою историю, часто останавливаясь, чтобы отдышаться. Голос так слаб, что шумное дыхание заглушает слова. Зовут человека в инвалидной коляске – Джон.

До болезни Джон работал в школе учителем математики, был большим и толстым. Весил сто двадцать килограмм. Сейчас он так похудел, что весит не больше пятидесяти. Три года назад была обнаружена опухоль поджелудочной железы. Болезнь быстро прогрессировала, и поэтому была сделана срочная операция. Но она была быстрой: открыли – посмотрели – и закрыли. Слишком поздно. Уже ничего нельзя было сделать. С тех пор все дни Джона заполнены мучениями и борьбой со слабостью.

Сильные головные боли появились через полгода после операции. Обследование выявило новую опухоль. Но метастазы принесли с собой не только боль. В один из самых тяжелых дней, Джон полностью ослеп. Но и этого оказалось мало. Опухоль в голове оказалась настолько большой, что вместе с потерей зрения его разбил левосторонний паралич. Состояние ухудшилось катастрофически. В такой ситуации медицина могла помочь очень мало. Джону назначили морфий в неограниченном количестве. Это было единственное, что снимало невыносимые боли.

Последнее время ухудшилось дыхание, стало трудно сидеть. Весь мир уменьшился для Джона до маленькой комнаты, в которой стоит его кровать, и коротких пауз между болями.

Джон еще молод. Когда он заболел, ему было всего сорок три года. Он живет один. За ним ухаживают, сменяя друг друга, родная сестра и приходящая сиделка. Друзья сначала навещали часто, но постепенно почти перестали. Да и трудно здоровым людям общаться с таким тяжелобольным человеком. Тем более, если у больного непростой характер. По всем прогнозам Джон должен был давно умереть. А он все живет. Но это не жизнь, а мучение. Почти три года он ничего не видит и вне дома бывает крайне редко. Но несмотря на боль и потерю сил организм борется за жизнь.

После приступа тяжелого кашля, с трудом восстановив дыхание, Джон говорит, что не верит никому и ничему, и что ко мне он пришел только после долгих уговоров сестры и ее подруги, которой я помог когда-то. Джон уверен, что помочь ему нельзя. Он только надеется, что то, что я делаю, сможет принести ему хотя бы небольшое облегчение. Может быть, тогда он сможет уменьшить прием лекарств. Из-за морфия он почти все время в полубредовом состоянии. Джон устал жить и не жить одновременно.

– Даже поговорить с сестрой не успеваю. Приходит боль, я принимаю морфий и ухожу в забытие, а когда возвращаюсь, то опять где-нибудь сильно болит, и надо эту боль опять чем-то заглушать, – говорит Джон.

Угасший, хриплый голос. В интонации не слышно просьбы о жалости. Только информация. Места и сил для горя и сожалений не осталось.

Я говорю, что не буду делать никаких прогнозов. Я поработаю, и Джон, возможно, почувствует улучшение. Только после этой первой пробы и мне, и ему будет ясно, что я смогу для него сделать. Все зависит оттого, насколько будут сильны его реакции на усиленное наполнение биоэнергией.

Джон соглашается, и мы начинаем.

– Закройте, пожалуйста, глаза, – говорю я.

– Я же ничего не вижу, – удивляется Джон.

– Все равно закройте. Так вам будет легче сосредоточиться только на себе и на своих внутренних ощущениях, – говорю я.

Это мои обычные слова при первой встрече. Я знаю, что это важно и для Джона. Я всех прошу закрыть глаза потому, что это помогает сконцентрировать внимание на том, что происходит у человека внутри, что чувствуют его тело и душа. Джон не всегда был слепой. И у него диалог с телом и душой будет происходить так же, как и у всех.

Тоже закрываю глаза.

...Энергия Жизни приходит мгновенно. На голову опускается знакомая тяжесть. Поток энергии, льющейся сверху, усиливается и стягивает голову обручем. Особенно сильно давит на лоб. Энергия Жизни распространяет влияние на пространство вокруг меня, и сгустившийся воздух слегка сдавливает шею. Поток нисходящей энергии над моей макушкой начинает светиться и становится сиреневым, принимая форму сжатой в пружину спирали. Центр спирали легко «ввинчивается» в голову, и доходит до ее середины. Спираль темнеет, приобретая густой фиолетовый цвет, становится упругой и напряженной, набирая силу. Все, что происходит сейчас со мной, вызывает приятное ощущение наполнения силой и энергией.

Хотя я никогда не забуду, как стонал от боли и выбегал из кабинета двадцать лет назад, когда это только начиналось.

Шея вытягивается вверх. Знакомое озоновое чувство электризует мозг. Когда-то это занимало не меньше получаса, – сейчас две минуты. Скрытая сила моего второго, высшего «Я» – проявляется в ощущении всемогущей Энергии, приход которой пробуждает настоящее соединение моей личности с моей душой и моим духом. Теперь, – все, что есть «я», – готово к работе.

Все новые и новые витки спирали спускаются сверху, вызывая колющее ощущение острой концентрации силы в районе гипофиза. Спираль расширяется и туго охватывает всю верхнюю часть головы. На этом неуклонное расширение спирали не останавливается. Покинув пределы физического тела, спираль достигает границы головного ореола моей ауры. Спираль «знает», что моя цель – биополе Джона. Центр спирали по-прежнему в моей голове, но просветы между кольцами спирали раздвигаются. Передняя сторона спирали начинает вытягиваться по направлению к Джону. Моя голова раскачивается и, внешне едва заметно, все сильнее кружит под напором убаюкивающегося вращения света в витках энергетической спирали. Наступает момент, когда спираль покидает мое биополе и, продвигаясь вперед, тянется к Джону, сидящему в трех метрах от меня. Свет внутри спирали вращается сильнее, просветы между ее витками становятся шире. Еще мгновение, и спираль достигает биополя человека в инвалидной коляске.

Кольца спирали светлеют и «включают» чувствительность уже не только головы, но и моего разума, который давно привык к осознанию другой реальности моей жизни. «**Не-фантастической**» реальности осознания моих наблюдений за действиями энергии Жизни. Я не столько чувствую

прикосновение света спирали к энергии биополя другого человека, сколько осознаю его. Чувства внутреннего осязания и зрения сливаются с моим разумом воедино, передавая всю необходимую информацию.

Точно так же, как если бы я коснулся рукой поверхности стола или руки другого человека, – очень осторожно притрагиваюсь светом последнего витка спирали к верхней чакре Джона. В ответ чakra вспыхивает темно-лиловым светом, но тут же гаснет. Это не останавливает меня, я знаю, что необходимо много света и терпения, чтобы заставить самую главную чакру человека получать энергию и светиться вновь в постоянном режиме. Начинаю перебирать в голове все вариации уже освоенных мною вибраций энергии, которую я сейчас излучаю для Джона.

Вибрации давящие, вибрации режущие, вибрации «пунктирные», жесткие, плавные, пульсирующие. Разные оттенки фиолетового света волнами пробегают по виткам спирали и поочередно достигают головной чакры Джона. Эффект – тот же. Чакра вспыхивает и гаснет. Делаю глубокий вдох, сильнее концентрируюсь на своих ощущениях, и голова вдруг становится легкой. Энергия, которую я излучаю, устремляется вверх. Спираль, идущая из моей головы к голове Джона, светлеет, в ней появляется зеленый свет, который смешивается с основным сиреневым светом. Энергия становится очень мягкой и текучей. Я знаю, что имя этой энергии – «Милосердие». На прикосновение энергии Милосердия чакра Джона отзывается тем, что не вспыхивает, как раньше, а начинает светиться ярким изумрудным светом.

Помочь чакре другого человека самостоятельно получать и излучать энергию нелегко. Легкая вибрация энергии Милосердия удерживается с трудом. Как только моя концентрация слабеет и тяжесть в голове усиливается, – в тот же миг изумрудный свет сменяется на фиолетовый, чакра Джона начинает мерцать, грозя погаснуть в любой момент.

Еще один глубокий вдох полной грудью. Еще сильнее сосредотачиваюсь на чакре Джона и тончайших ощущениях перехода энергии, излучаемой моей головой. В результате – мне удается стабилизировать световую фиолетово-зеленую волну, мягко клубящуюся в витках энергетической спирали; головная чакра Джона, наконец-то, начинает светиться самостоятельно. Я убеждаюсь в этом, отводя в сторону и снова притрагиваясь волной Милосердия к изумрудной чакре Джона.

– Вы что-то видите сейчас перед глазами? – спрашиваю я Джона.

– Сначала было все как обычно. То есть, очень темно. Потом картинка перед моими глазами начала светлеть. И по ней поплыли какие-то матовые пятна, – отвечает Джон.

– Мне очень важно знать, какого цвета эти плывущие пятна, и на каком фоне все это происходит? – спрашиваю я снова.

– Сначала это был серый фон, и пятна были тоже серыми, только более светлыми. Сейчас, фон синий, а пятна зеленые, – с удивлением в голосе говорит Джон. – Я даже не думал никогда, что такое может быть.

– Энергию можно не только чувствовать, но и видеть внутренним зрением, – объясняю я. – То, что вы видите, является отражением энергии, которую вы получаете. Чем светлее и чище цвета, тем сильнее и эффективнее работает с вами энергия. Продолжайте наблюдать за тем, как энергия вам себя показывает.

Брови Джона слегка сдвигаются к переносице. Я понимаю, что теперь он находится в правильном состоянии повышенного внимания к тому, что происходит у него внутри. А это – то, что надо! «Внимание к себе» – означает, что тело, душа и дух Джона теперь не имеют препятствий для объединения. Теперь можно надеяться, что Джон не будет пассивен и сможет, по мере сил,

участвовать в нашем общем с ним деле – деле нормального энергетического обмена. Обмена энергией между окружающим нас миром, им и мной. Между Джоном, потерявшим способность получать самостоятельно достаточно много энергии, и мной – Проводником, соединяющим, пропускающим через себя весь мир энергий, предназначенных для исцеления одного больного человека.

В ауре Джона можно «задохнуться» от недостатка энергии, как от нехватки кислорода в душной комнате. Собственный свет ауры так слаб, что не позволяет рассмотреть детали биоэнергетической конструкции. Мысленно расширяю витки спирали. В ауре Джона становится светлее. В полную силу «работает» только самая нижняя – первая чакра. Остальные энергетические центры лишь слабо мерцают, а их «энергетическое» дыхание настолько ослаблено, что они почти не дают света. Внутреннее пространство ауры Джона ограничено полосой жесткой энергии, проходящей по самому краю биополя. «Воздух» энергии – сильно разрежен. Внутри головы, легких, желудка, селезенки и сердца много почти пустых мест, едва заполненных энергией. Органам нечем дышать. Заряд энергии – очень низок. Напряжение ее – слабое. Полоса вокруг ауры зафиксирована, неподвижна и холодна. Она практически блокирует получение энергии из окружающей среды.

Останавливаю «кино» на кадре, демонстрирующем тотальное энергетическое опустошение в ауре Джона. Открываю глаза. Вижу струящийся из окна серебряный свет. Встаю. Подхожу к окну.

Огромное ночное небо полностью заполнено сияющими звездами. Некоторые звезды выстраиваются в линии и становятся похожими на нотные знаки. Взгляд переходит от одной линии со «звездами-нотами» к другой. Пытаюсь услышать мерцающую музыку неба. Мне кажется, что я слышу протяжные, бархатно-низкие звуки виолончели. А быть может, это звуки голоса Джона? Интонации его речи все еще со мной. Нет, скорее всего, – это виолончель! Начинаю угадывать мелодию. Музыка медленно-тревожная, певучая и мощная. Звук – чистый и сильный.

Вид из окна, так подходит к истории Джона, что решаю смотреть продолжение «кино» на фоне звезд и звуков космической виолончели. Нахожу в верхнем правом углу неба небольшое, едва видимое созвездие и переношу на него картину биополя Джона. Звезды, повинаясь моему желанию, сдвигаются с места. Музыка чуть ускоряет темп. Звездный свет сливается в очертания седого человека, сидящего в инвалидной коляске.

«Кино» продолжается.

...Жесткая полоса, сковавшая биополе Джона, – красного цвета. Обычно это говорит об агрессивном нападении. Первое, что надо сделать – это убрать железное кольцо. Повинуясь моему желанию, один из витков энергетической спирали прикасается к красной полосе. Я чувствую, как в мою голову летит ответный удар.

Предлагается война.

Многие поддаются на эту провокацию и начинают сражаться, бесполезно тратя силы и теряя время в борьбе с иллюзией. Я, наученный чужим и своим опытом, – на предложение войны не соглашаюсь. Я знаю, что энергии не воюют. Это – обман. Удар, который я получил, – всего лишь «короткое замыкание». Оно происходит, если соприкасаются энергии большой силы, чьи векторы

намерения и назначения противоположны. Энергия всегда находится в состоянии диалога. Диалога с другой энергией и людьми.

Скорее всего, это защита. Такая форма отказа от диалога, вернее, – от обмена энергиями. Не агрессия, – а защита от агрессии. Иногда гордые люди, обладающие чувствительной душой, устав от бесконечных обид, выстраивают такую сильную и бескомпромиссную защиту, что, в конечном итоге, просто перестают отличать друзей от врагов и оказываются в энергетической изоляции. Часто, очень часто, человек, – пусть даже себе во вред, – устанавливает незаметные, но непреодолимые энергетические преграды между собой и людьми, отгораживаясь от всего мира. Гордые люди защищаются, как могут, от унижающей жалости, обидного непонимания или ранящего равнодушия.

Я благодарю свой многолетний опыт работы и начинаю ускорять частоту вибрации внутри энергетической спирали.

Спираль становится сначала желтой, затем золотой, а после этого исчезает, став невидимой. Энергия так быстра, что становится похожей на мысль. Или мысль так высока, что становится сильной, как энергия. Теперь я могу ощущать мою мысль как энергию, или, вернее, чувствовать энергию, как продолжение моей мысли.

Моя «мысль-энергия» касается «железной» полосы. Она несет в себе не только силу, но и свет помощи. Главное сейчас, – твердо держаться намерения, с которым ты работаешь: «Есть просьба о помощи – делаю все, что могу». И ничего больше. Сначала необходимо выйти на простой уровень обычного энергообмена между Джоном и людьми.

Энергия мысли теперь не видна, а только осознается. Зато я вижу, как тает и теряет жесткость красная полоса вокруг ауры Джона. Его головная чakra светит ярче, чакры перестают мерцать. Света в ауре все больше, а красная полоса – все меньше. Границы биополя раздвигаются. «Воздух» энергии электризуется. Макушку моей головы характерно «пощипывает». Все чакры засветились и «дышат» свободнее, получив, наконец, доступ к энергии окружающего мира.

Когда красная полоса исчезает совсем, слышу голос Джона:

– Дышать стало легче. Боли не чувствую. Перед глазами два больших пятна. Одно из них синее, другое – голубое. Когда пятна совмещаются, синее становится позади голубого, они становятся похожими на глаз человека. А за глазом – очень белый яркий свет. Если бы я не был слепым, я бы сказал, что глазам больно от его яркости.

– Вы можете определить, каков взгляд у этого глаза? Добрый или злой? – веду я дальше обычный диалог. Дело в том, что на этом этапе работы, нечто подобное видят очень многие.

– Я бы сказал, что этот глаз так смотрит, как будто чего-то ждет от меня, – не очень уверенно говорит Джон.

– Что происходит во всем вашем теле? – перевожу я тему разговора подальше от деликатной и трудной для неподготовленного восприятия информации. Это всего лишь первая наша с Джоном встреча. Я еще не знаю, насколько Джон готов к правильному пониманию того, что скрывается за видением голубого глаза на сверкающем белом фоне.

– Чувствую сильную тяжесть в голове и на плечах. Мне кажется, что я не могу удержать голову в прямом положении. Ее клонит вперед.

– Это хорошо, – говорю я. – Надеюсь, вы уже понимаете, что реакции вашего тела приносят вам облегчение. Позже, я обязательно объясню вам значение того, что с вами происходит. Сейчас же надо помочь мне и себе. Расслабьтесь. Позвольте вашей голове делать все, что она хочет.

Голова Джона падает на грудь. Дышит он ровно и глубоко.

Правая, здоровая рука Джона, соскальзывает с подлокотника и повисает за креслом. Мне становится ясно, что он, наконец-то, предоставил своему телу полную свободу. Шея Джона вытягивается вниз. Голова начинает медленно двигаться к правому плечу.

Интуитивная Активная Медитация началась так, как ей и положено, пройдя первые два важнейших этапа.

Первый – получение «много-много» энергии;

Второй – проявление первых, обязательно самопроизвольных, никем – ни мной, ни самим человеком, – не навязанных реакций.

Теперь пришло время для того, чтобы позволить «Ее Величеству» Интуитивной Активной Медитации набрать «обороты».

– Ничего не надо останавливать. Не бойтесь. Все, что сейчас с вами происходит – правильно, – спешу я пояснить происходящее.

Джон же еще не знает, что стоит за тем, что с ним происходит. Он может закрыться, защищаясь от непонятого ему влияния, приняв его за подавление его воли. Он может не понять, что на самом деле – это открытие его истинной свободы. И помешать проявиться чуду самоисцеления.

Чудо в том, что Интуитивная Активная Медитация самостоятельно перераспределит искаженное движение энергии внутри ауры Джона.

– Позвольте вашей голове делать все, что она хочет, – продолжаю я. – Энергия приходит к вам сверху и с трудом проходит вниз. Сейчас Интуитивная Активная Медитация поможет энергии Жизни открыть все заблокированные участки в шее, и вы сразу же почувствуете прилив энергии во всем теле. – Подумав, я добавляю: – Вы имеете право никому не верить. Но вы обязаны верить в себя. Верьте энергии и всемогуществу своего организма. Он у вас сильный и мудрый. Он все знает про вас, про вашу болезнь и знает, как устранить причины ее возникновения.

– Я понимаю, – говорит Джон. – Я все сделаю, как надо.

Я с облегчением вздыхаю. Так хорошо, когда перед тобой сидит умный и бесстрашный человек, который наперекор всему еще способен верить в себя и в свою силу. Наверное, Джон был очень волевым человеком. Может быть, он давно понял, что в этом мире лучше всего рассчитывать, прежде всего, на себя.

Возвращаюсь к головной чакре Джона. Пробую дополнить вибрацию энергии Милосердия энергией Осознания – одной из двух основных энергий седьмой чакры.

Получается.

Тихо радуюсь и продолжаю наполнять чакру золотым светом. Светом энергии Осознания Человеком Своей Личности, Как Части Всего Мироздания – таково ее полное, святое имя. Цель проста: часть соединяется с целым. Целое начинает делиться всей своей бесконечной силой с ее неотъемлемой частью – человеком!

Интуитивная Активная Медитация продолжает «открывать» шею Джона. Энергия расплавленным золотом стекает вниз и наполняет все его тело.

Через десять минут, не больше, – картина внутри биополя Джона меняется кардинально. Все части энергетической конструкции, которые могли получить энергию без особых препятствий, уже хорошо наполнились ею. Теперь пришло время для определения на причинном уровне пораженных энергетических центров и каналов. Из семи чакр третья (в центре живота),

четвертая (в нижней части груди) и пятая (у основания горла) – по-прежнему слабо пульсируют. Только четыре из двенадцати основных китайских меридианов не наполнились энергией.

...Звезды в проеме окна стали исчезать одна за другой. Большое серое облако закрыло половину неба. Оно медленно подкрадывается к моему маленькому созвездию, временно согласившемуся стать биополем Джона. Музыка звезд сбивается с плавного течения и рвется.

Понимая, что это только игра моего воображения, я все же почувствовал тревогу и утрашился за «мое» созвездие. Природа была милосердна, как всегда. От порыва ветра за окном задрожали стекла. Ветер погнал опасное облако в противоположную сторону от созвездия по имени «Джон». Я с облегчением вздохнул.

«Кино» продолжается...

Тогда, когда я работал с Джоном, я тоже чувствовал тревогу и близкую опасность.

Три плохо «работающие» чакры и четыре меридиана почти без энергии, – это много. Но они – живые! Они, пусть даже и с большим трудом, принимают энергию и наполняются ею.

Но что это за Диагональ, которая под острым углом вклинивается в ауру Джона и проходит справа налево через его правое плечо к левому бедру? Она обнаружила себя только сейчас. Ее не было видно раньше.

Верхний конец Диагонали уходит вверх и теряется в бесконечности. Нижний – упирается в пол около парализованной ноги Джона. На всем своем протяжении Диагональ темна и непрозрачна. Это свидетельствует о сплошном отсутствии энергии. Важная часть конструкции биоэнергетического тела Джона заблокирована наглухо. На уровне правого плеча Диагональ имеет небольшое овальное утолщение. Мне становится не по себе. Это – «дата смерти» Джона. Утолщение находится точно на «линии Времени». Линии, переносящей энергию из «Будущего» – в «Прошлое». Утолщение прикрывает собой небольшую часть правого плеча. Если «дата смерти», вернее, энерго-информация о дате смерти, – уже вошла в пределы физического тела, – это означает, что Джону осталось жить совсем немного.

Перенастраиваю волну энергии, которую излучает моя седьмая чакра, вновь на вибрацию «Милосердия». Осторожно трогаю темное пятно на плече Джона мягкой «мыслью-энергией». Пятно легко поддается и медленно делится на две неравные части.

Меньшая часть плывет вправо по горизонтальной линии «Будущее-Прошлое», отодвигаясь от плеча Джона на расстояние двух вытянутых рук. Останавливается. Я понимаю, что эта доля пятна, ушедшая направо, достигла границ биополя.

Большая часть пятна уходит влево. Проходит сквозь шею Джона. Темнеет. Становится коричневой и останавливается в нескольких сантиметрах от его левого плеча.

*Мой опыт позволяет мне быстро правильно «прочитать» изменившуюся картину. Положение меньшей части утолщения, ставшей маленьким шариком у границы биополя означает, что «дата смерти» откладывается и становится, такой, какой она должна быть, – **неопределенной**.*

Мы оба – Джон и я вместе с ним – получаем время и свободу для действий.

Отошедшая влево, большая часть бывшей скоростной «даты смерти» может оказаться чем угодно: сглазом, проклятием, старым неразрешенным конфликтом, собственным желанием

Джона свести счеты с жизнью. Я решаю, что сейчас еще не время этим заниматься. Я вернусь сюда позже.

Отмечаю, что биополе Джона стало достаточно большим, и начинаю «прочищать» Диагональ. Мой опыт работы с людьми говорит, что это будет нелегко. «Будущее» могут перекрыть только люди. Людей, которым Джон «помешал» жить, – должно быть много. Один «недруг», каким бы сильным он ни был, не может остановить течение энергии Времени Жизни человека.

Диагональ Влияние Людей светлеет и становится тем, чем она является на самом деле, – «светопроводом», по которому люди вокруг каждого из нас передают энергию тому, кого они любят и уважают. Тому, чьи действия заслуживают одобрения и нуждаются в поддержке.

Меня слегка потрясывает изнутри. Энергия Возобновления Связи с Людьми проходит через меня. Мощность потока говорит о том, что энергии накопилось очень много. Предназначенная Джону энергия Одобрения и Любви дожидалась этого момента долгие-долгие годы.

Джон явно совершил много добрых дел в своей жизни. Насыщенная, густая и очень ласковая энергия Благодарности, которую я «провожу» через себя, настолько приятна, что я чувствую прилив ощущений, напоминающих мне состояние человека, который неожиданно получает признание в любви. Я понимаю, что это – передача Джону чьей-то не врученной ему когда-то очень давно благодарности, любви и признания людей. Эти люди воспользовались его добротой, получили энергию для его вознаграждения, но оставили ее у себя.

У энергетического общения между людьми нет времени. Энергия – неуничтожима и живет вечно. А значит, она терпеливо ждет, находясь в биополе других людей, когда ее отдадут тому, кому она была предназначена. Если этого никто не сделал своевременно, то происходит то, в чем энергию нельзя винить. Она, спустя какое-то время, начинает мешать жить и быть здоровым тому, кто зачем-то оставил ее себе.

Всеу свое место. Нет энергии плохой или хорошей. Все виды энергии – прекрасны!

Плохими, дьявольски плохими могут быть только намерения и поступки людей. Дать энергию – это поступок. Не дать энергию – поступок тоже. Пожадничал, не похвалил друга, не послал ему энергию благодарности за доброе дело – получай дополнительный энергетический балласт, который тебе абсолютно не пригодится. Эта энергия не твоя. Энергию обмануть невозможно. Она *знает*, кому она была предназначена.

С таким балластом можно ходить, даже летать по жизни, но высоко уже не взлетишь. Наверное, поэтому неблагодарность человеческая считается одним из самых серьезных грехов. А благодарность ценится выше любых сокровищ.

Совершение греха *неблагодарности* наказуемо. Но мало кто знает: нет наказания в мире энергий – есть *невежество*, которое заключено в незнании законов движения энергии. Это *незнание* никого из нас не освобождает от ответственности. А мы еще и убегаем, мы еще и отмахиваемся от законов, соблюдение которых напрямую связано с состоянием здоровья и благополучием самой жизни.

Ван Гог жил бы дольше и успел бы больше, если бы получил тысячную долю энергии того восхищения, которое поднимает теперь стоимость его картин до десятков миллионов долларов. Его жизнь была трагичной из-за того, что он не получил вовремя свет Одобрения. Но плохой оказалась и жизнь тех, кто был скупым на чувства и оставил Свет, предназначенный Ван Гог, при себе.

Нерастроченная энергия всегда оборачивается против того, кто не использовал ее по назначению. Энергия не виновата в скупости людей на признание таланта. Она приходит к людям для совершения добра.

«Энергия, предназначенная для другого человека» (твоего брата, друга, случайного прохожего) – это не украденные деньги, которые можно потратить на себя, несмотря на то, что они отобраны у другого. Энергия терпеливо «ожидает», когда человек поумнеет и перестанет держать у себя то, что ему не принадлежит. Такая энергия, спустя годы «хранения», становится еще одним дополнительным препятствием, блокирующем чакры человека. Особенно плохо делается глупым людям тогда, когда человек, с которым они общались, человек, которому предназначался свет энергии Обмена Душевым Вниманием Между Людьми, – покидает этот мир, так и не получив тепла признания.

«Незнание закона никого не освобождает от ответственности».

Преступника тянет на место преступления. Убийцу – на похороны жертвы. Сердце нарушителя энергетического Закона сдавливается неосознанным ощущением чувства вины. Это чувство невозможно выразить в словах, но рано или поздно оно заставляет человека повиноваться и искать способа избавления от мук больной совести. Энергия, потраченная на ограбление, на самом деле была предназначена для доброго дела. Только вот использовали ее не по назначению. А так как убить или ограбить все еще необъяснимо легче, чем поддержать или похвалить, – у преступника энергии остается так много, что она начинает работать против него, ибо он воспользовался ею себе и другим во зло.

Ушедших в другой мир надо прощать и помнить только то хорошее, что ими было сделано. Надо, пусть даже с опозданием, благодарить их и стараться помнить и ценить добрые дела по достоинству.

Энергия неуничтожима. Она всегда придет к тому, кому была предназначена. Энергия взлетит вслед за ушедшим человеком. Догонит его душу там, в другом, *лучшем мире*, чтобы помочь душе в ее эволюционной миссии.

Те, кто исполняют эту давнюю традицию, – приходят на дорогие могилы и чувствуют вполне объяснимое облегчение. Те же, кто упорствуют в своей глупости и скупости на доброе слово, – болеют и не могут понять, что энергия, своевременно не отправленная по правильному адресу, – продолжает тянуться к тому, для кого она пришла в этот мир. Энергия стремится в другое измерение, в другие миры и влечет за собой того, кто держит у себя чужое. Про таких людей говорят: «Не жить им спокойно!»

У энергии, которую эти скупцы держат при себе, со временем появляется имя собственное – «Совість». Энергия, предназначенная другому человеку, не даст им покоя никогда.

Но есть и другой путь.

Я знаю, что бессмертная душа Ван Гога получает сегодня ту энергию, которую она не дополучила при жизни. Каждый раз, когда на аукционе за его картину платятся десятки миллионов, душа Художника получает энергию, эквивалентную колоссальной силе и энергии, сконцентрированных в этих деньгах. Деньги – это тоже энергия! Каждый из нас, кто, глядя на картину Ван Гога в музее, восхищается гениальным творением художника, – общается с его душой и посылает ему энергию добра.

Надо помнить!

Нельзя скупиться на добрые слова!

Надо уметь быть благодарным!

Надо быть щедрым на похвалу!

...Диагональ Влияние Людей в ауре Джона – наполнилась. Энергия, которую Джон должен был получить и вчера, и много лет назад, величаво прошествовала по «мосту» моей способности

проводить энергию через себя, перешла к Джону и соединила «материк» и «остров»: остров по имени – «Джон» и материк – «Благодарные люди».

В этот момент у кого-то из недругов Джона перестала болеть голова или отпустило зажатое сердце. Мир для этих не «плохих» и не «хороших», а на самом деле, – «невежественных» людей, – стал опять красочным и добрым.

Возобновление встречных потоков обмена энергии между людьми приносит облегчение не только таким, как Джон, но и тем озлобленным людям, которые тратят драгоценные силы и время своей жизни, опустошая душу ненавистью, злорадством и радостью по поводу беды другого человека.

Энергия, которую эти глупцы должны были излучить для близкого им доброго человека и которую они оставили при себе, покинула их и, наконец-то, перешла к Джону. Совесть этих людей освободилась от невыплаченного «долга». Не выполнив требования Закона, которого они просто не знали, друзья Джона заблокировали процесс естественного обмена энергией. Теперь этот обмен возобновился. Возможность быть добрыми людьми снова стала их шансом на здоровье и счастье.

Голова Джона прошла половину круга и задержалась в глубоком наклоне назад. Спина сначала выпрямилась, затем начала выгибаться в кресле, поддаваясь движению головы. Здоровая нога сильно уперлась в пол. А правая рука... Она плавно поплыла в воздухе. И стала совершать движения, подобные взмахам крыла большой птицы.

Сколько бы раз ни происходило на моих глазах это чудо, никогда не перестану удивляться возможностям человеческого тела к самовосстановлению.

Это всегда так сильно.

Ни на что не похоже.

И так **просто!** Просто до гениальности!

– Вы осознаете все, что сейчас с вами происходит? – спросил я.

– Да! – кратко ответил Джон.

– Дайте полную свободу Интуитивной Активной Медитации, – сказал я. – Она помогает вам. Энергии сейчас у вас много, дайте ей возможность поработать.

Джон промолчал в ответ. Рука его продолжала свой плавный полет. Вверх – к запрокинутой голове, и вниз – к правой ноге, упирающейся в пол все сильнее и сильнее.

...Пришел черед для «опознания» коричневой сферы у левого плеча Джона. Для этого существует много способов. Я выбрал самый эффективный – «Информационный».

«Год назад что-то страшное произошло в жизни Джона», – определил я.

Определил правильно, потому что коричневая сфера, не медля ни минуты, отодвинулась по линии Времени влево на расстояние руки. Отодвинулась, но не исчезла и не стала менее опасной.

Значит трагедия, которая произошла год назад, была продолжением каких-то других событий в жизни Джона. Они так ослабили его, что не осталось никаких сил для сопротивления смертельной болезни.

Перебирая возможные даты, определяю единственно верные: четырнадцать и двадцать пять лет назад в жизни Джона произошли два трагических события. Следовательно, то, что произошло год назад, – повторение на ту же самую тему.

В ответ на правду и облучение энергией Милосердия коричневая сфера на линии Будущее – Прошлое уменьшилась и стала светлеть. Но не ушла совсем.

Я понял, что без помощи Джона мне не обойтись.

Только я собрался обратиться к Джону с вопросами, как с ним стало происходить что-то невероятное: его здоровая правая рука в очередной раз «долетела» до головы и потянула Джона за спинку кресла так сильно, что превратила его тело в дугу. Спина Джона приподнялась над сидением инвалидной коляски. Пятка здоровой ноги оторвалась от пола. Теперь в пол упирались только кончики пальцев. А затем... Затем!!!

Затем левая рука начала мелко-мелко подрагивать!

Его! – Левая! – Парализованная! – Рука! – Начала двигаться!!!

Я затаил дыхание. Мне показалось, что Джон сделал то же самое. В полном молчании каждый из нас делал свое дело.

Я еще сильнее сконцентрировался. Мое возбуждение и желание помочь удвоило силу излучения энергии Милосердия. Утроило. Удесятерило.

На мгновение пришло ощущение, что мне сейчас кто-то явно помогает. Но разобраться с этим было некогда.

Спина Джона еще больше выгибалась назад. Левая рука продолжала дрожать, передавая вибрации подлокотнику кресла. Колеса слегка отъехали назад. Верх коляски слегка закачался. Это длилось несколько бесконечных минут. Внезапный скрип колес инвалидной коляски, «застонавших» от усилившейся нагрузки, нарушил напряженную тишину.

Левая рука Джона успокоилась. Голова и спина медленно вернулись в нормальное положение. Правая рука перестала «летать» и легла на колено Джона.

– Откройте глаза, – сказал я. Потому что понял – работать сегодня больше не нужно.

Джон открыл глаза не сразу. Выражение его лица отражало глубокое внутреннее успокоение, которое принесло ему получение нового – огромного, по сравнению с тем, что у него было до начала работы, – объема энергии. Когда же Джон все-таки разомкнул веки – стало понятно, что он совершенно потерял ориентацию. Джон смотрел в угол комнаты за моим правым плечом. Голова его слегка двигалась из стороны в сторону, как будто он все еще видел перед слепыми глазами картину смены света в лучах цветного водопада энергии, которая изливалась на него сверху и наполняла своими вибрациями его измученное тело.

Мы оба хранили молчание. Частое дыхание Джона говорило о его сильной взволнованности. Лицо его выражало крайнюю степень удивления.

– Я не могу поверить... – начал он. И замолчал.

– Не торопитесь, – сказал я.

Я не стал продолжать разговор. Нельзя было нарушать буквально звенящее в воздухе ощущение только что произошедшего чуда. Я ждал, пока Джон успокоится. Но его волнение только усилилось.

Джон начал говорить первым:

– Сестра и ее подруга целый месяц уговаривали меня обратиться к Вам, а я отвечал им, что ничего не хочу и только прошу их оставить меня в покое и дать мне умереть самому, «без посторонней помощи». Мой «черный» юмор заставлял мою сестру плакать. А что я еще мог сказать?

Вчера мы с сестрой поехали к врачу на очередной прием. Кабинет находился на втором этаже. Лифта не было. Меня с большим трудом подняли по узкой лестнице наверх. Сестра сказала, что

уйдет ненадолго, чтобы узнать, когда меня примет врач, и оставила меня одного. Я сидел в полной темноте своей слепоты, и мне было очень плохо от боли и от шума, обычного для приемной любого врача.

Стук дверей, шаги людей, проходивших мимо меня, их возгласы и разговоры. Какая-то женщина недалеко от меня отчаянно плакала, и я слышал, как дрожащий мужской голос успокаивает ее плач. Сестра все не приходила, будто пропала. Боль в животе усиливалась. Я стал нервничать оттого, что здесь до меня никому нет дела и я никому на этом свете не нужен. Вокруг меня столько людей, а я – так одинок! Не знаю, сколько времени я сидел один на один с этими мыслями. Я никак не могу привыкнуть к своей слепоте и к тому, что темнота мешает мне ориентироваться во времени.

Вдруг в этой темноте и в этом шуме я увидел себя, таким, каким я себя помню до болезни. Стало тихо и светло. Я увидел перед собой моего отца, который умер пять лет назад. За его спиной сиял белый, неправдоподобно сверкающий Белый Свет. На его фоне фигура отца казалась почти черной. Но я хорошо видел его лицо. И хорошо слышал, что он мне сказал.

*– Что ты здесь делаешь? – произнес знакомый голос. – Что ты **здесь** делаешь? – спросил меня отец громче, делая ударение на слове «здесь».*

Я ответил, не думая:

– Жду приема врача.

– Я не об этом тебя спрашиваю. Почему ты еще здесь, среди живых? – Чеканя каждое слово, очень твердо сказал, мой отец. – Или перестань мучаться и жить, как ты живешь, и иди ко мне скорее. Или... Или делай что-нибудь!!!

*– Что делать? Я не знаю **что** мне делать! Ты ведь знаешь, как я болен, – ответил я.*

Отец посмотрел на меня очень внимательно. Я хорошо помню этот взгляд. Так он смотрел на меня и на сестру в детстве, когда мы пытались солгать, и он понимал, что мы обманываем.

– Ты знаешь! – неслышно произнесли губы отца.

Как только Джон сказал это, ко мне сразу пришла мысль: «Не просто так удвоилась – утроилась – удесятерилась сила излучения энергии Милосердия. Теперь понятно, **кто** помогал мне и **что** именно милосердие пришло и помогло мне оживить парализованную руку Джона».

– Ты – знаешь! – громко повторил мой отец, – продолжал рассказывать Джон. – Я больше ничего не успел спросить отца, потому что в этот момент вернулась сестра. Она заговорила со мной.

И я опять вернулся в темноту слепоты и боли. Я ничего ей не рассказал.

Что говорил врач, я не помню, потому что это было опять одно и то же: «ничего сделать нельзя, надо потерпеть, морфий можно принимать столько раз, сколько понадобится»...

Мы вернулись домой. Было еще не поздно и первое, что я сделал – попросил мою сестру назначить встречу с Вами.

Я математик. Всю свою жизнь я верил только в реальные вещи. Видение моего отца выбило меня из обычного состояния. Я видел и слышал отца, как сейчас слышу и ощущаю себя. Я не знаю, что случилось со мной. Но то, что сейчас произошло во время того, как Вы работали со мной, было очень... Очень похоже. Реальным. Хотя в это трудно – невозможно – поверить.

Та же звенящая тишина в голове. Ощущение невесомости. Яркий, белый свет и сходящиеся к центру цветные круги перед закрытыми и слепыми глазами. Этот Свет я видел, когда вчера мой давно умерший отец разговаривал со мной. И все время, пока мое тело выгибалось под влиянием непонятной мне силы, в голове стучало: **«ты – знаешь!»**

Я не верю в «голоса». Не верю в привидения. Но было не до того, во что я верю, а во что – нет. Я понял, что я действительно **«знаю!»**

– Хотите, чтобы я сказал вам, что означает появление того голубого глаза, что вы видели перед глазами? – спросил я.

– Да! Хочу! – ответил Джон.

– Его имя: «Ангел-Хранитель»! Вам теперь все ясно?

Джон ничего мне не ответил. Лицо его стало строгим. А молчание – очень серьезным.

Сейчас он уже мог хорошо ориентироваться. Его слепые глаза были направлены прямо на меня. Было трудно выдержать этот невидящий, но многозначительный взгляд. Он будто говорил мне, что Джон не из тех, кто будет поспешно обсуждать такие темы. И что этот серьезный человек будет говорить только о том, в чем он разбирается достаточно хорошо.

За окном, на звездном экране «моего кино», стало светлеть. Звезды, одна за другой, стали исчезать в голубеющей синеве неба.

Солнце еще не взошло. Только у горизонта появилась узкая белая полоса. Большие звезды еще были хорошо видны. Но мое маленькое созвездие – созвездие «Джона» – растаяло.

И запели птицы.

Громко!

Все сразу!!

На разные голоса!!!

Я отошел от окна. Сел на кровать. Устал. Хотелось спать. Но и не хотелось. Хотелось вспоминать еще и еще. Слишком много ассоциаций и волнения, чтобы спать.

Птицы за окном громко и настойчиво перекрикивались, будто требовали от меня чего-то. Их предутренний концерт разбудил сына. Он удивленно посмотрел на меня заспанными глазами, проворчал что-то невразумительное и повернулся лицом к стене, накрыв голову одеялом.

«Сегодня он еще не может понять меня, – подумал я. – Моему сыну всего двадцать лет. В этом возрасте живут будущим. Сладкое предчувствие сказочных побед, свершений и заманчивых приключений погружает в сон так быстро, и спится так крепко.

«Я понял, что я действительно **«знаю!»** – сказал тогда Джон.

Я тоже чувствую, что **«знаю»**. Хотя столько тайн еще не раскрыто. Надо досмотреть до конца все воспоминания. Додумать. Понять и осознать.

Понять, что это такое:

Белый свет занимающегося рассвета за окном.

Белый свет перед закрытыми глазами Джона.

Белый свет за спиной отца Джона.

Белый свет музыки гениального виолончелиста.

Белый свет руки пророка Даниила.

...На следующий день Джон снова сидел в своей инвалидной коляске в моем кабинете.

– Я два раза, **только два раза** принимал вчера морфий! – сказал он. – Чувствую себя намного лучше. Только вот слабость. Сил совсем нет.

Когда я опять коснулся энергией Милосердия верхней чакры Джона, его реакции были мгновенны: голова наклонилась вперед, правая рука упала с подлокотника.

– Как будто что-то вспыхнуло перед глазами, – не дожидаясь моего вопроса, сказал Джон. – Я опять вижу «Глаз». Он смотрит на меня. Взгляд добрый. Может быть, это действительно мой ангел-

хранитель? Сейчас «Глаз» стал уменьшаться и уходить в глубину. Снова появляется. Опять уходит, будто впитывается внутрь зрачка в центре «Глаза». – Джон подумал и добавил: – Как уходящая в глубину воронка сильного водоворота в реке.

– Классическая картина получения энергии, – сказал я Джону. – Продолжайте следить за всем, что вы видите и чувствуете. Обо всем новом, что будет появляться перед глазами или происходить с вами, обязательно рассказывайте.

«Дата смерти» по-прежнему была у правой границы биополя. Но коричневая сфера у левого плеча Джона стала крупнее и тяжелее. Я перепроверил информацию, полученную вчера: да, так и есть, – год назад произошла трагедия в жизни Джона. Она же – продолжение событий, потрясших до основания его нервную систему. Я не ошибся вчера – это произошло действительно четырнадцать и двадцать пять лет назад.

Если сфера увеличилась – это может означать только то, что за время, пока я не видел Джона, коричневая информации о трагедии получила подкрепление.

– Скажите, что-то произошло с вами вчера вечером? Я вижу последствия какой-то неприятности: плохого разговора, или ненужной встречи.

– Да, – сказал Джон, – у меня был серьезный разговор с сестрой.

– Не хотите рассказать?

– Я попросил ее набрать номер телефона одного человека, с которым я хотел поговорить. Она долго отказывалась.

– Вы хотели поговорить с женщиной?

– Да.

– А что случилось между ней и вами двадцать пять лет назад? – спросил не я, спросила моя Интуиция.

– Она отказалась выйти за меня замуж, – не задумываясь, сказал Джон.

Он тут же выпрямил спину. Шея его напряглась. На лице резко обозначились складки возле рта. Но глаза он все же не открыл.

– Сестра вам что-то успела рассказать?

– Нет.

– Откуда же вы узнали, что это было двадцать пять лет назад?

– Это моя работа, – сказал я и сразу же спросил, – вы можете рассказать мне об этом?

Джон ничего не ответил. Он продолжал сидеть прямо. Здоровая правая рука свисала с кресла. Его поза была очень неудобной, но он этого не чувствовал. Он просто забыл про свою руку.

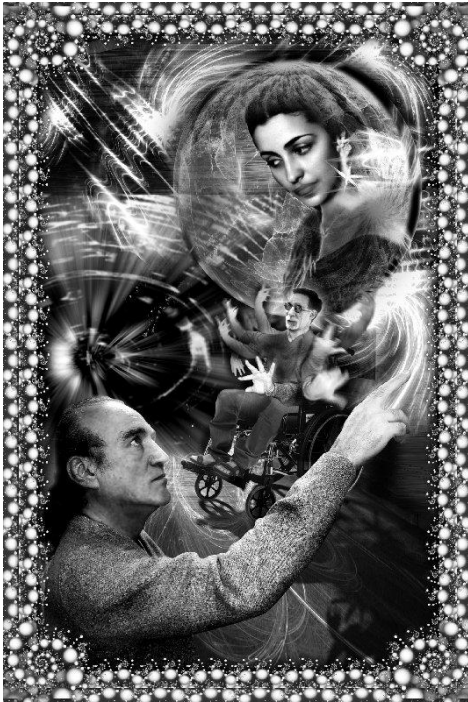
– Я спрашиваю об этом не из суетного любопытства. Это нужно вам! Состояние энергии внутри вашего биополя рассказало мне об этом. Это давний, очень давний конфликт. Он сильно мешает нормальному движению энергии. Мне нужно знать немного. Не надо имен, не надо подробностей. Только факты. Говорите, же!

– Мы вместе учились в школе и в университете. Нас было трое друзей. Я, она и еще один наш одноклассник. Она предпочла его.

– Вы остались друзьями?

– Да. Но я больше никому не делал предложения. Мне сорок шесть лет. И я никогда не был женат. Он и она – мои самые близкие друзья. Моя семья. Их дети – мои дети.

Все время, пока происходил этот диалог между мной и Джоном, коричневая сфера металась вверх и вниз. Становилась меньше. Но не исчезла. Только стала серой. И может быть, чуть-чуть смягчилась.

– Вы все эти годы любите ее, – утверждающе, без тени сомнения, сказал я.

– Уже нет, – просто ответил Джон. – Уже четырнадцать лет я никого не люблю.

Джон помолчал, а потом тихо добавил:

– И меня никто не любит.

Я не стал больше ничего спрашивать. Мне было достаточно и того, что я узнал. Уже было неважно, что произошло четырнадцать лет назад.

Сказанная правда сделала свое дело!

Сфера съежилась, разделилась пополам. Одна ее половина поднялась вверх и повисла слева над головой Джона, а вторая половина – камнем упала вниз и накрыла собой левую половину живота Джона. «Камень» упал туда, где у Джона была операция. «Открыли, посмотрели и закрыли».

Джон, наконец, вспомнил про свою забытую руку. Поднял ее. Провел ею по лицу.

– Если мы разговариваем дальше, то можно мне открыть глаза? – спросил он.

– Нет – мы работаем, – ответил я.

Минут десять мы молчали. Джон постепенно успокоился и вернулся к состоянию получения энергии Жизни, к состоянию Интуитивной Активной Медитации.

Энергия Милосердия, которая пришла к нему и ко мне, была особенно мягкой и тягучей. Она обволокла собой верхнюю часть ауры Джона. Нимб над его головой ровно и спокойно засветился сиренево-зеленым светом. «Милосердие» спустилось ниже и начало слой за слоем покрывать золотом левую половину живота.

Больше ничего особенного не произошло. Голова Джона плавно совершала круги против часовой стрелки. Но правая рука без движения лежала на подлокотнике, а левая – была мертва, будто это не она дрожала вчера мелко-мелко. Энергия наполняла чакры и каналы. Живот Джона стал золотым. Дыхание – сильным и глубоким.

– Я сейчас выйду из комнаты, а вы, уже без меня, закроете глаза – и самостоятельно будете получать энергию, – сказал я Джону, когда мы закончили работать. – Канал Интуитивной Активной Медитации у вас открыт. Времени у нас мало. Вы должны и дома продолжать получать энергию. Вам ее нужно много. Чем больше будет сил – тем больше шансов на успех.

Когда я через пять минут вернулся в кабинет, Джон сидел с закрытыми глазами, и голова его вращалась не менее активно, чем со мной. Правая рука двигалась из стороны в сторону. Он слегка улыбался, и по лицу его можно было понять, что он очень доволен тем, что с ним происходит.

– Реакции совсем другие, – сказал мне Джон. – Энергия давит не так сильно, как с вами, но я хорошо ее чувствую.

– Дома, – сказал я, – вы будете делать то же самое. До вечера еще много времени. Каждые три часа, по пятнадцать минут вы должны получать энергию при помощи Интуитивной Активной Медитации.

Джон кивнул головой. Он был очень задумчив. Что-то очень серьезное происходило сейчас в его душе.

– Я попросил сестру позвонить *ей* и сказать, чтобы *она* не звонила и не приходила ко мне, – сказал Джон, придя утром на нашу третью встречу. – Это удивительно, но пока я занимался, как вы сказали, каждые три часа, по пятнадцать минут, тело мое двигалось само по себе, а я все время думал о том, что моя история любви и то, как я прожил свою жизнь, каким-то образом связаны с моей болезнью.

После того, как сестра позвонила *ей*, я больше не принимал морфий. У меня ничего не болело, и очень хотелось есть.

– Поймите, – сказал я, – не так важно, что именно вы делаете, какие шаги предпринимаете для разрешения того конфликта, который вы пронесли с собой через всю жизнь. Важно, что вы при этом чувствуете и осознаете.

– Я понимаю, о чем вы говорите, – ответил Джон, – но, все же, не очень верится в такую зависимость возникновения болезни из-за того, что пережито. Это уж как-то слишком.

– Определенная, и не малая часть энергии, которая была необходима вам для жизнеобеспечения вашего организма, все время удерживалась притяжением вашего бескомпромиссного несогласия с тем, что происходило у вас в жизни. Очень много, слишком много сил было отдано бессмысленной борьбе с самим собой.

Двадцать пять лет – это огромный срок. Все эти годы ваше тело не получало достаточно энергии. Это обстоятельство, в конце концов, ослабило его. В том месте, где вы все это время концентрировали энергию вашей сильной эмоции – эмоции неразделенной любви – за двадцать пять лет были созданы условия для возникновения хаоса.

«Хаос» – это самое верное название для той болезни, которая вас сегодня так мучит. До сих пор медицина не может достоверно назвать истинные, а не косвенные причины возникновения рака.

Моя практика показывает, что в большинстве случаев причина кроется вот в таких затяжных, десятилетиями не решаемых серьезных конфликтах (хочу подчеркнуть, что именно в большинстве случаев, ибо «нет правил, без исключений»). Затяжные конфликты не только притягивают к себе много энергии, но и мешают личности человека развиваться и получать от жизни все новые и новые проблемы и их решения.

– Получается, что цель жизни в решении проблем?

– Проблема – это всего лишь повод для развития личности человека, его духовного взросления и роста. Без проблем и их решений люди бы стояли на месте, и им не надо было перерабатывать столько энергии. Получение, усвоение, излучение и работа с энергией Жизни – и есть главные, хотя все еще не до конца открытые смысл и цель жизни человека. Без энергии – нет развития, нет эволюции как отдельной личности, так и всего человечества в целом. Сейчас не время и не место для лекций на эту тему, но, поверьте мне, я знаю, о чем говорю.

– Я прожил тяжелую жизнь. На отсутствие проблем не могу пожаловаться. Четырнадцать лет назад жизнь моя потеряла смысл, – сказал Джон, – Женщина, которую я так любил и так долго ждал, пришла ко мне и осталась со мной. Осталась всего на месяц. С помощью моей любви она смогла доказать тому, кого она действительно любила, что он – *не единственный*, кто может любить ее. Ей было важно, чтобы он окончательно понял: она – главный человек в их союзе. Он пришел к ней с повинной... Униженный и готовый на все. Она же, удовлетворив свою гордость, победоносно вернулась к мужу. Вернулась для того, чтобы продолжать командовать, унижать, но все равно любить того, кто по ее словам был не достоин, не то чтобы жить рядом с ней, даже сидеть рядом за одним столом. С ним она намеревается прожить всю жизнь и воспитывать двоих детей.

– А вы? Кто вы для нее?

– Я – всего лишь друг. Моя любовь известна ей и всем, кто нас знает, но она *ей* не нужна. И она уже больше никогда не сможет ею воспользоваться. Потому что я убил в себе эту любовь. Не сразу, но все же я смог это сделать. Я даже остался их другом. Они – моя семья. Когда я заболел – они были единственными, кого я хотел видеть. Только их жалость меня не унижает и не оскорбляет. Нас связывает так много. – Джон задумался, помолчал и добавил: – А разъединяет еще больше.

Я не верил Джону.

По мере того, как он говорил со мной, коричнево-серый камень на левой стороне его живота увеличивался.

Джон начал опять тяжело дышать.

– Мне неприятно говорить вам это, но вы обманываете себя, – сказал я.

– Может быть. Я только знаю, что мой характер не позволяет мне прощать предательство и подлость. Но я – простил её! Она теперь – всего лишь друг! Другу можно простить многое.

Я проводил Джона до машины. Помог усадить его на заднее сидение и погрузить коляску в багажник.

До этого сестра Джона практически не сказала мне ни одного слова. Но то, как она каждый раз одинаково умоляюще смотрела на него и на меня, когда выходила из кабинета, – красноречиво свидетельствовало о том, как сильно она хочет помочь брату. Адела, сестра Джона, выглядела очень усталой. Она была уже немолодой женщиной, а волнения и заботы об очень больном человеке состарили ее еще больше. Взяв меня за локоть, она отвела меня на несколько шагов в сторону и тихим голосом попросила уделить ей время для разговора. Джону она сказала, что хочет договориться со мной о завтрашней встрече.

Мы вернулись в кабинет.

– Джон рассказал мне о том, что вы каким-то образом узнали его тайну. Тайну его безответной любви. Вы дали ему понять, что это она измучила его и привела к тому, что Джон получил раковую болезнь. Может быть, это и так. Не знаю. Такая любовь, по-моему, должна быть, наоборот, вознаграждена и Богом, и людьми. Но я не об этом хотела говорить с вами. То, что убивает его сегодня, – это не его любовь к *ней*.

Этот *негодяй* ждет его смерти. Он ни перед чем не остановится. Он погубит его. Джон это знает, но ничего не может с собой поделать.

– ?

– Понимаю. Он вам ничего не рассказал о Саймоне.

– Кто это?

– Кто такой Саймон? – переспросила сестра Джона, при этом нервно передернув плечами. – Саймон – это мерзавец, каких свет не видывал, подлец, способный кого угодно продать за сигарету с марихуаной! – Голос ее от возмущения взвился вверх. – Негодяй! Нахлебник! Притворщик! Неблагодарный махинатор! Лжец!

Адела проговорила все это на одном дыхании. На слове «лжец» воздух в ее легких закончился. Она вынуждена была остановиться, чтобы отдышаться. Я воспользовался этим и сказал:

– А если коротко и по существу?

Сестра Джона опустила голову вниз и открыла сумочку. Начала что-то в ней искать. Потом закрыла ее, так ничего и не достав. И совсем другим голосом произнесла:

– Саймон – это приемный сын Джона, которого он любит даже больше, чем меня. Но это не самое страшное. Страшно то, что он любит его больше собственной жизни – даже больше самого себя. Я всегда говорила ему, что он не имеет права брать на себя такую ответственность, что жалость еще никого не спасла.

Адела рассказала историю о Джоне и Саймоне. Я не перебивал ее. История перемежалась слезами, возгласами возмущения. Я молча слушал.

Пять лет назад Джон поселил у себя в доме одного из своих учеников. Родители мальчика были в разводе. Отец бросил семью, когда Саймону было три года, и с тех пор никогда не видел сына. Мать родила Саймона, когда ей было шестнадцать лет. Сама еще ребенок, она абсолютно им не занималась. Не работала. Не училась. Гуляла... Гуляла по жизни, переходя от одного мужчины к другому. Саймон плохо учился. Всегда плохо одетый, он сторонился одноклассников. Был угрюм и недоверчив.

Дедушка с бабушкой постоянно воевали с дочкой, но почему-то именно Саймон стал наиболее частым поводом для ссор и обид. Именно его рождение разрушило жизнь дочери, считали дедушка и бабушка. Саймон никогда не мог понять – любили они его, или нет. Мать то отвозила Саймона к родителям, то со скандалом забирала обратно. За ребенком толком никто не следил, и уж точно, – никто его не любил. Но самое ужасное заключалось в том, что Саймон был всегда голоден. В доме никогда не было еды. Мать могла исчезнуть на неделю. Саймон с пятилетнего возраста приучился запасать еду. Вся эта история и началась с того, что Саймон был голоден...

В начале учебного года Джон обратил внимание на то, что один из учеников никогда не выходит из класса, чтобы съесть принесенный из дома завтрак, как это делали все остальные ученики. Когда он заметил это в третий раз, Джон подошел к ученику и протянул тому половину своего бутерброда. Мальчик даже не отказывался. Он быстро проглотил предложенную еду. И сидел, уставившись глазами в стол. Джона удивило, что он не сказал «спасибо». Но с того дня стал приносить в школу двойную порцию завтрака. Саймон каждый раз молча съедал, все, что давал Джон, и по-прежнему не благодарил. Джон сидел рядом с Саймоном до тех пор, пока тот не проглатывал все до последней крошки. Ждал минуту. Потом вставал и уходил.

Так продолжалось больше месяца. Математику Саймон знал плохо. Джон с трудом сдерживался, но не ставил ему плохих оценок. Все чаще он ловил на себе пристальный взгляд Саймона. Но ничего не говорил и делал вид, что ничего не замечает. Игра затянулась, но Джон был хорошим учителем и знал, что в общении с детьми, самое главное – терпение. Наконец, наступил день, когда после того,

как Саймон съел очередной бутерброд, Джон уже привычно подождал минуту, повернулся к Саймону спиной и направился к двери. Вдруг Джон услышал за своей спиной:

– Спасибо! Большое спасибо! – Джон растерялся. По инерции он прошел еще несколько шагов. Дошел до двери. Открыл ее и только тогда повернул голову:

– Так ты все-таки знаешь, что надо говорить, когда тебя угощают!

– Знаю.

– И целый месяц вел себя, как невежа?

– Да.

– Почему?

– Я вас проверял.

– Ты?.. Меня?.. Проверять?.. – растерялся Джон. – Зачем?

– Благодарность надо испытывать к тем, кто к тебе относится честно. Люди не заслуживают благодарности, потому что большинство из них обманщики, и, если делают что-то, то только для своей выгоды.

– В чем была моя выгода?

– Это я и хотел понять.

– Ну и что? Понял?

– Нет.

– Поэтому сказал сейчас «спасибо»?

– Да.

– Это тоже проверка?

– Да.

– Ты считаешь, что люди не дадут голодному поесть, даже если у них есть чем поделиться?

– Людям всегда есть чем делиться друг с другом, но они этого никогда не делают.

– А ты делишься?

– Нет.

– Почему?

– Мне нечем. У меня ничего нет.

– Дети не могут и не должны делиться чем-то материальным. Они еще не работают и не зарабатывают денег. Но дети могут поделиться улыбкой, радостью, энергией, молодостью. Мало ли что есть у тебя, и нет у кого-то. Вот и поделись.

– У меня этого тоже нет.

– Чего нет? Не понимаю.

– Радости.

– Но ведь ты же так молод.

– Молодость – это не деньги. Ее нельзя поделить на части.

– А как насчет энергии? – уже более заинтересованно спросил Джон. Он никак не ожидал такого диалога.

– Да. Это можно. Но потом твоей же энергией тебя и накажут. Вернее, за эту же энергию.

– У тебя на все есть ответ, как я посмотрю.

– Я не такой глупый, как вам кажется.

– А почему же ты так плохо учишься?

– Чтобы хорошо учиться, надо иметь возможность. А у меня ее нет.

– Ты же ходишь в школу.

- Надо еще и дома заниматься.
 - Да, конечно! – обрадовался Джон, вернее, обрадовалась та его часть, которая была учителем.
 - Мама пускает меня домой только поздно вечером. Я прихожу из школы и до вечера сижу на улице. На улице заниматься не получается.
 - Хочешь лучше учиться?
 - Да. Тогда после школы я пойду работать, и у меня будет много денег.
 - Ты практичен. А как быть с мечтой о поездке в дальние страны, например?
 - В дальние страны хочу, а мечтать об этом – нет.
 - А мечтал когда-нибудь?
 - Да, когда был маленьким.
 - А теперь?
 - Теперь я знаю, что мечтать бесполезно. На «мечту» ничего не купишь.
 - Завтра у тебя контрольная работа по математике. Если ты не позанимаешься дома, то не сможешь получить хорошую оценку.
 - Вы же не ставите мне плохих оценок.
 - Это плохо или хорошо?
 - Плохо!
 - Это еще почему?
 - Я совсем ничего не хочу делать по математике. Во-первых, я ее не люблю. А во-вторых, зачем заниматься, если и так сойдет?
 - Было бы лучше, если бы я ставил тебе плохие оценки?
 - Да.
 - ?
 - Это было бы честнее. На самом деле, я заговорил с вами, потому что хотел попросить ставить мне те оценки, которые я заслуживаю.
 - Я считаю, что ты можешь быть хорошим учеником. Я вижу, что во время урока ты, иногда соображаешь быстрее других.
 - Я же вам сказал, что я не глупее других.
 - Если причина только в том, что тебе негде заниматься дома, то это легко исправить.
 - Как?
 - Я поговорю с твоей мамой.
 - А вот этого не надо!
 - Ты ее боишься?
 - Нет. Я просто знаю, что это бесполезно. Тем более, что сейчас у нее как раз новый друг. Когда у нее заводится кто-то новый, она всегда кричит, что я мешаю устроить ее личную жизнь. Кручусь под ногами и вечно прошу есть. – Саймон понял, что сказал лишнее и насупился, закусив нижнюю губу.
 - Я помогу тебе подготовиться к контрольной работе. Хочешь сегодня вечером придти ко мне домой? – сам не зная, как это у него вырвалось, сказал Джон.
 - Да, – без раздумий согласился Саймон. – Честно говоря, мне сейчас математика нравится больше. До вас у нас был плохой учитель. Я его не любил и математику не любил тоже. А у вас на уроках интересно. И я сам удивляюсь, что все понимаю.
- Дележка завтрака продолжалась еще три месяца. Саймон все чаще приходил домой к Джону заниматься и делать уроки.

Наконец, на улице стало совсем холодно. Под этим предлогом они оба, Джон и Саймон, встречались сразу после школьных занятий. Шли обедать в китайский ресторан. А потом уже, как по заведенному распорядку, шли домой к Джону. Саймон никогда ничего не просил, но «спасибо» говорил всегда.

Первый раз Саймон обратился к Джону в середине декабря.

– Можно у вас переночевать сегодня?

– А мама разрешила?

– Ее нет дома уже два дня. Она уехала. Сказала, что вернется к Новому Году или после него.

– И ты уже два дня дома один?

– Да.

– А что ты ел?

– У меня всегда есть что-то «про запас» для такого случая, – сказал Саймон. – Мама всегда уезжает неожиданно и никогда не оставляет денег на еду. Я к этому уже привык.

Джону стало нехорошо, от такой деловитости и запасливости мальчика тринадцати лет. Саймон остался. И прожил у Джона полтора месяца.

Мама Саймона объявилась к концу января. Позвонила и спросила Джона:

– А можно Саймон поживет у вас еще две недели? Я приехала только на один день и завтра опять уезжаю.

– Можно, – ответил Джон...

В этом месте я не выдержал и прервал Аделу:

– За что же вы так сердитесь на него. Обзываете самыми последними словами? Что бы ни сделал мальчик с такой историей жизни, его можно только пожалеть, – сказал я.

– Вот и Джон так говорит, – сказала Адела. – Подождите, сейчас я вам расскажу, что произошло после того, как Джон заболел. И тот, кто это сделал, уже не был маленьким мальчиком. Саймону скоро будет девятнадцать лет...

Никто никого ни о чем не просил. Все произошло само собой. Проходил месяц за месяцем, год за годом. Саймон жил у Джона. У него была своя комната. Одевался Саймон теперь даже лучше других. На один день рождения получил в подарок компьютер, на другой – стереосистему. Саймон теперь хорошо учился. Но в классе его не любили по-прежнему. А он и не стремился ни с кем сблизиться. Друзей у него не было.

Дело в том, что Джон несмотря на то, что он был всего лишь учителем в школе, был не бедным человеком и мог себе многое позволить. Джон был известен, как лучший в городе репетитор по математике. Все ученики, которым он помогал окончить школу, обязательно поступали в университет. Его авторитет и популярность среди родителей многочисленных старшекласников были огромными. Соответственно, и цена за его частные уроки была высокой.

Саймон по-прежнему ничего не просил. Джон по-прежнему – все предлагал сам.

Во всей этой истории была только одна неприятность: мать Саймона периодически появлялась и просила у Джона денег взаймы. Джон спрашивал, сколько ей нужно, и всегда давал столько, сколько она просила. И никогда не напоминал, что она еще не вернула ни одного доллара.

– Я была счастлива за Джона, – рассказывала Адела. – Наконец-то, он был не одинок. Саймон был для него хорошим сыном. Его так приятно было кормить, одевать и делать подарки. Саймон

казался таким благодарным. Джона было не узнать. Он ходил со мной гулять и напевал на ходу. Сделал ремонт в доме. Купил новую машину...

В больницу Джона увезли прямо с урока. Саймон поехал вместе с ним. До операции и целый год после нее Саймон ухаживал за Джоном, как настоящий, преданный сын. Но Джон чувствовал себя все хуже и хуже. Когда Джон стал слепым и парализованным, Саймон ежедневно вывозил его в коляске на свежий воздух. Проводил с ним все свободное время.

Потом случилась беда. В дом Джона пришла полиция. Несмотря на то, что Джон был такой больной, ему учинили настоящий допрос. Потом выяснилась причина: Саймон оказался в связи с продавцами наркотиков. Он утверждал, что не продавал никаких наркотиков, но «друзья» его, в конце концов, попали в тюрьму. Джон не мог выйти из дома. Но он несмотря ни на что по несколько часов в день разговаривал по телефону. Бесконечно долго разговаривал с адвокатом, которого сам же и нанял. Обзванивал родителей своих учеников, которые из благодарности к нему обещали помочь, замолвить словечко, где надо и кому надо. Болезнь не помешала Джону добиться почти невозможного. Саймон был оправдан. Он продолжал ходить в школу, жить в доме Джона и ухаживать за своим больным приемным отцом.

Полиция долго не могла понять, что Саймон не сын Джона, но в то же время вроде бы и сын. Потому что настоящий его отец – неизвестно где, а Джон считает своим долгом помочь заброшенному мальчишке. Вызывали мать. Беседовали с ней. Хотели даже запретить Саймону жить у Джона. Но Саймону уже было почти восемнадцать. В конце концов, полиция утихомирилась.

То, что сделал Джон после этого, стало для всех полной неожиданностью. Джон вызвал к себе домой адвоката. В присутствии Аделы и Саймона, он составил завещание, в котором говорилось, что все, что он имеет, он оставляет Саймону. И все вернулось на «круги своя».

Но ненадолго.

Год назад Джону стало настолько плохо, что его опять увезли в больницу. Саймон был в больнице каждый день, пока Джон лежал в реанимации. Джон терял сознание по несколько раз в день. Когда Джон приходил в себя, Саймон всегда держал его за руку. И это рукопожатие говорило Джону о многом. Рука Саймона слегка подрагивала. Джону очень хотелось успокоить его, и он каждый раз говорил:

– Все будет хорошо. Я выйду отсюда. Мы всегда будем вместе, – и из последних сил старался покрепче сжать руку Саймона.

Джон через это рукопожатие хотел внушить Саймону уверенность в том, что все будет хорошо. Сжимая руку приемного сына, Джон пытался доказать, что, несмотря ни на что, у слепого и парализованного отца – еще много сил.

Джону стало лучше. Его перевели в обычную палату. И тут Саймон исчез на неделю. Его не было ни в школе, ни у матери, ни у бабушки с дедушкой. Нигде.

Джон умолял всех помочь ему найти Саймона. Врачи даже запретили Аделе говорить с ним. Потому что он ни о чем другом, кроме как о пропаже Саймона, не мог и думать. Волновался. Не спал. Не мог есть. Забывал про лекарства или отказывался их принимать. Просил выписать его из больницы.

Саймон пришел сам. Движением головы остановил все вопросы Аделы.

В этот раз Саймон не взял предложенной ему руки – единственной здоровой руки Джона, которой тот водил в воздухе перед слепыми глазами, надеясь встретить руку своего приемного сына.

Лицо Саймона было чужим. Он настолько изменился за неделю отсутствия, что Адела с трудом узнала его.

В полной тишине прозвучали слова Саймона:

– Ты обманул меня. Врачи сказали, что ты скоро умрешь, а ты все живешь и не хочешь умирать! Я ухожу. Ты мне не отец. Ты был мне больше, чем отец. Но даже ты оказался таким же, как все. Ты такой же обманщик, как и они! У меня нет времени ждать. Я тороплюсь. Ты можешь говорить все, что угодно. Меня это не интересует! Я уже взрослый! Я сам могу следить за собой и сам могу распоряжаться своей жизнью. Я не нуждаюсь в тебе! И в твоих деньгах!

Саймон, видимо сказал, все, что хотел. Он попятился назад, пристально вглядываясь в слепые глаза Джона, будто хотел запомнить что-то важное. Повернулся. И решительным шагом вышел из больничной палаты.

Адела сидела, как каменная. Джон молчал. Из его слепых глаз катились слезы. Потом слезы высохли, и Джон обратился к Аделе:

– Ничего не говори мне сейчас. Мне очень больно. Но он сделал то, что хотел. Он поступил честно. С этого момента я не хочу слышать о нем ничего: ни плохого – ни хорошего.

С тех пор Адела не говорила с Джоном о Саймоне. Но последнее время она стала замечать, что Джон обманывает ее. Ему кто-то постоянно звонит. Он просит друзей отвезти его в банк. Старается чаще отослать сестру домой. Адела поговорила с одним из друзей Джона, с которым он ездил в банк. Друг сказал, что Джон посылал деньги в другую страну.

Вскоре Джон попросил Аделу посмотреть почту. В одном из писем была распечатка счета из банка.

Так Адела узнала, что Джон регулярно посылает деньги Саймону.

– Джон теперь сам отвечает на звонки и просит меня выйти из комнаты. О чем он разговаривает и с кем – мне не говорит. Но теперь я догадываюсь. Не догадываюсь – знаю! Этот подлец и негодяй звонит ему и просит у него деньги. После всего, что он сделал с Джоном. После всего, что он сказал! А мой брат страдает, не спит по ночам, но все равно посылает ему эти несчастные деньги. – Адела уже не повышала голоса. Она тихо плакала, и было понятно, что она безумно устала от постоянно нарастающей тревоги за брата.

Четвертая встреча началась с того, что Джон сказал мне:

– Адела рассказала мне, о чем вы говорили с ней. Раз вы уже все знаете, я скажу вам, что история, которую она вам поведала – абсолютнейшая правда. Но вот только эту правду мы с ней понимаем по-разному. Она ненавидит Саймона. И, может быть, имеет на это право. Но теперь она знает, и я хочу, чтобы и вы знали: Саймон для меня больше, чем приемный сын.

Он помог мне открыть в себе другого человека. Я не знаю, кем бы я был, кем бы я стал, если бы судьба не дала мне возможность прочувствовать отцовскую любовь. Я не могу перестать любить его. Я вчера долго разговаривал с сестрой. Она поняла меня. Я попросил у нее прощения за то, что из-за моей дурацкой гордости я никого не подпускал к обсуждению этой темы. Я не знал, вернее, не хотел знать, что мое молчание приносит ей такие страдания. Я сказал ей, а теперь говорю вам, что никогда не перестану любить Саймона. Даже если от этого будет зависеть моя жизнь.

– Не нападайте на меня,- сказал я, – я еще не произнес ни одного слова.

– Простите. Это оттого, что я ни с кем не умею говорить об этом!

– Я все понимаю. Ваше право поступать так, как вы хотите. Никто не может осуждать или давать советы. Тем более по поводу отношений отца и сына. Мне непонятно только одно: ведь это вы вчера сказали: «Мой характер не позволяет мне простить подлость и предательство». Не подлежит сомнению, что действия Саймона – это неслыханное предательство и невероятная подлость.

– Да, то, что Саймон сделал, – это ужасно. С этим я согласен. Да, я сказал, что не прощаю подлость и предательство. Это – истинная правда. Но не все, что мы говорим, мы можем сделать. Мой характер действительно мешает мне простить Саймона, но, даже не прощая его, я все равно люблю моего сына. Я знаю, что у меня есть право не прощать, но я также знаю, что у меня нет права отказаться от моего сына. И если мой характер будет и дальше мешать мне любить Саймона – я изменю свой характер,

– Меняйте! Я буду только рад. Вы не представляете, как вы облегчите мне мою работу.

– ?

– Я верю, что любая болезнь, а тем более, такая, как у вас, – результат всего опыта жизни человека, результат суммы действий всех составляющих человеческой личности: мыслей и воспитания; главных жизненных событий и мировоззрения; желаний и поведения; характера, жизненной позиции и моральных принципов; то есть, всего того, что так или иначе определяет личность человека.

Я верю в то, что если меняется личность, то это означает, что данная болезнь больше не относится к этому человеку. Болезнь теряет свою актуальность, от нее может страдать только тот неправильно живущий человек, которого в реальности уже больше не существует. Если больной человек способен на кардинальные изменения своей личности, то для существования его болезни больше нет оснований. Вылечить изменившегося человека от болезни, которая теперь не имеет к нему никакого отношения, – намного легче, чем исцелить тех из нас, кто цепляется за свои трагедии и не хочет меняться.

– Тогда я поражаю вас. Я чувствую, что сильно изменился за эти три дня. Я никогда столько не думал о своей жизни. И не принимал столько серьезных решений.

– Вы знаете, что меня трудно обмануть. Сейчас мы начнем работать, и если правда то, что вы говорите, я обязательно увижу это в вашем биополе.

– Смотрите, – сказал Джон. – Но вы не сможете увидеть в моем биополе того, что произошло со мной вчера поздно вечером.

– Что именно?

– Я занимался вчера перед сном Интуитивной Активной Медитацией, лежа в кровати. Теперь, когда я лежу, у меня получается не хуже, чем сидя. Голова крутится на подушке, правая рука живет своей отдельной жизнью. Я не знаю, сколько времени я занимался. Я решил, что буду получать энергию до тех пор, пока сон не одолеет меня. Мысли были свободны, и я думал о Саймоне. На самом деле, я все время думаю о нем и о его последних словах.

Так вот, мое тело получало энергию, а я думал. И хотя так ничего и не придумал, все же польза от моих размышлений была большая. Надеюсь, вы не считаете, будто я не понимаю, что того, что сделал Саймон, – не прощают. Я и не простил. Но и не могу ничего с собой поделаться. Я человек конкретный. А тут такая дилемма. В какой-то момент я разозлился на себя и уже было решил, что перестану думать о Саймоне, как о своем сыне. Перестану любить его! Разозлился так, что рука моя сжалась в кулак и продолжала свои интуитивные действия уже не с раскрытой ладонью, а со сжатым кулаком.

Злость моя нарастала. Я кричал сам себе обидные слова. Я называл себя размазней. Говорил себе, что пора прекратить это безобразие. Пытался объяснить себе, что, в конце концов, люди вокруг меня правы, и что Саймон действительно – негодяй и не заслуживает моей любви. В ответ на этот крик, откуда-то изнутри пришла спокойная мысль: «А что бы ты делал, если бы твой сын совершил какое-нибудь преступление, и его бы отправили в тюрьму? Облил бы его презрением и никогда бы его больше не увидел? А как же быть тем отцам, дети которых уже в тюрьме? Они все равно их любят и ждут их возвращения домой, чтобы помочь им встать на ноги и начать новую жизнь».

Кулак мой разжался. Злость прошла. Рука опустилась на одеяло. Я вдруг весь расслабился, меня прошиб холодный пот. Я понял, что был все это время неискренен даже наедине с самим с собой. Я все время помнил, что Саймон мне не родной сын. А значит я думал, что могу в любой момент отказаться от него. Что смогу дальше жить, как будто ничего этого не было. Но ведь не в кровном родстве дело. Я был действительно его отцом все эти годы. И если я откажусь от него, то и все эти годы, и вся моя любовь – окажутся обманом.

Моя здоровая рука, устав от напряжения, лежала поверх одеяла и слегка подрагивала.

Моя левая рука!..

Моя левая рука лежала рядом с правой рукой и дрожала тоже!

Как в самый первый день, когда я к вам пришел, – помните? Но в тот раз я своей левой руки не чувствовал. А вчера я понял, что чувствую боль в *парализованной* руке. Я понял, что ощущаю ее слабость. Мне даже показалось, что я смогу шевелить пальцами. Я их чувствовал! Я открыл глаза. Закрыл их. Снова открыл. Ощущения в левой руке не стали слабее. Половину ночи я пробовал шевелить пальцами. Ощущения усиливались. Но сдвинуть с места хотя бы один палец – не удалось. Несмотря на это – я все равно был счастлив.

Счастлив вдвойне. Во-первых, рука моя явно оживает, а во-вторых, я смог четко определить свою позицию по отношению к Саймону:

Я его люблю, вопреки всему, что он сделал. В конце концов, он никого не убил. А если он пытался убить мою любовь к нему, то у него ничего не вышло! Моя любовь – жива! Не мне его судить! В любом случае: **я** – его **отец**, а он – мой **сын**. И этим все сказано! Заснул я абсолютно счастливый.

Джон приподнял голову, показывая, что теперь он готов слушать меня. Мне же нечего было сказать ему в ответ. Мы начали работать.

Левая рука Джона начала подрагивать спустя несколько минут после того, как Джон закрыл глаза, и его голова медленно стала наклоняться назад.

В ауре Джона было светло, как в концертном зале перед началом представления. Головная чакра сияла уже не зеленым огнем, а так, как ей положено, – фиолетовым светом. Чакрам было далеко до совершенства. Но, тем не менее, это были вполне нормальные «насосы-трансформаторы», вбирающие в себя энергию из окружающей среды и излучающие из себя «Возвратный Свет» в хорошем ритме.

Диагональ, отвечающая за получение вибраций Братской Поддержки людей, была наполнена энергией. По меридианам мягко струились «Инь» и «Ян» энергии. Серый камень на животе Джона все еще придавливал селезенку, но он был меньше, и под ним, в самом больном органе Джона – поджелудочной железе – пульсировала оставшаяся со вчерашнего дня золотая энергия.

Спираль, исходящая из моей головы, легко достигла ауры Джона и начала передавать, одну за другой все ускоряющиеся волны фиолетового света. Скорость движения энергии в чakraх и меридианах Джона усилилась.

Я перевел волны моей энергетической спирали с головной чакры Джона на серый камень, придавливающий левую половину живота. Камень сопротивлялся недолго. Он отлепился от тела Джона, отлетел влево и присоединился к большому серому шару у левого плеча. Шар, в свою очередь, медленно тронулся с места и начал миллиметр за миллиметром отодвигаться в сторону.

Откуда-то сверху стал литься ровный Белый Свет.

Я поднял голову и увидел над головой Джона нечто прекрасное.

Его Серебряная Нить была накалена и излучала тепло жизни. Бесконечность, в которой высоко-высоко вверху исчезала Серебряная Нить, светилась Белым Светом. Спустя какое-то время я увидел того, кого в обычных ситуациях увидеть почти невозможно: *Энергетического Двойника Джона*.

Это была точная копия энергетической конструкции Джона, с которой я до этого момента работал внизу, на физическом уровне. С той лишь разницей, что Энергетический Двойник был повернут головой вниз и смотрел в противоположную сторону. Двойник как будто отражался в зеркале, приставленном к голове Джона.

Двойник Джона не был похож на призрак. Он не был похож и на привидение. Двойник мягко мерцал звездным серебром в лучах струящегося сверху водопада Белого Света. Он был реален. Так же реален, как был реален тот факт, что парализованная рука Джона, благодаря невероятному душевному усилию, которое он смог совершить, сейчас, на моих глазах, оживала и двигалась.

Энергетический Двойник Джона был весь серебряный. Только середина его груди – там, где сердце – светилась розовыми лучами, расходящимися во все стороны с равной интенсивностью.

Из моего опыта следовало, что Двойник редко излучает цветную энергию – только белую или серебряную. Поэтому я удивился, увидев, что сердце Двойника Джона излучает розовую энергию любви. Приглядевшись, я понял, что это было не сердце.

Это была *Душа*.

Душа Джона, которую он, преодолев все препятствия, наполнил светом безусловной Любви.

«В тюрьме человека закрывают на замок снаружи. Душа находится внутри человека, но закрыта изнутри», – вспомнил я фразу из очень давно прочитанной книги, название которой, по прошествии многих лет, я забыл.

Все, что мешало Джону быть здоровым, было на своих местах. Серо-коричневая сфера с «датой смерти» напоминала о фатальной опасности. Шар у левого плеча, наполненный информацией о спрессованной силе конфликта, все еще мешал энергии передавать ее целительную силу нездоровому телу. Джон все еще был очень больным человеком, но Белый Свет пронизывал собою малейшие детали энергетической конструкции Двойника. Если Энергетический Двойник человека – это его энергетический Эталон, то сейчас этот Эталон получал сверху и передавал вниз, на уровень физического тела, настолько сильную энергию, что она давала шанс Джону стать другим человеком... Вернее, тем человеком, которым он мог бы быть, если бы не наделал столько ошибок в своей жизни.

На энергетическом теле Двойника явственно проступали информационные дыры «отсутствия энергии». Они находились в тех местах энерго-конструкции Двойника, которые были изъедены, как ржавчиной, сильнейшими психологическими стрессами и неразрешимыми жизненными конфликтами, которые сделали Джона одним из самых несчастнейших людей на свете. В левой половине живота, задней части головы, в правой ноге Энергетического Двойника

Джона можно было увидеть, как розовый свет любви, излучаемый его душой, – мягко, слой за слоем, заполнял их зияющую пустоту.

Любовь сильнее смерти! Душа Джона, запертая изнутри, дождалась момента, когда Джон сам открыл все запоры и выпустил свою Душу на свободу. Душа Джона, освободившись из темницы человеческих условностей, законов морали, которые не всегда правы, эгоизма, чрезмерной гордости и боли одиночества – получила право использовать свою безграничную силу.

Правая рука Джона оторвалась от подлокотника кресла и зависла в воздухе на уровне плеча. Пальцы правой руки зашевелились в каком-то странном ритме. Складывались вместе. Раздвигались. Пальцы скрещивались между собой в необычных сочетаниях. И, наконец, правая рука добилась своего!

Левая рука Джона слегка приподнялась над подлокотником кресла, буквально на два сантиметра. Сначала неуверенно, но затем, уже совершенно спокойно, пальцы левой руки Джона стали пытаться повторить движения пальцев правой руки. Это было почти незаметно. Очень слабо. Но левая рука Джона явно шевелилась, и пальцы определенно двигались. За три года неподвижности мышцы парализованной руки ослабели. Напряжение было очень сильным. Связки предплечья натянулись. Левое плечо приподнялось вверх. Джон улыбался.

– Мне это не кажется? Это действительно происходит?

– Да, – ответил я.

– Рука поднялась сама собой. Без усилия с моей стороны. Пальцы очень болят, но я чувствую, как они шевелятся! – продолжал удивляться Джон.

Пальцы правой ладони сплетались в очень сложные конфигурации. Левая рука Джона опустилась, отдохнула на колене Джона и снова приподнялась. Пальцы зашевелились чуть сильнее. Это походило на какой-то танец.

Я вспомнил: такие сплетения пальцев производят индийские танцовщики. Это – называется «мудра».

«Мудра» – это древняя система движений, придающая потокам энергии, идущим через пальцы человеческой руки, особое усиление. Рука человека – самый совершенный инструмент из всего, что сотворено в этом мире. Рука человека может очень многое. Может даже влиять на движение энергии во всем теле. Джон, ничего не зная об этом, сам того не понимая, заново получил знания, целительная сила которых известна уже тысячелетия!

Я вдруг почувствовал, как что-то неуловимо изменилось вокруг меня. Посмотрел в сторону кровати, на которой лежал сын. Убедился, что он по-прежнему крепко спит, обнимая подушку. Посмотрел вокруг. Нет, ничего не изменилось.

В ушах зазвенело, сердце ускоренно застучало. Что-то все же произошло. Я только не мог понять, что именно!

Встал с кровати. Сделал несколько шагов по комнате.

Наконец, меня осенило: птицы перестали петь, и наступила – тишина!

Тишина!

Я подошел к окну. И увидел: **Солнце возшло**

Птицы встретили восход солнца восторженным молчанием. Оно было сильнее любого пения.

Восход солнца в это утро был розовым.

Розовыми были облака. Розовыми были деревья и первые, редкие машины на дорогах. Строгий восточный орнамент голубой мозаики на стенах Духовной Школы, построенной Великим Правителем, отсвечивал розово-сиреневым светом старого китайского фарфора.

Солнце излучало розовый свет своей любви! Весь мир был освещен этим светом. Розовая ласковая нежность бережно будила всех, кто должен был очнуться ото сна в это утро. Все было таким прекрасным и наполнялось, спешило пропитаться розовой нежностью утренних лучей.

Но у меня в голове почему-то продолжали звучать слова Саймона:

– *Ты обманул меня. Врачи сказали, что ты скоро умрешь, а ты все живешь и не хочешь умирать! Я ухожу. Ты мне не отец!*

Я даже встряхнул головой, пытаюсь избавиться от назойливой навязчивости этих слов. Они отозвались болью в виске и продолжали упрямо повторяться. Непонятная, бесчеловечная жестокость смысла того, о чем говорил Саймон, была так неуместна рядом со сказочно красивым зрелищем *розовой ласки и нежной любви лучей восходящего солнца.*

«Почему? Ведь мир так прекрасен, – пытался я урезонить себя. – Почему я смотрю на эту розовую феерию и вместо того, чтобы радоваться и восхищаться этой красотой, думаю о предательстве и подлости?»

«...Сын возглавил дворцовый переворот и стал отцеубийцей. Он своими руками отрубил голову Великому Правителю», – *вспомнил я.*

«Это было четыреста лет назад. Тогда это было так», – сказал я себе.

«А – много ли – изменилось – с тех пор?» – гулкими ударами отстучало у меня в виске...

Из дома в дом, от человека к человеку идет молва о неминуемом возмездии. После каждого нового преступления тирана, могильный холм над прахом Святого Даниила удлиняется. Чем хуже на земле, тем быстрее растут кости святого под землей. Вся страна ждет прихода того момента, когда рука пророка дотянется до дворца тирана...

«Такова легенда. Такова была мораль четыреста лет назад. Таким тогда было представление о справедливости у безмолвующего народа, который в ответ на страшные события, произошедшие во дворце Великого Правителя, сложил эту немного наивную, но поэтичную и мудрую легенду... Легенду о возмездии, о каре за преступление, о трагедии времени, в котором сын способен предать отца ради власти, денег, короны, – возразил я своему внутреннему собеседнику. – Тогда это считалось одним из самых страшных грехов»...

«Но, неужели! Неужели ничего нельзя сделать?» – упрямо спросил я себя.

«Нет, пока еще ничего нельзя изменить, – ответил я себе же. – По-прежнему такой же океан подлости вокруг. По-прежнему сын способен предать отца, а ученик – учителя. Это случается каждый день, в любой стране, в каждом городе, на каждой улице. Нет конца и края человеческому невежеству. Предательство стремится жить вечно. Люди не могут устоять перед соблазнами этого мира. И если *любовь к отцу* встает препятствием между жадной удовольствий и долгом человека: всегда оставаться человеком... – то сын становится хуже зверя и совершает предательство.

Даже зверь помнит добро! И не будет кусать того, кто помог ему хотя бы один раз в жизни. Поэтому предатель не только хуже всех людей – он хуже животного. И не быть ему уже никогда – *человеком!*

Не одного меня возмущает неистребимость и безнаказанность предательства. Получается так, что и сегодня – одна надежда на возмездие Высших Сил.

Неужели и сегодня нам остается одна-единственная *надежда* на то, что *«рука пророка будет расти под землей»* и дотянется, в конце концов, до каждого гражданина, предавшего народ своей страны; до каждого ученика, предавшего учителя; до каждого сына, предавшего отца; до каждого человека, предающего законы *этого и высшего миров?*»

«Получается, что так!»

«И нет выхода?»

«Есть, – ответил я себе. – Досмотри кино о «Джоне и Саймоне» до конца»...

Пока я был занят внутренним спором с самим собой, Солнце поднялось выше и добавило к розовому свету раннего утра золото наступающего дня.

Птицы снова запели. Теперь их голоса славили начало нового дня, а значит и пробуждение новой Надежды. Я закрыл глаза, прислонился к краю окна, подставив лицо розовым и золотым лучам. Лучи солнца пробивались сквозь завесу опущенных век. Пляшущие цветные пятна солнечного света долго не могли успокоиться..

Наконец, моя память смогла утихомирить неистовство веселой пляски утренних лучей и стала плести из их света финал фильма о «Джоне и Саймоне»...

Таким же ранним розовым утром меня разбудил звонок Аделы.

Речь ее путалась. Было трудно понять: плачет Адела или смеется. Я заволновался, что с Джоном произошло что-то плохое.

– Адела, успокойтесь и скажите мне, что случилось? – прерывающимся голосом спросил я.

– Я не знаю, что с ним делать, – приглушенным голосом проговорила Адела, – Джону скоро ехать к вам в клинику, а он спит. Но он всю ночь не спал! Только утром я смогла уложить его в постель! Я не могу его будить. Ему нужно обязательно выспаться.

– У него опять что-то болело? – спросил я.

– Нет, нет, что вы! - шепотом возмутилась Адела. – Дело не в этом. Случилось такое... Невероятное!!! Этого не может быть! У него ничего не болит! Я не могу в это поверить, но это так! Он ночью ездил на море, а спит сейчас, потому что вернулся только два часа назад.

Я проверил свое расписание:

– У меня есть свободное время в три часа дня. Пусть Джон спит столько, сколько ему будет нужно, – постарался я хоть как-то успокоить Аделу.

Только увидев Джона, я понял, почему даже мне Адела не смогла сказать правду. Для нее то, что ночью случилось с ее братом, было настолько невероятным, что она не верила сама себе...

В назначенный час Джон приехал.

И вот, что он рассказал:

– После вчерашнего сеанса я вдруг почувствовал необычайно сильный прилив сил: физических и душевных. Лег в кровать очень поздно. У меня был важный телефонный разговор. Я долго не мог успокоиться, но все же смог заставить себя начать заниматься Интуитивной Активной Медитацией. Дождался, когда тело стало ощущать давление уже знакомой мягкой и теплой силы, и это давление повело меня из стороны в сторону, голова уже привычно потянулась назад...

Перед глазами опять появился голубой «Глаз»...

Если раньше я думал, что он смотрит на меня в ожидании, то в этот раз он смотрел на меня так обещающе, как будто знал что-то такое, что могло бы стать для меня неожиданным сюрпризом.

Моя левая рука, которую еще три дня назад я даже не чувствовал, совершала очевидные движения. Я тихо, про себя, радовался каждому ее шевелению. Перед моими закрытыми глазами проплывали круги зеленого и фиолетового цвета, сменяя один другой. Они исчезали в середине голубого «Глаза» в самой глубине экрана перед глазами. Голубой «Глаз» все время менялся. Он становился то больше, то меньше. Пульсировал. Дышал энергией...

Занимался я долго, надеясь заснуть, но не получалось. Я думал о Саймоне. Я так давно не видел его! Мне так хотелось снова поговорить с ним, ощущая его присутствие. Разговоры по телефону не могут заменить даже одной минуты – пусть и проведенной в молчании – когда Саймон держал меня за руку. Его рукопожатие было сильнее слов. Саймон сжимал мою руку так, будто старался вытащить меня с «того света».

Я пытался уговорить себя, что мы скоро опять увидимся. У него всегда есть хотя бы один повод... Просто деньги, которые я послал ему в последний раз, еще, наверное, не закончились.

«Терпение – это все, что мне остается, – решил я. – Буду терпеть и ждать. Терпеть и ждать, потому что сейчас это состояние означает для меня: *любить!*»

Мои руки успокоились, голова остановилась. Я почувствовал сильное расслабление во всем теле. Но я знал, что продолжаю получать энергию, потому что голубой «Глаз» жадно впитывал в себя зеленые, фиолетовые и даже желтые круги света. Я лежал и думал о том, как много мне еще надо этой энергии.

Будто в ответ на эти мысли, цветные круги перестали появляться. «Глаз» увеличился в размере. За ним появилось яркое белое свечение. Оно разгоралось все сильнее и сильнее...

В какой-то момент в середине «Глаза», будто что-то открылось...

Белое свечение прорвалось вперед и залило все видимое внутреннее пространство. Я полежал еще с закрытыми глазами. Белое светящееся «молоко» клубилось, дышало, но больше никакого другого цвета не появлялось...

Я открыл глаза. Подумал, что в темноте моей слепоты хорошо думается и стал думать о том, что все не так уж безнадежно. Хотелось жить и радоваться жизни, даже той, что у меня есть – жизни калеки.

Глаза мои – мои слепые глаза – не могли сомкнуться. Я лежал и смотрел незрячими глазами вверх и думал о том, что в свой новый дом меня перевезла сестра уже после того, как я ослеп. Раньше я жил на четвертом этаже многоквартирного дома, и это оказалось очень хлопотно для инвалида. Очень трудно было спускаться вниз и подниматься обратно в инвалидной коляске...

Два года назад, когда я в очередной раз попал в госпиталь, Адела без моего участия продала квартиру, в которой я больше не мог оставаться, и перевезла все имущество в новый дом. Ей очень хотелось, чтобы я мог в те редкие моменты, когда боли были не такими сильными, выехать на коляске во двор, подышать свежим воздухом.

Таким образом, я не видел ни дома, в котором теперь живу, ни цветов в маленьком саду, запах которых так мне нравится, ни даже того, как стоит мебель у меня в доме...

Мне уже вторую ночь мешали назойливые круги света перед глазами. Прошлой ночью эти круги не были такими яркими, и я смог заснуть. Сейчас они были намного ярче и надоедливее. Это бывает у слепых. Когда это несколько раз случалось до встречи с вами, я думал, что, может быть, я что-нибудь вижу, и поспешно обращался к врачам, надеясь, что проверка подтвердит

мои надежды. Но мне объясняли, что это ничего не значит, что так бывает, и на возвращение потерянного зрения рассчитывать не приходится.

Так вот, перед моими открытыми глазами что-то слабо светилось: какие-то матовые светящиеся шары слегка качались из стороны в сторону. Я не сразу обратил на них внимание.

Вдруг я понял, что с этими светящимися шарами что-то не так. Они двигались. Вернее, двигалась моя голова, и шары оказывались от меня то справа, то слева. Я осознал, что шары качаются вдоль одного и того же места. Что я смотрю на них не внутренним зрением. Они мне не кажутся!

Догадка обожгла меня и заставила рывком подняться с подушки.

– Адела! Где ты там? Иди сюда! Скорее! – крикнул я.

Адела прибежала ко мне из кухни и стала возмущаться:

– Джон, что случилось? Три часа ночи! Почему ты не спишь?

И тогда, произошло самое главное!

Сестра зашла в мою темную комнату. Раздался щелчок. Это Адела зажгла лампу, которая стояла в углу на столике.

Я был ослеплен, как будто молния сверкнула прямо перед моим лицом. Резкая боль в глазах насквозь пронзила все мое тело. Инстинктивно я закрыл глаза рукой. Я понял, что **я вижу!**

– Дай скорее очки! Слушай, что я говорю!

Я прозрел!

Я снова могу видеть! Мне больно. Я так долго был слепым, что сейчас любой свет для меня слишком ярок.

Что тут началось!!

Слезы Аделы. Шум, смех, крики, звонки по телефону. Сестра подняла такую панику, она была просто в шоке. По-моему, большем, чем я.

Прошел час, и я смог в темных очках уже без боли смотреть на свет. Круги света – то первое, что я увидел, – были китайскими фонариками в коридоре, которые светили мне в открытую дверь. Адела повесила их, когда я переехал в новый дом. Я их никогда не видел, и поэтому долго не мог распознать, что же это такое.

Было три часа утра. Я попросил Аделу отвезти меня к морю. Я долго сидел на берегу и смотрел в серебряную черноту ночи, подсвеченной волшебным светом выглядывающей из-за облаков яркой луны. Было полнолуние. Я думал о том, что луну я не видел почти три года!

Это было так красиво!

Море было беспокойным. Штормило. Белые гребни высоких волн с шумом обрушивались на прибрежные камни. Я замер от восторга, когда понял, что вижу у горизонта огни плывущего далеко от берега большого корабля.

Я так люблю море. Я думал – я его уже никогда не увижу!

Слезы катились по щекам из моих прозревших глаз, и я не хотел их останавливать...

Потом я попросил отвезти меня домой. Пока я ехал, восходящее солнце светило прямо в глаза. Было больно, но я смотрел на него и не мог наглядеться.

Я смог увидеть свой новый дом, рассмотреть цветы у крыльца и зеленую траву на заднем дворе. Еще вчера я мог только слышать их запах.

Только, когда солнце поднялось уже очень высоко, я вдруг почувствовал, что сильно устал и лег спать.

Проснулся я оттого, что увидел во сне восходящее солнце, и во сне же понял, что я действительно его вижу. Я сильно обрадовался и стал во сне звать Аделу. И проснулся от звука собственного голоса.

Сестра сидела рядом и ждала, когда я проснусь. Она сказала, что уже далеко за полдень, и я проспал все на свете. Я расстроился, что не увижу вас сегодня, но Адела успокоила меня: она уже разговаривала с вами и договорилась о другом времени для нашей встречи.

Я сел за руль машины и приехал сюда...

Тут уж я не выдержал и в первый раз перебил Джона:

– Я не ослышался? Сел за руль?! Сам??!

– Да! **Сам!!!** Кроме моря я еще до безумия люблю сидеть за рулем. Мне этого так долго не хватало! Все то время, пока я ничего не видел... Все они так плохо водят машину. Это так действует на нервы!

И это было так хорошо для моей левой руки.

Я ее чувствовал. Она напрягалась и шевелилась, как будто хотела помочь правой руке, когда я на поворотах до отказа выворачивал руль...

Джон еще долго не мог успокоиться. Я был счастлив не меньше его. Но надо было работать.

В ауре Джона все было таким же, как и вчера. Ничего нового.

Я пытался понять, откуда пришла сила, принесшая Джону «Прозрение». И не мог ничего «такого особенного» обнаружить.

Да – душа Джона продолжала лучиться розовым сиянием.

Да – все его чакры были наполнены энергией достаточно хорошо.

Да – «дата смерти» стала еще меньше и ушла еще дальше.

Да – серый шар с энергией конфликта его «неразделенной любви» над его левым плечом отодвинулся влево и был совсем не таким тяжелым, как раньше.

Я понимал, что на физическом, материальном уровне произошло **обыкновенное чудо** – опухоль мозга, которая образовалась в голове Джона, в результате процесса метастазирования, **уменьшилась!**

Зрительные нервы Джона освободились и получили возможность для нормального функционирования. Я втайне надеялся на это еще со времени первой встречи, когда парализованная рука Джона начала оживать. Уже тогда я понял, что эта опухоль поддается моему энергетическому воздействию и поэтому может исчезнуть.

И вот опухоль уменьшилась и перестала давить на зрительные нервы.

Джон прозрел!

«Но **почему?** – спрашивал я, направляя все свои исследовательские энергетические лучи во все стороны. – Что именно произошло с энергией Жизни Джона? Где та сила, которая, спустя всего четыре дня работы, смогла повлиять на раковую опухоль и заставить ее отступить? Я должен ее видеть. Я должен ее знать!»

Я чувствовал, что за этим чудом что-то кроется. У любого чуда есть причина. Многие люди этих причин не видят и удовлетворяются простым ответом: «Это просто чудо!» – И поэтому считают, что искать причины бесполезно!

Но я же причины *вижу*!

Я сейчас внутри ауры Джона и могу узнать все, что происходит на невидимом уровне!

Джон сидел спокойно. Голова его не двигалась.

Только в полной тишине медленно двигались руки Джона. Правая и *левая*. (Да, да, и левая – бывшая парализованная рука – тоже.) Две руки Джона двигались, сплетая пальцы в ритуальных, мистических сочетаниях индийских «мудр».

– Здорово? А? – первым взволнованно заговорил Джон. – Как это вы делаете?

– Что именно, – спросил я.

– Без вас у меня так не получается.

– Получится и без меня, когда у вас будет больше энергии, – ответил я.

– А когда это «больше энергии» у меня появится?

– Все зависит от вас. От вашего старания и желания.

– Ну, этого у меня теперь будет много.

– Значит «много энергии» у вас будет очень скоро.

– Это хорошо. Мне очень нужно, чтобы энергии у меня прибавилось. Я должен получить ее как можно скорее.

– То, что вам нужна сильная энергия Жизни, – это очевидно. Но почему она нужна вам, как можно скорее? Почему вы так торопитесь?

– Есть причина.

– Могу я узнать ее?

– Да. Вы можете знать причину моей торопливости. Это не секрет. Много энергии – означает много сил. Когда у меня будет много сил, я смогу увидеть Саймона.

– Вы ни разу не видели его с того дня, когда он заявил, что считает вас обманщиком из-за того, что вы продолжаете жить наперекор всем врачебным прогнозам?

– Ни разу.

– И вас не останавливает даже то, что он явно не хочет вас видеть?

– Нет. Меня это не останавливает. И не будет останавливать никогда.

– Вы говорите об этом так уверенно.

– Я говорю так, потому что вчера ночью разговаривал с Саймоном по телефону. Он сам позвонил мне.

– Адела сказала мне, что вы отправляете ему деньги в какую-то другую страну? Это правда?

– Да.

– Он давно уехал?

– Три месяца назад.

– Куда?

– В Индию.

– Почему в Индию?

– Это была его давняя мечта. Он заработал деньги на билет и уехал.

– А теперь деньги кончились?

– Да.

– И он позвонил вам из Индии и стал просить у вас деньги? После всего, что он натворил?

– Саймон не звонил мне из Индии. Я сам нашел его и позвонил. Я очень волновался, потому что его дедушка с бабушкой сообщили мне, что он не звонит им, и они очень боятся, что с ним что-то случилось.

– Что-то действительно произошло?

– Да. Саймон сломал ногу. На пути из Дели в соседний город Саймон упал, спускаясь с холма. Я поднял на ноги всю полицию Индии и нашел его в деревенской больнице.

– Сейчас ему лучше?

– Да. Но у него закончились деньги. Они у него закончились давно, но он что-то зарабатывал и поэтому мог продолжать свое путешествие. Лежа в больнице, он не может работать.

– Он там один?

– Нет. Он поехал в Индию с другом, которого я не знаю.

– Вы сильно волнуетесь за него?

– Да, конечно. Вы не представляете, как я проклинал мою болезнь, из-за которой я не смог вылететь в Индию и помочь сыну.

– Вы и сейчас хотите лететь туда?

– Да! Хочу! А после вчерашнего звонка Саймона – хочу еще больше.

– Он извинился перед вами? Попросил прощения?

– Нет. Саймон не извинился. Он даже не пытался оправдываться. До вчерашнего дня у нас были только сугубо деловые разговоры. Мы говорили только о том, куда я могу послать деньги. Что говорят врачи по поводу его ноги. И больше ни о чем.

– Что же произошло вчера?

– Он впервые спросил о моем здоровье. Я рассказал ему о наших встречах и о том, что у меня ничего не болит и начала шевелиться парализованная рука.

– Саймон был рад этому?

– Да. Но реакция его была неожиданной.

– Почему?

– Он заплакал.

– И ничего не сказал?

– Нет, сказал.

– Что?

– Что жалеет о том, что спросил меня. Что не хочет ничего слышать об этом. Что он устал верить всем моим обещаниям. Что я постоянно обманываю его. Тешу себя и его несбыточными надеждами. Ему это очень больно. Что поэтому он и уехал так далеко. Он так устал от моей болезни. Он не верит ни в какие чудеса. Потому что их нет.

– А почему вы говорите об этом таким довольным голосом?

– Потому что теперь я знаю причину его страшного поступка.

– Причину?

– Да. Это называется «синдром брошенного ребенка». Людям, которых в детстве оставили родители, невыносимо ожидать, что их снова кто-то оставит. Поэтому они уходят первыми. Саймон не выдержал напряжения ожидания моей смерти. Он каждый день приходил ко мне в больницу. Он видел, что в соседних палатах все время кто-то умирает. Мою болезнь, мою возможную смерть он начал воспринимать, как еще один уход близкого человека от него. **От него!** Все его детство прошло в постоянном страхе, что его бросит родная мать, как это уже сделал отец. Это не *моя жизнь* оставляет *меня*. А я – его новый отец – *ухожу от него*. Опять его

бросаю! Вот как он это понимает. Нет, не понимает – чувствует! Поэтому он и ушел первым. Ему стало невыносимо мучительно ждать моей смерти, то есть, моего *ухода*. **Ухода от него!**

– Я думаю, что вы правы.

– А я думаю, что **я** виноват в том, что с ним происходит.

– Почему? В чем **вы** можете быть виноваты?

– Моя дурацкая затея с адвокатом и с завещанием. Я хотел сделать «как лучше». Хотел успокоить Саймона тем, что все, что у меня есть, останется ему.

– Не понимаю, что в этом может быть плохого.

– Вы взрослый человек. Дети понимают иначе. Саймон понял, что теперь все – и прежде всего я – будут думать, что он заботится обо мне из-за денег.

– Вы все это поняли перед тем, как прозреть?

– Да. Сначала я понял причину странного поведения моего сына и **прозрел в сердце моем**. И только потом я прозрел в глазах моих и смог увидеть Белый Свет. Луну. Море. Вас. Свой новый дом.

И теперь смогу увидеть Саймона!

Не знаю, когда это случится. Я не буду звонить первым. Я дождусь его звонка.

– Вы знаете, когда Саймон собирается возвращаться?

– Нет. Он сказал, что собирается пробыть в Индии не меньше года. Я так понимаю, что по его расчетам, за этот год я обязательно умру. И он вернется домой, когда меня уже не будет. Он больше не может видеть отца, который уходит из его жизни... Для Саймона я не умираю – я ухожу и бросаю его!

– Вы уверены в том, что вы правильно понимаете Саймона?

– Да.

Я задумался. Замолчал.

Джон тоже больше ничего не говорил. Он сидел спокойно, и руки его продолжали вести свой странный диалог с энергией.

«Какое совпадение, – думал я. – Саймон в Индии. И то, что сейчас делают руки Джона, так похоже на индийский танец. Быть может, так проявляют себя мысли Саймона о его приемном отце?»

Время нашей встречи подходило к концу.

Я еще раз проверил все, что удалось сделать сегодня в ауре Джона. Обратил внимание, что вибрации чакр и меридианов как-то странно изменились. Они стали более воздушными, трепетными и теплыми.

Я стал проверять одну чакру за другой. Так и есть. Какая-то необычная вибрация наполнила ауру легким дрожанием. Дошел до головы Джона. Прикоснулся своей «мыслью-энергией» к седьмой чакре. И вдруг получил ответную реакцию. Необычную реакцию!

Никто никогда не возвращает мне энергию во время работы!

Все люди приходят ко мне за тем, чтобы получить от меня силу. Им не до обмена энергиями. Они больны. Им нужно много новой, дополнительной энергии.

Седьмая чакра Джона лучилась фиолетовым светом. И свет ее был направлен прямо на меня. В ее центре я увидел белую яркую точку. Седьмая чакра Джона сейчас стала похожа на глаз.

Глаз чакры смотрел на меня, не мигая.

Какая-то сладостная истома окутала меня. Невыразимое блаженство любви и ласки изливалось в этот мир через «глаз» чакры Джона. Я был всего лишь малой частью этого мира.

Такого я еще не видел.

Не ощущал.

Я закрыл глаза. Сосредоточился. Увеличил размер моего внутреннего экрана. Придвинул седьмую чакру Джона ближе к себе.

*Белая Точка в середине фиолетовой спирали стала больше. Она светилась ровным **Белым Светом**. Не ослепляла. Но в то же время была очень яркой.*

Свет был неземной, фантастический!

– Что это? – спросил я сам себя.

*– Это – «**Восьмая чakra**», – получил я ответ.*

Ответ всплыл в моем сознании сам собой. Я никогда не слышал о существовании восьмой чакры. Но я был уверен, что это она.

Это было *другое* Измерение.

Это был свет *иного* Мира.

Мира, где не бывает зла. Где не бывает болезней. Куда уходят праведники. И откуда пророки получают свои откровения.

В этом Высшем мире правит Духовность. Из этого мира душа человека получает силы для жизни в нашем реальном мире, все еще полном страданий и болезней.

В нашем же мире хорошие люди все еще уходят раньше плохих, а дети первыми бросают родителей из-за страха, что их оставят, обманут опять. И все это только из-за того, что еще так мало людей, способных открыть свое сердце, возвысить свою душу, подняться выше самого себя и открыть миру излучение другого Измерения.

Измерения **Восьмой Чакры**.

Джон получил исцеляющий свет от Высшего Духа.

Свет восьмой чакры вернул ему зрение.

«Видимо, восьмая чакра открывается у людей, которым пришлось пережить духовное прозрение», – понял я.

Я почувствовал, как что-то меняется во мне.

Меняется в Джоне.

Я почувствовал, как меняется мир вокруг меня.

...Я открыл глаза. Солнце светило мне в лицо. Посмотрел на часы. Еще час, и надо будет будить сына. Машина заказана на десять утра.

Я отошел от окна и лег на кровать. Солнце из окна все равно продолжало светить мне прямо в глаза. Я накрыл голову одеялом. И стал смотреть окончание фильма про «Джона и Саймона». Моя память хранит этот фильм уже многие годы. Ни одна деталь не забыта.

В этом фильме моей памяти записано **«Событие, изменившее Мир»...**

Через месяц в доме самых близких друзей, был устроен праздник в честь прозрения Джона. Было очень много людей. Родственники. Одноклассники. Друзья. Ученики.

Был и я с женой.

Многие не видели Джона очень давно. Почти все мысленно уже попрощались с Джоном навсегда. Радостная весть о **чуде**, собрала всех, кто его знал.

Те, кто еще не видел его, не могли поверить даже в возможность того, что Джон снова сможет видеть и водить машину.

Джон ничего не знал об этом празднике. Все было приготовлено втайне от него.

Свет не включали. Все сидели во дворе за домом в густой темноте осеннего вечера. Наконец, те, кто смотрел на дорогу, дали знак, что он подъезжает. Все затаили дыхание.

Джон уже мог сам перелезть с водительского места в автомашине на свою коляску. И мы слышали, как он бранился, когда хозяева дома, вышедшие ему навстречу, попытались ему помочь:

– Я сам! Не трогайте меня!

Джон въехал в дом, и хозяева сказали ему, что дома очень душно. Лучше бы посидеть на воздухе.

Не дожидаясь дополнительного приглашения, Джон быстро поехал на веранду. Он остановился сразу же за порогом дома и недовольно сказал:

– Здесь совсем темно. Я уже не слепой. Мне нужно видеть, куда я еду на моей коляске. Включите свет!

Над всем пространством двора было подвешено множество китайских фонариков. Таких же, как и те, волшебные, свет которых был первым, что увидел Джон после трехлетней слепоты.

Китайские фонарики зажглись все одновременно!

Джон увидел большой двор, где не было ни одного свободного метра.

Везде были люди. Он хорошо знал всех. Многие приехали издалека. Некоторых из них Джон не видел десятилетия.

Объятия, возгласы узнавания, слезы, хлопанье по плечам...

Люди долго не могли успокоиться. Все были так рады!

Начались тосты за здоровье Джона. Ему налили воду и долго, с удовольствием шутили по этому поводу.

Я не спускал глаз с Джона. Несмотря на неожиданность праздника и нескрываемую радость от встречи с друзьями, Джон был чем-то сильно обеспокоен.

Он все время смотрел по сторонам – будто искал кого-то.

Я знал, кого он ищет.

Саймон не приехал, хотя знал об этом празднике. Друзья Джона разыскали его и в Индии. Он молча выслушал приглашение и поблагодарил в ответ, не сказав, приедет или нет.

Не приехал!

В конце праздника, после десятков тостов за Джона, за его друзей, за тех, кто помог ему прозреть, Джон сказал:

– Я снова с вами. Я выздоровел! Потому что я люблю вас! Потому что я люблю жизнь! Теперь я знаю, что такое любовь. Теперь я знаю, что такое жизнь! Поверьте мне, я останусь с вами хотя бы для того, чтобы любить вас всех и мою новую жизнь так же сильно, как я сейчас умею любить весь мир и всех людей!

Женщины достали носовые платки из сумочек. Мужчины, стесняясь, вытирали глаза. У меня тоже невольно защипало в глазах. Я не хотел, чтобы кто-то видел мои слезы. Я закрыл глаза и увидел...

Восьмая чakra Джона соединила свой свет со светом всех китайских фонариков над головами друзей Джона. От всех фонариков к головам веселящихся и счастливых людей протянулись тысячи лучей. Свет китайских фонариков и восьмой чакры Джона уходил вверх в ночное небо, прорезая его темноту множеством светящихся нитей.

Ни один фейерверк не мог быть ярче этих нитей ослепительного белого света, стремительно летящих в бесконечность беспредельного неба.

Звезды ощутили прикосновение лучей Белого Света и, стронувшись со своих мест, придвинулись к нам ближе.

Я подумал, что на самом деле звезды смотрят на нас снизу вверх. Ведь мы же находимся в их ночном небе, у них «над головой». Они внизу, а мы – вверху.

Восьмая чакра Джона посылала звездам свет Духовности и Любви. Этот свет связал воедино всех людей, все созвездия, все пространство «над головой» у нас и у тех, кто, возможно, живет (а я уверен, что абсолютно точно – живет!) на звездах и так же, как и мы, смотрит сейчас вверх в ночное небо...

Еще через два месяца, глядя на выздоравливающего Джона, прибавившего в весе килограмм пятнадцать, было трудно узнать того бледного, худого калеку, каким я его увидел впервые.

Он замечательно ездил на машине и навещал своих друзей.

Быстро, двумя руками крутил колеса инвалидной коляски, на спор обгоняя молодых и здоровых, которые бежали с ним рядом, но не могли его перегнать.

Джон хорошо и с удовольствием жил.

Восьмая чакра светила в ауре Джона все эти дни!

Джон становился все здоровее и сильнее. Мы работали над «оживлением» его все еще неподвижной ноги. Большой палец на парализованной ноге уже начал слабо шевелиться.

Джон был очень занят. Расписание встреч со мной он составлял на месяц вперед. Но довольно часто отменял их.

Он работал!

Джон стал заниматься с учениками любимой математикой уже на третий день после прозрения. Учеников было много. Очень много!

Ему нужны были деньги!

Саймон продолжал свое путешествие, и Джон не хотел, чтобы его сын останавливался в дешевых гостиницах или перемещался по Индии пешком.

Джон никому не позволял говорить с ним о Саймоне. Все – даже Адела – оставили его в покое.

Ученики и их родители были рады, что Джон преподает математику так, как это не делает никто.

С любовью!

С любовью не столько к математике, сколько к самим ученикам. Самые отстающие осваивали математику так, что их ставили в пример на уроках в школе.

Джон лучился счастьем.

Джон *лечился* счастьем.

Рядом с ним всем становилось хорошо, спокойно и весело.

Восьмая чakra светила не только Джону.

Она светила всем, кто с ним общался.

Она светила всему Миру!..

Прошло еще три месяца. Начали шевелиться не только большой палец парализованной ноги Джона, но и два соседних пальца. Его рука ожила в течение нескольких дней, а оживление парализованной ноги потребовало многомесячных усилий.

– Скоро мне придется прекратить наши встречи, – сказал Джон после того, как отшумели праздники окончания Старого и встречи Нового года. – Новые обстоятельства моей жизни больше не позволят мне приходить к вам.

– Что это за «новые обстоятельства»? – спросил я.

– Я больше не могу ждать. Саймон что-то скрывает от меня. Я собираюсь поехать в Индию и разобраться на месте.

– Почему вы считаете, что Саймон что-то скрывает от вас?

– Он уже больше месяца находится в Дели и не собирается никуда ехать. Его путешествие окончено, но он не хочет – а я думаю, что, скорее всего, не может – вернуться. Он путается во время разговоров со мной, не договаривает до конца. Отмалчивается. Что-то мешает ему быть откровенным.

– Вы подозреваете его в чем-то?

– Да. Но не хочу сейчас обсуждать это ни с кем...

Джон не пришел на следующую встречу.

С того дня я не видел его ни разу.

Джон позвонил мне через две недели:

– Все мои подозрения подтвердились. Саймон тяжело болен. Он пережил шок от передозировки наркотика. Его доставили сюда на самолете в бессознательном состоянии. Сейчас он в госпитале. Сегодня утром к нему вернулось сознание. Он никого, кроме меня не хочет и не может видеть. Я не могу отойти от него ни на шаг. Простите меня. Я благодарен вам за все.

Вы же знаете, что я могу заниматься Интуитивной Активной Медитацией абсолютно самостоятельно. Я буду заниматься.

Обещаю вам!

Вы вернули мне здоровье и жизнь. Теперь я должен сделать это для моего сына. Я надеюсь, что вы меня поймете...

Джон звонил еще несколько раз.

Наркотики в Индии оказались очень «грязными».

Саймон выздоравливал трудно. Джон стал для него единственной надеждой и опорой.

Каждый раз Джон обещал приехать ко мне повидаться. Но так и не смог.

Помню, как я еще очень долго первым бежал к телефону, боясь пропустить звонок Джона. Все надеялся, что смогу еще раз поговорить с ним. Узнать, как идут дела у Саймона, как себя чувствует сам Джон.

Через год я уехал. Далеко-далеко. В другую страну.

Весь этот год ко мне приходили люди, слышавшие о чудесном исцелении Джона. Многие знали его лично.

От них я узнавал новости о нем.

Новости были хорошими и плохими одновременно.

Саймон был переведен в самую лучшую частную клинику. Когда Саймона выпишут – было неизвестно.

Джон оплачивал все расходы. Много работал. Навещал Саймона каждый день. Чувствовал себя прекрасно. Выглядел отлично. По крайней мере, так говорили все, кто видели его. Но нога Джона так и не начала шевелиться.

В первое время после переезда я все ждал звонка от Джона, хотя и понимал, что не дождусь.

В первые годы меня и здесь находили люди, которые знали Джона и поэтому искали меня, в надежде, что я помогу им, так же, как помог ему.

Восьмая чakra светила не только Джону.

Она светила всем, кто с ним общался.

Она светила всему Миру!

Раз в неделю я смотрел на расстоянии ауру Джона и видел, что восьмая чakra светит, не переставая.

Я верил, что и с Джоном, и с Саймоном все, в конце концов, будет хорошо.

Прошло еще три года.

И вот однажды моя интуиция подсказала мне, что сейчас Джон не хочет пускать в свой внутренний мир никого.

Даже меня...

Но сегодня!

Сегодня – после того, как я решился рассказать сыну о моей первой встрече с Белым Светом!

Сегодня – после того, как я увидел Белый Свет руки пророка Даниила!

Сегодня... я не мог закончить просмотр «кинофильма о Джоне и Саймоне», не посмотрев энергетическое состояние того, кто прозрел, благодаря открытию восьмой чакры; кто вернулся к жизни, благодаря великому исцеляющему воздействию Белого Света.

Сегодня я решил попробовать. Может быть, в этот раз Интуиция меня не остановит...

Картина ауры Джона открылась мгновенно...

В ауре Джона было светло, как в концертном зале перед началом представления. Информационные «шары» его старых конфликтов, по-прежнему были на месте. Только количество лет с тех пор, как они возникли, изменилось. Уже не один год, не четырнадцать и двадцать пять лет, – а больше. Гораздо больше.

Белый свет со всех сторон обволок давние энергетические конфликты своим сиянием, и они стали походить на старые шрамы давно заживших ран.

Сфера «даты смерти» была маленькой и находилась в почтительном отдалении от правого плеча Джона.

Сердце Энергетического Двойника Джона лучилось розовым светом любви.

«Он жив, – понял я. – Джон любит. Любит и живет. А значит и с Саймоном все в порядке. Не может не излечиться человек, который получает такую *любовь* и такой *Белый Свет*.

Никакие наркотики не могут сравниться с их силой. Саймон выправился. Я знаю! Потому что Саймон должен, в конце концов, понять, что он – сын такого *отца*, который *не бросит его никогда!!!*

Я посмотрел вверх и увидел звезды, которым светил Джон.

Мир перевернулся. Звезды оказались внизу. Джон – наверху.

Звезды смотрели на Джона снизу вверх.

К каждой из них от него тянулся светящийся луч Белого Света. Все живое, что было на звездах, получало энергию Духовной Жизни от Джона, потому что он смог прорваться к самому себе наперекор страшной болезни и самым серьезным испытаниям, которые только могут выпасть на долю простого смертного человека.

Ко мне тоже протянулся луч Белого Света.

Я почувствовал себя звездой.

Увидел, как лучится мое тело серебряным светом. Ощутил свое единение со всем миром.

Всего со всем.

Я услышал льющийся сверху бархатный голос виолончели.

Высоко вверху я увидел «созвездие Джона». Пальцы Джона складывались в немыслимые сочетания индийских «мудр». Звездные руки Джона плавно двигались в движениях священного танца.

Танец «созвездия Джона» был так завораживающе прекрасен, что звездное небо не выдержало и стало аккомпанировать ему звуками поющей виолончели.

Восьмая чakra, по-прежнему, светила не только Джону.

Она светила всем, кто с ним общался.

Она светила всему Миру!

Событие, изменившее мир, – действительно произошло.

Мир действительно изменился после прозрения слепого.

Джон прозрел духовно и физически.

И пока он жив – Белый Свет будет соединять всё со всем...

Около моего уха зазвонил телефон. В руках Джона я увидел светящуюся трубку. Он поднес ее к своему уху.

«Это Джон! Джон звонит мне! – понял я. – Я уверен, что это он! Наконец-то!»

Не открывая глаз, я схватил телефонную трубку со столика у кровати...

«Такси, которое вы заказывали, будет ждать вас через пятнадцать минут», – сказал мне приветливый женский голос и вернул меня в реальность.

Кино «О Джоне и Саймоне» закончилось.

Видимо, я не выдержал и уснул под конец.

Я понял, что спал в эту ночь не больше получаса. Но чувствовал себя совершенно свежим и хорошо выспавшимся.

Мой сын безмятежно спал рядом и не слышал ничего и никого.

«Вставай, сын! – громко и весело сказал я. – У нас есть пятнадцать минут на умывание и сборы».

На самом выезде из древнего города я попросил водителя такси подъехать к могиле пророка Даниила. Я хотел подойти к Древу Желаний и сказать еще раз мое самое главное Желание.

Солнце стояло высоко. Сейчас оно было ярко-оранжевым. Горячим и радостным.

Я посмотрел на гнездо на куполе Башни Смерти и увидел парящего прямо над ним белого Журавля. Мне показалось, что частые взмахи его крыльев выдают волнение большой белой птицы. Через минуту я понял, что мне это не кажется...

Из гнезда поднялся и взлетел еще один белый Журавль. Он был немного меньше своего отца, но так же прекрасен. Не совсем уверенные взмахи крыльев не могли скрыть юную силу Журавля-Сына. Сравнявшись высотой с полетом Журавля-Отца, сын стал повторять за ним все его движения. Пара журавлей сделала несколько кругов над родным гнездом на куполе «Башни Смерти» и Журавль-Сын полетел вверх к оранжевому солнцу.

Журавль-Отец полетел за ним.

Я ощутил чувство гордости, которое переполняло Журавля-Отца. Наверное, это был первый полет его сына.

Я подошел к Древу Желаний. Я очень хотел еще раз попросить пророка Даниила передать все мои желания ***Тому, к Кому он когда-то был так близок.***

Я повязал на ветку священного Древа еще один лоскуток и прошептал слова моих самых заветных Желаний:

Я очень хотел...

Я хочу!

Я очень хочу счастья для Джона!

Я очень хочу счастья для Саймона!

Я очень хочу счастья для моего сына!

А значит счастья и для себя!

Я хочу, чтобы Белый Свет духовного Прозрения таких людей, как Джон, сиял ярче.

Я хочу, чтобы таких людей, как Джон, было больше.

Я хочу, чтобы Белый Свет светил всем людям.

Я хочу, чтобы все люди могли увидеть Белый Свет, так, как вижу его я.

Я хочу, чтобы Бог дал мне силы!

Я хочу, чтобы ***Мир действительно изменился!***

Я хочу, чтобы ***наш мир – мир людей – действительно осознал себя и понял, как сильно он меняется!***

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Главное Сно-Видение моей жизни – 5

*Но тут я оглянулся на самого себя, на то,
что происходило во мне; и я вспомнил
все эти сотни раз происходившие во мне
умирания и оживления. Я вспомнил, что я жил
только тогда, когда верил в Бога.
Как было прежде, так и теперь, сказал я себе:
стоит мне знать о Боге, и я живу;
стоит забыть, не верить в Него, и я умираю.
...Знать Бога и жить — одно и то же.
Бог есть жизнь.*

Лев Толстой «Исповедь»

Несколько дней я не могу отвести глаз от экрана телевизора. Смотрю и никак не могу насмотреться...

По всем каналам продолжают передавать сенсационную новость о чудесном спасении людей.

На разные лады дикторы телевизионных новостей повторяют одно и то же: «Плохие метеорологические условия. Непрерывные молнии, сильный ветер и проливной дождь... Аэробус компании Air France, прилетевший из Парижа, выехал за пределы посадочной полосы... Это удивительно, но не было никакой паники, обычно сопровождающей подобные аварии... Благодаря слаженным действиям экипажа самолета все 309 человек, находящиеся на борту самолета, спаслись в течение 90 секунд...»

...Все эти дни «плохие метеорологические условия» упрямо не желают улучшаться. Грозы с небольшими перерывами продолжают бушевать над городом, в котором произошло чудо.

Меня же все это только радует, потому что молнии, ветер и дождь полностью соответствуют взволнованному и приподнятому состоянию, в котором находятся мои мысли и чувства.

Я не могу придти в себя от того потрясения, которое я испытал, когда осознал, что у Линды и у меня — так же, как и у всех остальных спасенных трехсот девяти человек, — началась новая жизнь...

Удивляясь сам себе, я думаю о том, что теперь я могу видеть самое сокровенное и секретное... что мне позволено узнать правду о таких тайнах мироздания, о каких раньше не смел даже и помыслить в самых дерзких своих мечтах!

Например, теперь я могу видеть, что душа прабабки Белого-Белого находится на семьдесят второй ступеньке Лестницы души человека.

И это еще не все...

Оказывается, уровень развития ее души оказался не самым высоким. Хотя раньше я думал иначе.

Теперь у меня есть свободный доступ к информации о том, что душа Линды, после всего того, что с ней произошло за короткие четыре встречи со мной, поднялась **выше** уровня души столетней волшебницы – на семьдесят четвертую ступеньку.

Душа Джона обосновалась еще выше – на семьдесят пятой.

Душа Макса занимает шестьдесят седьмую, а душа Питера – шестьдесят пятую ступеньку.

...И я теперь вижу и знаю, что выше всех поднялась душа Мелани!

Она обретается на Четвертом Уровне Лестницы души человека, ведущей его к счастью... Видимо, такая высокая Ступень развития души еще недоступна для тех, кто не умеет любить так, как Мелани... Ведь у нее был уникальный **талант любить...** Чувство ее любви было абсолютно искренним и божественно самозабвенным!

Душа Мелани обогнала всех, кого я знаю, и пребывает на уровне девяносто четвертой ступеньки!

Я вижу, что душа Мелани **живет**, а не только летает в сомнамбулическом сне продолжения жизни после жизни...

У тех, кто ушел от нас в высший мир – я уверен в этом – иной способ развития души, о котором никому из живущих еще не дано знать.

Однако каким бы этот способ не был... судя по тому, что я вижу, как постоянно меняется интенсивность насыщения энергией ее ауры, степень напряжения, цвет и даже объем биоэнергетической «атмосферы» души Мелани (а объем этот необычайно велик!)... это может означать только то, что душа Мелани продолжает развиваться, а значит – **жить!**

...Еще больше неожиданных открытий ожидало меня после того, как я решил пойти на риск и начал определять Уровни-Ступени развития души самых разных людей, обращавшихся ко мне с просьбами об энергетической помощи.

(Никуда не деться – все, что умею, пусть даже я смог научиться этому только во сне – я обязан немедленно применять на практике. Такая уж у меня работа...)

Мне пришлось полностью изменить мнение об истинном положении вещей в духовном мире!

Я окончательно понял, что нельзя судить об истинной высоте уровня души человека ни по его внешности или одежде, ни по тому, умен он или не очень, добр или зол... Ничего нельзя знать о душе, если смотреть на то, какую должность занимает человек, и насколько он успешен или неудачен, богат или беден, беспомощен или влиятелен...

Душа очень высокого уровня может жить в теле самого простого на вид человека. Человек же на первый взгляд весьма умный, образованный, сильный, воспитанный и даже занимающий высокое положение в обществе людей, может обладать душой абсолютно спящей.

Даже под угрозой плохого здоровья многие люди иногда все еще не способны решиться ни на одно действие или даже мысль, которые могли бы помочь выздоровлению их физического тела и позволить пробудиться их душе... Хотя на словах они все только того и хотят, чтобы их тело – бедное, больное, страдающее физическое тело – перестало бы болеть и мучиться, а душа была бы свободной и счастливой.

Мне, наконец, стало ясно и понятно, что если человек насильно удерживает свою душу в сонном, пусть и в очень привычном для него, а потому – комфортно состоянии, то у него **всегда** будут проблемы со здоровьем.

Для тех, кто удерживает себя в самом низу Лестницы души человека, ведущей его к Счастью, остается только одна незавидная участь...

Вповалку, не разбирая чужих ног, голов и рук, они будут спать беспробудным сном, зарываясь лицом в седую пыль измученной страданиями больной дороги.

Дороги их жизни...

В первую же ночь после свершения Святого Дела чуда спасения всех пассажиров и экипажа с объятого пламенем самолета (а также спасения жизни моей души и души Линды!) произошло то, чего я всегда жду и на что надеюсь, если судьба сводит меня с людьми, у которых Уровень Духа **выше моего**.

Главный Сон моей жизни получил новое ***Продолжение***.

...Я вижу себя – вернее энергетическое тело моей души – летящим над семьдесят третьей ступенькой Лестницы души человека – с воздетыми к небу руками и гордо поднятой головой.

Я чувствую, как моей душе – а значит и мне – становится все легче лететь и веселее... жить.

Я же – то есть, мое мыслящее, осознающее самое себя и весь мир, мое энергетическое высшее «Я» – вознесся высоко-высоко, на уровень орбиты космического спутника Земли и... не падаю!

Передо мной, как на ладони, предстает вся огромная **панорама** энергетических событий верхнего мира Главного Сна моей жизни!

Благодаря такой высокой точке обзора я вижу не только всю огромную Гору с Лестницей души человека, ведущей его к Счастью, на ее крутом склоне... Взгляд мой легко проникает сквозь невесомую прозрачность атмосферы Земли, и я могу видеть даже то, что происходит в глубине моря.

Что же касается самого Неба верхнего мира... то сейчас оно выглядит для меня просто как биоэнергетическая и очень активная аура **живой** Земли.

Аура-Небо верхнего мира оказывается не только лазурно-голубой...

Биополе Земли насыщено очень чистым и сверкающим золотым светом. И это означает, что планета Земля моего верхнего мира – здорова, сильна, жизнерадостна и добра!

Мне хорошо видно как над Четвертым Уровнем Лестницы души человека, ведущей его к счастью, парят люди в белых развевающихся одеждах, а энергетическая оболочка моей *души*, отставшая от них примерно на десять-двенадцать ступенек, упрямо... пытается... их... догнать.

Без всякого удивления я замечаю, что число летающих людей в белых одеждах заметно увеличилось. У меня нет и тени сомнения в том, что это *прибавление* произошло за счет тех более чем трех сотен душ спасенных людей, которые совсем недавно в течение чудесных девяноста секунд покинули опасный борт неудачно приземлившегося самолета.

...Я вижу людей, беспорядочной толпой идущих вверх по извилистому серпантину горной дороги... Отсюда, сверху, мне хорошо видны их усталые лица и то, как *извивается, плачет и корчится от боли* впитавшая в себя все людские страдания, измученная больная дорога под их ногами.

Дорога больна потому, что люди, идущие по ней, все еще ненавидят друг друга...

Казалось бы участь их – ужасна!

Но это не так!

Точка обзора моего мыслящего «Я» позволяет мне видеть истинное положение дела. Я отчетливо вижу, что к каждому человеку – взбивающему ногами пыль больной дороги до состояния грязного, сильно подтаявшего февральского снега – протянута светлая *энергетическая нить*.

Птица с синими крыльями и белой головой и люди, умеющие летать, про них не забыли. Более того, смысл и содержание их полета к вершине Горы не только в достижении их личного счастья...

Они летят вверх, мечтая добыть Свет Счастья для всех!

Даже в идеальном верхнем мире Главного Сно-Видения моей жизни еще не все так хорошо, как бы этого хотелось. Достижение полной, а значит динамической, живой гармонии – все еще главная цель моей внутренней вселенной, и этот этап истории ее эволюции еще не пройден.

Аура моего верхнего мира насыщена энергией правды жизни. Силы Добра в верхнем мире моей внутренней вселенной не воюют с теми, кто отстал и все еще злится, гневается, ненавидит, обижается сам и обижает себе подобных...

Силы Добра помогают всем отставшим вспомнить о том, что они – люди, когда-то умевшие летать, и сотворены нашим Создателем – *совершенными!*

...Птица с синими крыльями и белой головой и все люди, умеющие летать, хорошо знают, что Свет, сверкающий над вершиной Горы, не может принадлежать кому-то одному.

Он может принадлежать только всем людям...

Слева от себя, далеко внизу – я вижу безбрежный Океан... Океан Материнской Любви и Заботы.

Очень маленький я – юноша русалко-дельфин... и еще много таких же, как и я, молодых, прекрасно-юных – наполовину людей, наполовину дельфинов – прыгают из моря в небо.

Вместе со мной они резвятся, зависая и переворачиваясь в воздухе, и с непередаваемым наслаждением купаются в брызгах солнечного света, отраженного сверкающим ликованием их глаз и отполированными морем и юностью, гладкими, блестящими и молодыми телами...

И ничего *не боятся!*

Смеясь и радуясь своей удалой юной силе, мы ныряем в глубину родной стихии и – со всего размаха! – влетаем в широко распростерты, материнские объятия среды без названия.

Мы успеваем сделать несколько упоительно сладких вдохов (это же – океан, которым можно дышать!)... вбираем в себя магическую, волшебную силу и... получая новый заряд бодрости и смелости...

Прыгаем вверх еще выше!

...Лазурно-голубые небеса обнимают Океан Материнской Любви и Заботы от горизонта до горизонта. У самой вершины необъятного купола великого небесного шатра летит Птица с синими крыльями и белой головой, а я и несколько десятков других, таких же, как и я, умеющих летать людей, дружно летим ей вслед...

Белые, развевающиеся одежды делают нас похожими на крылатых людей-птиц из нашей общей сказочной мечты о чуде полета...

И мне вновь кажется, что Солнце летит нам *навстречу!*

Поддерживаемые небесным зэфиром, свежесть которого можно пить, будто воду. Я и такие же, как я, люди-птицы – мы все *пьем* воздушный нектар неба и чувствуем, как глоток за глотком утоляется извечная жажда каждого человека на земле – *быть свободным, как ветер!*

Мир подо мною прекрасен.

Мир подо мною полон драматических событий и, в то же самое время... уравновешен, тих и спокоен!

Уравновешен, тих и спокоен я...

Вернее, уравновешена, тиха и спокойна моя душа, воспарившая выше облаков, всего неба и даже самого Солнца.

...Такой тишины и такого душевного равновесия я никогда еще не достигал в моей земной, обычной жизни. Состояние, которое я испытываю, наверное, надо было бы называть нирваной...

Однако все, что я знаю про нирвану, очень мало похоже на то, что сейчас происходит со мной.

Наверное, для моего состояния еще нет имени...

Помимо восхищения перед энергией внутренней эволюции моего Духа, вознесшего мою душу на космическую высоту...

Помимо блаженства от райского чувства уравновешенности, которое испытывает моя душа, парящая выше всех в моем внутреннем мире...

Помимо ощущения внутренней гармонии... и... сверх всего этого волшебства красоты и величественности картины мира моего Главного Сно-Видения... я осознаю необыкновенную ясность, хрустальную звонкость и чистоту всех моих мыслей, ощущений и чувств.

И еще...

Я – огромен!

Мое мыслящее «Я» так же огромно, как велик и весь мир, на который я взираю с точки обзора высшего состояния моей души.

(Во сне – это ощущается так понятно, легко и так просто...)

Я одновременно нахожусь и там – внизу – в энергетическом теле той самой счастливой части моей души, которая прыгает **вверх** из волн среды без названия... зависает в небе на долгие, счастливые мгновения... и весело смеется, разбрызгивая во все стороны солнечные блики своей озорной и сверкающей молодости.

Мое мыслящее «Я» с удовольствием ощущает **«надетое»** на мою душу тело юноши русалко-дельфина.

Молодой, радостный и веселый «Я» – легко, умело и так, будто естественнее этого нет ничего на свете, уверенно опирается своим гибким телом на текучий воздух неба... – и с наслаждением пьет его магический напиток, **как воду**.

С высоты высшего состояния моей души я не только **вижу** все это... Я все это чувствую – как если бы я был сейчас действительно там, внизу...

(Я еще не очень хорошо понимаю... просто еще не готов осознать... что вот это мое **«как если бы»** уже не подходит к определению моего реального состояния... Потому что я теперь владею подаренным мне Небесами **искусством**. Я одновременно пребываю в самых разных **телах** действующих лиц мистерии моего верхнего мира... И в самых отдаленных друг от друга **местах** его необъятного пространства.)

Я наслаждаюсь ощущением абсолютного, сказочно-прекрасного отсутствия страха – когда, ничего не боясь, часть моей души, живущая в теле юноши русалко-дельфина – со всего размаха ныряет в высокие волны океана Материнской Любви и Заботы.

Добрые объятия родной стихии – моего преданного и нежного друга – вызывают во мне ощущение такого великого чувства **доверия**, что его величину можно сравнить только с безграничностью самого океана.

«Я» – **одновременно** – нахожусь и там – вверху, в теле человека в белой одежде, способного летать...

Я лечу первым!

Я ощущаю в своем сердце энергетическую нить помощи, протянутую ко мне от Птицы с синими крыльями и белой головой...

И я горжусь собою... летающим человеком.

Мое мыслящее «Я» именно сейчас – одновременно со всеми другими энергетическими частями моей души – **изо всех своих сил** старается ровно махать руками-крыльями в одном ритме со всеми другими людьми-птицами позади меня...

В это же самое время – еще одна часть моей души бредет по измученной страданиями больной дороге, над которой висит серое облако **злонамеренной** пыли...

Мое мыслящее «Я» прямо **сейчас** ощущает, как мельчайшие частицы **горя** людей-из-толпы, идущих рядом со мной, мешают моей стесненной отчаянием груди свободно дышать... заставляют слезиться мои глаза... и тяжким грузом оседают на плечах, покрывая мою голову ранней сединой пережитых дорогой и людьми (мною – в том числе) страданий.

Этой части моего мыслящего «Я» – **в это же самое время** – нестерпимо хочется сделать что-то сильное, пусть даже злое, **постыдное**, но все же способное на то, чтобы хоть как-то прекратить нескончаемую пытку одиночеством и равнодушием.

Тяжелое, надсадно-громкое дыхание людей из толпы вокруг – злит меня, раздражает, бесит, нервирует – и заставляет эту больную часть моей души чувствовать **ненависть** к людям... ко всему миру и... **к самому себе**.

Мое мыслящее «Я» напряженно предчувствует – что вот-вот для этой части моей души – наступит момент, когда ей станет нестерпимо **жалко себя**.

И жалко **всех** людей!

...Жалость рождается во мне и ...летающее сейчас выше всех в моем верхнем мире, мое мыслящее «Я»... одновременно с другими мыслями, чувствами и ощущениями... **переживает** возникновение особого, ни на что не похожего **вкуса** этой жалости.

Какой у этой жалости гадкий привкус!

Кислый. Горький. Терпкий. Приторный. Тошнотворный. Обжигающий небо...

Какой у этой жалости невыносимо-мерзкий **похмельный** перегар! Он перекашивает скулы... до неузнаваемости уродует лицо гримасой отвращения...

И вот-вот сведет меня с ума!

Еще немного, и я буду готов проглотить свой собственный язык, лишь бы как можно скорее избавиться от вкуса ужасной, трагической, **скорбной** жалости.

Сейчас этот пакостник-вкус распространился уже по всему телу энергетической части моей души и ощущается уже просто как персонифицированное зло, берущее меня в плен и делающее меня рабом своих собственных негативных эмоций...

И, тем не менее, я – тот, кто мыслит, осознает и чувствует – а вместе со мной и моя душа, пребывающая сейчас в теле человека, подавленного чувством невыносимости выпавших на его долю мучений...

Тем временем... Несмотря ни на что...

Я продолжаю... упрямо пытаюсь сделать хотя бы еще один шаг вперед по измученной **моими** страданиями больной дороге...

Одновременно с этим... самая маленькая... и самая несчастная часть моей души сейчас... спит.

Она спит в теле человека, сложившего свою бездумную голову на чьи-то случайно подвернувшиеся ноги. Этот человек скрючился от тесноты в странной, неестественной позе и при этом выворачивает шею так, как никто и никогда этого не делает...

Этот глупый человек – я!

Я – заставил мою бессмертную душу уснуть тяжелым сном без сновидений...

Я – ничего не хочу знать о прекрасном мире, в котором так счастливо может жить моя душа, если она **здорова**.

Потому что...

Если моя душа здорова, тогда она... шаг за шагом... преодолевая годы-километры жизни... упорно сопротивляясь собственной слабости... самоотверженно справляясь со всеми препятствиями и лишениями... должна идти – по измученной страданиями дороге – чтобы выйти, наконец, к Свету верхних Ступеней Лестницы, ведущей человека к его Счастью...

Еще одна энергетическая оболочка тела моей души (еще одна часть меня) – в это же самое время – идет-летит-парит по-над семьдесят третьей ступенькой Лестницы Счастья...

И это именно мое мыслящее «Я» чувствует сейчас, что путь моей души становится все радостнее и счастливее, благодаря успешно пройденным мною жизненным испытаниям.

Мое удивительное, волшебное, огромное мыслящее «Я» – все это видит, чувствует и осознает – **одновременно** – потому что Небеса одарили меня возможностью находиться рядом со звездами и свободно смотреть на колоссально-широкую **панораму** моего верхнего мира.

Однако подарок Небес заключается не только в способности видеть и наблюдать за всеми событиями моей жизни в верхнем мире...

Я нахожусь одновременно в шести местах и в шести телах!

Я живу, ощущаю, страдаю, радуюсь, иду вперед, действую, лечу...

Моя душа радуется и печалится, смеется и плачет...

Я дышу энергией...

Я – мыслю...

И все это я **одновременно** совершаю, пребывая в шести энергетических оболочках моей души!

Я – огромен и велик!!!

Оказывается...

И такое возможно в моем верхнем мире...

...Так легко и просто ощущать себя – **одновременно в шести** телах и в **шести** местах – и всем телом русалко-дельфина чувствовать блаженство и невесомость пребывания в среде без названия, которой можно дышать, и у которой нет понятия «мокро»... Так легко и просто – **одновременно** с этим – чувствовать каждой частицей своего тела воздух Неба, который можно пить, как воду.

Добрый, ласковый ветер, привольно и свободно веющий во всех уголках этого огромного Неба, так сильно **заряжает** меня энергией, оптимизмом и уверенностью в себе, что для моей души становится реальным исполнение любого, даже самого дерзкого желания...

...Так **не-легко и не-просто** для еще одной части моей души – **в то же самое время**, когда я пребываю одновременно в шести телах и в шести местах – ничего этого не знать и не чувствовать...

Потому что эта **униженная и несчастная** часть моей души, которую я сейчас ощущаю всем несчетным количеством нервных чувствительных окончаний моего мыслящего «Я»... сейчас... **спит** в теле человека, лежащего в самом начале измученной больной дороги в гуще равнодушной ко всему на свете толпы.

Она ничего не знает и не хочет знать о полетах своей родной сестры – другой части человеческой души, которая умеет летать...

(А может быть... она и не сможет... никогда... летать? – Нет! – Она сможет! Доподлинно известно, что умение летать уже заложено в программе ее собственного будущего развития! Для самой неразвитой, а потому самой маленькой части моей души, еще просто не пришло ее время, и она еще не догадывается о своем замечательном будущем.)

...Самая маленькая, самая слабая часть моей души спит в гуще толпы таких же, как и она, слабых и безвольных людей, и ее робкое энергетическое тело со всех сторон сдавлено чужими ногами, руками, головами...

Толпа сплошь состоит из таких же, как и я, людей, душа которых забыла самое себя, провалившись, как в омут, в летаргический сон... Это даже не толпа, а беспорядочная **куча** лежащих вповалку, в ужасающей тесноте беспмятных тел.

...Их даже трудно называть людьми... потому что от этой кучи разит отвратительным запахом **ненавистно-вония и зло-смада**, и она – куча – скорее всего, напоминает собою стадо диких животных, вповалку спящих друг на друге... потому что им боязно спать по отдельности, и только, прижавшись друг к другу, они могут чувствовать себя в безопасности.

У этих «полулюдей», «полуживотных» еще слишком слабо развита **собственная** душа... Их сознание сформировано еще так неумело, и оно еще так по-детски наивно, что только полное забвение самих себя служит им единственной отрадой в жизни, полной непонятной опасности и неведомых страхов.

Когда они падали... как попало... наземь... им было все равно, что с ними происходит. Им только сильно хотелось **забыться, спрятаться, исчезнуть**. Им кажется, что они смогли сбежать из той действительности, в которой жизнь заставляет людей преодолевать каменную неподатливость собственных недостатков.

Они еще не знают, что только так можно вырастить в своей душе **нового человека** с теплым, радостным, бесстрашным и **живым** сердцем... Человека, достойного осознания того, что он – самое совершенное создание в мире!

Эти спящие люди – так же, как и я – ленивы, наивны, невежественны и упрямо хотят только спать... спать... и спать!

Поэтому они (а вместе с ними и я) отчаянно сопротивляются любой попытке творческих сил верхнего мира вдохновить или хотя бы соблазнить их великой идеей о возможности лучшей жизни... Трудно, почти невозможно заставить их проснуться, открыть глаза, встать на ноги и начать по-настоящему **жить**, чтобы дойти до состояния собственного духовного **пробуждения**...

Единственное желание души этих людей – никогда **не просыпаться!!!**

Я не знаю, как долго моя душа была таковой... Видимо, достаточно долго... Потому что даже после всего того, что я знаю сегодня об энергетическом, невидимом мире, в котором живу я, и живут все люди... Даже после стольких лет, проведенных в изучении и практическом освоении знаний об энергии Жизни, я все еще умудряюсь слишком часто лениться и не могу остановить самого себя, когда мне хочется найти место, где мне можно было бы спрятаться или даже исчезнуть...

И это делаю **я!** Тот, кто точно знает, что сделать это – **невозможно!**

От энергии **не спрячешься!!!** (Что уж говорить о других людях и тем более осуждать, кого бы то ни было... Я и не сужу никого... Я просто пытаюсь поделиться информацией, которой владею.)

...Так **не-легко и не-просто** – пребывая **одновременно** в шести телах и в шести местах – идти по измученной больной дороге и **заряжаться** от нее инфекционным равнодушием и ненавистью ко всему на свете.

...Так легко и радостно – пребывая **одновременно** в шести телах и в шести местах – видеть над собой Птицу с синими крыльями и белой головой и чувствовать **энергетическую нить**, протянувшуюся от нее к самому моему сердцу.

...Так легко и хорошо – пребывая **одновременно** в шести телах и в шести местах – **вместе** с болью и страданиями тех частей моей души, которые все еще мучаются на низших ступенях развития – ощущать себя человеком-птицей, который сумел возвратиться в Небо, **как к себе домой**.

...Так легко и замечательно – пребывая **одновременно** в шести телах и в шести местах – парить над семьдесят третьей ступенькой Лестницы души человека, ведущей его к Счастью, и видеть перед собой следующий Уровень, ведущий меня к цели полета моей души...

К вершине горы, над которой сияет Свет.

...Так легко и восхитительно – пребывая **одновременно** в шести телах и в шести местах – понимать, что ты **пророс** в состояние души, **взошедшей** в чувство более глубокое и сильное, чем нирвана...

...Так легко и волшебно – пребывая **одновременно** в шести телах и в шести местах – осознавать, что ты сейчас находишься выше всех на свете и можешь смотреть на землю со звездной высоты!

Я сейчас все могу!

Это же сон!

...Главное Сно-Видение моей жизни!!!

...Меня восхищает способность моего разума охватывать одной единственной мыслью одновременно все шесть положений и шесть состояний энергетического тела моей души и – вместе с этим, **одновременно** – видеть и чувствовать в себе весь мир...

Я ощущаю сейчас все его краски...

Запахи...

Тепло...

Широту простора...

Сокровенную интимность и, в то же самое время, открытость чувств и смелость всех эмоций...

Свет и радость бытия...

Все это не только заставляет меня приходить в восторг от всего, что я чувствую и вижу... Эта новая способность моей души дает мне возможность не только гордиться красотой и совершенством всего верхнего мира, но и гордиться... **самим собой!**

Я испытываю чувство гордости оттого, что это именно мое энергетическое «Я» сейчас может одновременно ощущать, чувствовать, осознавать, понимать, анализировать и совершать все главные действия моего Главного Сна...

И плавать!

И летать!

И наслаждаться!

И преодолевать нешуточные страдания!
И бороться со своей собственной беспомощностью!
И пробуждаться от векового сна!
И чувствовать радость!
И подниматься по Лестнице души!
И развивать все свои способности человека, рожденного для полета...
И...
Мыслить!

...Все очень хорошо!

Прекрасно!

Потрясающе!

Великолепно!

Вот только...

Не слишком ли я уравновешен? Не стал ли я – на самом деле – равнодушным человеком, который весь без остатка погрузился в эгоистичное чувство гордости?

Я же не один в моем мире...

Рядом со мной есть еще люди!

Почему я совсем не думаю о тех людях, которые лежат сейчас без сил у самого подножия горы, и, сложив одурманенные головы на плечи и ноги друг друга, спят... полностью погрузившись... в тяжелый, обморочный... **сон невежества...**

Сон невежества?

Нет!

Сон **разума!**

Сон этих несчастных людей, чья душа скована ледящим страхом, наполнен кошмарами, злыми чудищами, преследованиями, пугающими призраками, неудачами, разочарованиями, падениями в пропасть, жуткой и бессмысленной тревогой, горем, болью и одиночеством...

Этот страшный, удушающий душу сон смог остановить движение их мысли!

Что же будет с этими людьми, пока я так спокоен и уравновешен, что это уже граничит с равнодушием?!

Не равнодушие ли делает меня настолько отрешенным от мира сего, что я **не чувствую** сострадания даже к тем людям, что идут в то же самое время по измученной больной дороге рядом... бок о бок... голова к голове... плечом к плечу... с одной из шести энергетических оболочек моей души, одновременно живущих в моей внутренней вселенной...

Почему я не думаю о том, как невыносимо тяжело этим людям, поминутно спотыкающимся и падающим с ног от нечеловеческой усталости, но все равно упрямо идущим вверх к вершине Горы, на вершине которой сияет Свет?

И не равнодушие ли прячется за моей беспристрастностью и объективностью?

Всем этим людям по-прежнему очень плохо!

Что же это **я**?

Что это со **мной**?

Я же ничего **не** забыл!

Я чувствую памятью всех моих мышц, каждой частичкой моего тела – **как им всем плохо!**

Я еще совсем недавно был там, среди них.

И я был **таким же**, как и они... Пыль больной дороги, седыми страданиями ложилась тогда и на **мои** плечи, заставляя и **меня** сгибаться под тяжестью невыносимых мучений...

Я и сейчас там – среди них!

Я и сейчас – такой же, как они!

Как же я могу?

Какое право имею пребывать в блаженстве, когда им – людям, когда-то умевшим летать – так плохо?

**О, как же мне справиться с этим неразрешимым противоречием всей моей жизни?
Как можно быть счастливым в то время, когда другие страдают?**

Лавина огромного желания **помочь** несчастным людям заполняет собой все шесть частей моей души.

Что же **делать**?

Что **мне** делать?!

Я же сейчас ни на что другое не способен, кроме как на созерцание **моих** шести энергетических тел и на осознание только **моих** чувств.

Я так занят **собой**!

Еще мгновение назад я был твердо уверен в том, что единственное, на что я должен тратить все свои силы – это только то, что **мне** надо плыть, прыгать, зависать в воздухе и летать в энергетическом теле **моей** души – души летающего человека в белых развевающихся одеждах...

Я считал себя вправе думать, что должен подниматься вверх по Лестнице **моей** души, ведущей к **моему** счастью... и одновременно со всем этим **мне** надо находиться в **моем** сверхуравновешенном состоянии, лучшем, чем нирвана – в состоянии полного **моего** покоя и **моей** тишины...

Я думал, что обязан, ни о чем не думая, быть полностью занятым только самим собою, и мне необходимо соблюдать все условия для того, чтобы **моя** мысль могла беспрепятственно следить за всем и осознавать все, что одновременно происходит со всеми **моими** шестью энергетическими оболочками **моей** души!!!

Что же **мне** делать?

Что?!

Как мне разорваться-разделиться на еще более мелкие части и **помочь** людям, которые ни в чем не виноваты, кроме того, что забыли о том, что и они когда-то умели летать?

...Чувство более глубокое и лучшее, чем нирвана, прерывается... прикосновением... к моей ладони – руки другого существа.

Я поворачиваю голову направо и вижу ангела по имени Леон.

...Это душа моего отца, недавно открывшего мне, что он – мой Ангел-Хранитель и мое Персональное Провидение.

Кто-то мягко сжимает мою левую ладонь... Я смотрю влево и вижу, что это Эдвард.

...Отец Линды. Ее Ангел-Хранитель и ее Персональное Провидение.

Ангелы соединяют свои руки, и мы втроем образуем фигуру, похожую на треугольник летящих в свободном падении парашютистов.

Кто-то осторожно обхватывает ладонями мои ноги...

Я вижу, что ноги Леона и Эдварда берут в свои руки другие... ангелы.

...Наш маленький треугольник быстро превращается в многофигурную композицию целой команды ангелов-парашютистов, исполняющих одновременный затыжной прыжок.

Я узнаю одного из ангелов. Это – Мелани!

И, хотя теперь она предстает предо мной в облике *небожителя* – ее волосы, по-прежнему рыжие и прекрасные – развеваются на ветру и сияют не менее ярко, чем когда-то... на земле... сверкал ее взгляд... наполненный любовью!

Я узнаю многих ангелов...

Все, кого я любил и потерял в земной моей жизни, сейчас рядом со мною...

(Моя мама – покинувшая этот мир уже после того, как я впервые увидел это новое *Продолжение* моего Главного Сно-Видения – теперь присоединилась к нам – и тоже *рядом!* со мною...

Моя мама теперь рядом со мною в моем пророческом сне... И этот сон, к счастью, часто повторяется.)

...Мне позволено быть в одном ряду с людьми, жившими до меня и теперь занимающимися тем, что везде – где только возможно – они помогают людям начать процесс пробуждения своей собственной души и возвращения к самим себе.

...Ангелы и я, мы все держимся друг за друга не только руками.

Одна на всех – великая *Мысль!*

Мысль о помощи людям там внизу, что идут по большой, измученной дороге...

Одна благородная и сильная Мысль *объединяет* наши энергетические тела, сердца и души!

Долго ли, коротко длится эта наша всеобщая Мысль, я не знаю...

Я знаю только то, что к моему ощущению своего «Я», пребывающего одновременно в шести энергетических телах моей души, прибавляется новое, небывалое...

Седьмое чувство... моего пребывания еще в одном энергетическом теле еще одного состояния моей души.

...Не знаю, как я это делаю, но мое *осознание*, то есть мое мыслящее «Я», поднимается еще выше.

Выше звезд...

К самому центру Вселенной...

Туда, где сияет чистый *Белый Свет*.

...Я вижу под собою множество больших и малых созвездий, мерцающих в густом фиолетовом космосе над сине-белой дымкой атмосферы планеты Земля.

Их ритмичное, согласованное и гармоничное мерцание создает такую прекрасную космическую *Музыку Тишины*, что душа моя замирает в благоговейном восторге.

Я вижу... что созвездия составлены не из звезд – они составлены из ...*ангелов!*

Ангелы сияют, как яркие звезды, и объединены в единые группы-созвездия, благодаря мощной силе *притяжения* всеобщей Мысли о помощи людям.

Космическое небо подо мной, от края до края заполнено бесчисленными группами-созвездиями ангелов. Они уже не похожи на парашютистов, держащихся друг друга...

Каждая группа светящихся звезд-ангелов – это самая настоящая планетарная система, потому что в центре каждой такой группы ангелов-звезд – сияет свое собственное *Солнце!*

Я вижу под собою огромную Вселенную, населенную несметным количеством больших и малых Планетарных Систем...

Это – еще один слой атмосферы Земли – слой ангелов...

Это – еще одна стратосфера биоэнергетической ауры всей живой материи планеты Земля!

Белый Свет, с высоты которого я смотрю сейчас вниз, делает меня всевидящим, всезнающим и всё понимающим....

Я совсем не удивлен тем обстоятельством, что знаю, как зовут почти каждое Солнце! Я очень давно знаю людей, чьи души *солнцеподобно* сияют в центре каждого ангельского созвездия!!!

Прямо перед собой, совсем близко, я вижу, быть может, самое яркое Солнце из всех остальных центральных светил – это Шекспир!

Вокруг него медленно и торжественно движутся по величавому орбитальному кругу множество планет-ангелов.

Справа – Солнце-Толстой. И вокруг него планеты-души его адептов.

Слева – Солнце-Достоевский. И вокруг него души-кометы его читателей.

Позади меня – Солнце-Эйнштейн... И вокруг него орбитальные спутники – души его ангелов-учеников.

Души Шекспира, Толстого, Достоевского и Эйнштейна, этих великанов человеческого духа – горят ярко и ровно... так, как светит и сияет настоящее *Солнце!*

Неудивительно!

Их мысль была так сильна и прозорлива, воспаряла так высоко, что влияние этих гениев на умы, настроения и на процесс развития нашей цивилизации, оказалось вечным. Их душа горела таким желанием познать мир и самое себя, что до сих пор их последователям – несть числа!

...Чуть дальше я вижу свет Солнца-Моцарта, Солнца-Баха, Солнца-Бетховена, Солнца-Чайковского... Я узнаю свет Солнца-Шопена, Солнца-Рахманинова, Солнца-Ростроповича, Солнца-Хейфеца...

Еще чуть дальше от меня – планетные системы Солнца-Ньютона, Солнца-Вольтера, Солнца-Шри Ауробиндо, Солнца-Ганди, Солнца-Тойнби, Солнца-Чехова, Солнца-Фолкнера, Солнца-Фрейда и Солнца-Юнга...

И еще много-много других таких же планетарных систем вокруг **Солнцедуши** множества множеств великих освободителей человеческого духа всех времен и народов. Для них жизнь их **мысли** ни на мгновение не остановилась после их **перехода** к бытию в Следующем Мире...

Энергия их таланта, вдохновения и дерзновенности, их смелость, доброта взволнованность и забота о судьбах всего человечества – все время здесь на Земле, с нами, с людьми...

...Чуть ниже я, теперь уже с удивлением, узнаю **Солнцедуши** людей, которые еще живы: душа-Солнце-Коэльо, душа-Солнце-Опра, душа-Солнце-Бреннан... и другие мои великие современники сияют не менее ярко и солнцеподобно, чем души их гениальных предшественников-просветителей.

Рядом с ними есть еще много других... живых... людей, имен которых я не знаю.

Да это и неважно. Я точно знаю, что это **Солнцедуши** тех живых людей, которые смогли сделать из своей жизни – **Жизнь-Солнце** для миллионов людей.

...Еще ниже, среди маленьких, но все же ярких звезд, сияющих, почти как настоящее Солнце, я вижу одну маленькую планетную систему...

Скромность моя умолкает, потому что я вижу – свою собственную **Солнцедушу**, вокруг которой... каждая на своей орбите... светятся... души ангелов... Леона, Эдварда, Мелани... и **души-звезды** Джона, Линды, Макса, Питера и еще многих моих учеников. (Для меня – это полная неожиданность, я не думал, что их, моих последователей уже так много.)

Глядя отсюда – из источника Белого Света, центра Вселенной – на самого себя, на ангелов и на души-звезды моих учеников вокруг меня, я понимаю...

Мы все – части Коллективной Души!

Созвездия групп-ангелов-великих-просветителей, покинувших земной мир и вознесшихся в небо... Созвездия-еще-живых-людей-солнц и миллионов их планет... Все вместе образуют единое энергетическое существо – **Коллективное Сознание Всего Человечества**.

И **Солнцедуши** великих гениев, и **Планетодуши** обыкновенных людей (хотя, наверное, «обыкновенных» людей просто не бывает), достигших индивидуального **просветления**, зависли над Землей в свободном парении и, будто в ожидании чьей-то команды, начинают блистать, сверкать, гореть и светиться все ярче и ярче.

Мы... все... превращаемся... в Зубчатое Колесо Часов Истории Жизни Всего Мира!

И... зубец о зубец, созвездие о созвездие, ангел об ангела, гений о гения, душа о душу, человек о человека... мы...

Мы все... и те, кто жили до нас, и те, кто живет сейчас... и души тех людей... которые еще только собираются начать жить... и вот-вот... в скором будущем... спустятся на Землю...

Мы все вместе творим историю всего Человечества!

...Белый Свет излучает ярчайшую вспышку света. Такое впечатление, будто родилась новая Вселенная...

На самом деле – это родился новый **Луч Творения**...

Откуда-то из невысказанно-глубокой высоты Белого Света ко всем нам (к каждому в отдельности и ко всем вместе) протягивается Луч Творения...

Коллективное Сознание, превратившееся в Зубчатое Колесо Часов Истории Жизни Всего Мира, принимает новые живительные вибрации, исходящие от самого нашего Создателя, и передает его вниз... на землю... к людям!

...Вся панорама моего верхнего мира освещается непередаваемо-прекрасным **Светом**.

Как по отвесным струям водопада, я стремительно качусь вниз **по Лучу Творения...** И... пронизав новой, только что полученной энергией все **семь** энергетических оболочек моей души – я становлюсь невесомым, прозрачным, каким-то **газообразным** существом, заполняющим своими мельчайшими нано-частицами... или еще правильнее... энергетическими квантовыми вибрациями – все пространство мира.

Более всего я сейчас похож на тот воздух, которую можно пить, на ту воду, которой можно дышать и на тот Свет, что сияет в душе каждого человека.

Весь мир чувствует появление энергии Луча Творения.

...Юноши и девушки русалко-дельфины прыгают вверх из Океана Материнской Заботы **намного выше**.

...Люди в белых одеждах летят к Солнцу **гораздо быстрее**.

...Люди, идущие вверх по больной измученной дороге, выпрямляют спины, поднимают головы выше, идут вперед намного увереннее. И пыль страданий исчезает с их пути, и сама дорога под их ногами выпрямляется и становится **короче**.

...Люди, души которых спят и не могут проснуться, чтобы идти вверх по ступеням Лестницы, ведущей к Счастью, **открывают глаза**.

Потому что...

Мы – Коллективная Душа, превратившаяся в Зубчатое Колесо Часов Истории Жизни Всего Мира – проводим в мир Луч Творения...

Энергию Света Творца!

Наши мысли, желания, энергия, волнения нашей души, возвышенные цели нашего духа, собственное сильное желание помочь другим людям – и есть тот воздух, который можно пить – та вода, которой можно дышать и – тот Свет, что просветляет душу!

Я чувствую и ощущаю это еще до того, как успеваю все это понять и осознать своим разумом...

Потому что сейчас сильнее всего я ощущаю **седьмое** состояние моей души...

Состояние полного слияния с **Белым Светом!**

Состояние **излучения Силы!**

Это именно **мною** дышат сейчас, ныряющие в море юноши и девушки русалко-дельфины...

Это именно **меня**, как ветер волшебного Неба моего Главного Сна, **пьют** люди в белых одеждах, умеющие летать над высшими ступенями Лестницы души человека, идущего к Счастью.

И это я – та **Сила**, что окутывает прозрачной живительной дымкой подножие Горы и, пробуждая души людей, спящих вповалку друг на друге, дает им энергию для того, чтобы они... наконец-то... смогли... **встать на ноги!**

Это я – тот самый **Свет**, который избавляет дорогу от страданий и превращает ее в здоровый и радостный **путь** к Счастью.

Я сейчас везде...

Я вижу и чувствую, как меня «пьют», мною «дышат» и... в числе других мною... просветляются... души людей на всем протяжении огромного пространства верхнего и нижнего миров во всей моей внутренней вселенной.

...Какое-то время я еще отчетливо помню и осознаю самого себя.

Я изо всех сил пытаюсь удерживать мое разделенное на части сознание и ощущать моим разумом одновременно все **семь** состояний моей души...

В мое сознание врывается водопад мыслей, чувств и ощущений всех людей, которые сейчас пьют мои вибрации, как воду, и дышат моим светом, как воздухом свежих идей.

Мое сознание отчетливо ощущает процесс нового постижения самих себя всех людей, что соединены со мной энергией Луча Творения. Его свет я провожу к ним через свою душу. Я буквально слышу все их мысли и чувства. Это мысли и чувства людей, встающих на сложный, но прекрасный путь повышения индивидуальной ответственности каждого человека за свою жизнь и за жизнь всего человечества, всего мира, всей вселенной...

Я не успеваю осознать каждую мысль по отдельности... Я только слышу звучание мощного оркестра, состоящего из миллионов музыкальных инструментов...

Музыка еще не звучит...

Оркестр еще только настраивается...

Дирижер еще не взмахнул своей дирижерской палочкой...

Звуки-мысли все еще создают хаос вместо музыки...

И вместе с этим уже понятно **какая** это будет Музыка...

Когда уйдут прочь все сомнения, а отчаяние превратится в мужественную стойкость...

Когда равнодушие начнет бродить, как молодое вино, на дрожжах высокой взволнованности чувств, а эгоизм из хаоса противоречий перерастет в высочайшую организованность действий и желаний всех людей...

Когда чувство бездомности вырастет в осознание того, что мы все – жители одного общего дома...

Когда всю свою энергию, все свое время человечество начнет посвящать увеличению осознания единства всего мира...

Тогда инструменты оркестра соединятся в единой гармонии...

И зазвучит Музыка Счастья всех людей!

Я уже предчувствую красоту и совершенство этой Музыки... Она вот-вот начнется...

Музыка единения людей начинает звучать...

Я уже слышу первые аккорды.

Они возвышенны и прекрасны...

И это только начало! Что же будет дальше!..

Я хочу услышать *Продолжение* Музыки Счастья...

Но...

Я – человек, и без того уже пребывающий во сне, – начинаю засыпать так глубоко, что сначала на короткие мгновения, а потом уже и на минуты... я перестаю осознавать свое отдельное существование.

Наверное, я уже просто не в силах больше удерживать воедино свое сознание, возжелавшее «объять необъятность» всей моей внутренней вселенной...

Мне так не хочется терять себя в этом прекрасном мире... Ведь в нем можно слышать *такую* Музыку... и так действительно помогать людям!

А для меня нет ничего более важного и желанного в моей жизни...

Меня *пьют* так *жадно*, *дышат* мною с таким *наслаждением* и впитывают мой *Свет* с такой благодарностью, что я растворяюсь во всех людях, населяющих мою внутреннюю вселенную, и процесс моего осознания самого себя начинает прерываться... таять... и... исчезать...

Я пытаюсь сбросить с себя онемение засыпающих чувств, чтобы не впасть в небытие наваливающегося на меня глубокого сна...

Я делаю резкое движение головой, машу руками...

И действительно просыпаюсь... возвращаясь в *реальность* мира земного.

Аккорды небесного оркестра какое-то время еще звучат во мне...

И вместе с этим... я чувствую, как гулко бьется мое сердце. Руки, ноги, живот и особенно середина груди потрясенно вибрируют, резонируя с разбегающимися во все стороны отголосками Музыки Счастья. Голова запрокинута назад. Спина изогнута. Руки тянутся вверх. Я ощущаю себя крутой аркой моста, перекинутого от одного берега кровати до другого.

Расслабляю спину, с великим наслаждением вытягиваю ноги, и... волшебное блаженство накрывает меня океанской волной неизъяснимо-прекрасного предвкушения *возвращения* в мою реальную *жизнь*.

...Мне надо открыть глаза, повернуться набок и, глядя в сторону окна, сфокусировать в своем взгляде вибрации *Музыки*, которую я только что слышал во сне...

Мой взгляд должен ясно дать понять ночному небу, что сегодня утро особенное – *волшебное, пророческое, переломное* – и поэтому ему, небу пора перестать сопротивляться и пролить, наконец, трепетную нежность новорожденной зари в мое окно.

Иссиня-черная темнота, заливающая стекла непроглядным антрацитом, светлеет и постепенно превращается в поток фиолетового света. Я должен еще несколько минут пристально смотреть в окно до тех пор, пока свет не станет лиловым, затем сиреневым и даже розовым.

Занимающаяся заря дает жизнь прозрачным лучам света. Невесомые, акварельные всполохи-зарницы стремительно разлетаются по стенам. На пол ложится широко раскрытый веер отраженного от стен света...

Когда взойдет Солнце, я вновь увижу Главное Сно-Видение моей жизни...

В этом мире я – счастливее многих!

Я умею работать с энергией Жизни. Я могу видеть, чувствовать, слышать и слушать тончайшие вибрации ауры человека!

Я могу влиять на ауру, насыщать ее силой, очищать и «продувать» ее энергетические каналы, ослаблять участки излишнего перенапряжения, исправлять в ауре ее временные, искусственно возникшие недостатки...

И... я могу... согревать ауру человека **дыханием** моих энергетических вибраций...

Это дарит мне счастливейшую возможность и в реальном мире приходить на помощь людям.

Теперь благодаря тому, что на рассвете я вижу вот такой волшебный Главный Сон моей жизни, я могу помочь людям скорее избавиться от болезней!

Я сейчас – и в реальном мире – умею излучать такую сильную энергию, что аура людей, обратившихся ко мне за энергетической помощью, легко **дышит...** с удовольствием **пьет** мои энергетические вибрации... и **просветляется**, вбирая в себя Свет высших энергий...

За многие годы моей практики биоэнергетического целителя, я хорошо научился передавать в ауру человека Свет Высшего Мира и **проводить** через мою седьмую чакру (потому что давно уже стал **Проводником** для духовных энергий) Луч Творения другим людям...

Всем, кто нуждается в моей энергетической помощи...

Я верю, что рано или поздно мы все так сильно **надышимся**, так хорошо сможем **напиться** этой энергией и достигнем такого **Просветления** в душе своей, что вспомним про то, что на самом деле все мы – **Люди, Умеющие Летать...**

И тогда сбудутся слова великого Тойнби...

«В вечной жизни благословенного счастья будут и любовь, и радость во всей их полноте, ибо люди освободятся от тревоги и страха».

Путеводная Звезда,

или

Маленькая симфония большого Открытия

Симфония – это музыкальная исповедь души.

П. Чайковский

Аура – это энергетическая исповедь здоровья.

К. Фридланд

Часть 1

Allegro vivace

*Первая часть симфонии – быстрая, активная.
Пишется в сонатной форме. Основной принцип
классического симфонизма: строить произведение
на основе тематического развития. После напряженной
главной партии побочная тема может звучать
светлее или драматичнее.*

Учебник музыки

Ветер вибраций беды и несчастья

Главная тема Первой части симфонии

*Низкий уровень организации энергии
характерен для большинства людей
и является причиной склонности
к депрессии, что можно считать
всеобщим свойством нашей культуры.*

Александр Лоуэн

Вот уже больше двух недель творится что-то необычное... Все, кто впервые обращаются ко мне с просьбой об энергетической помощи, страдают от одной и той же болезни – депрессии.

По-моему, сейчас у меня в работе все возможные виды человеческого уныния.

Выглядит это так, будто ко мне преднамеренно привели специально подобранную группу людей, собранных вместе с одной единственной целью: продемонстрировать разнообразие вариантов этой болезни... Вернее, проявлений триады ее главных, «прославленных» дурной славой, симптомов.

Внешнее безволие, замедленность движений и замедление темпа мышления.

Первым «парад депрессивников» открыл Тедди. Если бы он не сказал, что ему недавно исполнилось тридцати четыре года, я был бы уверен в том, что ему не больше двадцати двух. Тедди выглядел таким растерянным, неопытным и наивным, что ему никак нельзя было дать больше.

У Тедди всего одна жалоба: *нет сил*...

Нет у Тедди никаких физических и душевных сил ни на что! Ни на то, чтобы умыться или самому приготовить себе еду. Ни на то, чтобы позвонить друзьям или даже просто выйти из дома... Он никак не может хоть что-то начать делать, потому что все еще не знает ответа на простой вопрос о том, как ему лучше всего сейчас поступить: уехать в родной город, где живут его родители или остаться здесь? Такой вот загнанный в угол усталый зверь...

Тусклые вибрации ауры Тедди – его энергетического дома – создают «нежилое» впечатление. Так бывает, если в доме перегорели пробки и отключено электричество. Свет погас... Кажется, что навсегда... Вокруг темно, и все какое-то чужое, незнакомое, опасное... Жизнь обитателей дома проходит при слабом, будто больном, свете одной-единственной, одинокой свечи... Двигаться внутри такого дома надо с осторожностью, иначе в темноте можно наткнуться на острый угол или коленкой больно-пребольно удариться о стул, почему-то всегда оказывающийся не на своем обычном месте... и станет тебе так обидно... несправедливо и немилосердно... что поневоле заплачешь!

Когда я вижу такую ауру, мне хочется как можно скорее уговорить ее хозяина вновь зажечь в своем доме свет и огонь и согреть-осветить родные стены теплом возвращения души. Иначе дом вскоре начнет дряхлеть, разваливаться, осыпаться и перестанет оберегать хозяина от ветра, дождя и мороза. Жить в таком энергетическом доме неуютно, страшно и опасно. Как же, наверное, холодно и тоскливо живет Тедди внутри такой блёклой ауры...

Полная усталость души и тела. Настоящая, без подделки – *апатия*!

После того, как Тедди подробно рассказал мне обо всех несчастных обстоятельствах своей жизни, он показался мне просто рекордсменом среди неудачников. Позади у него два развода и недавнее увольнение с работы. Третье увольнение за последние полтора года. Впереди – тоскливая безнадежность и полное непонимание того, как и на что жить. И с кем?!

Вопреки тому, что нельзя было без сочувствия смотреть на безвольно опущенные вниз руки и плечи Тедди и на одежду, мятым мешком обвисшую на его исхудалом теле... мне, к месту или не к месту, вспомнился старый анекдот: «Один горемыка, которому никогда не везло в жизни, занял второе место на конкурсе неудачников. Спрашивается: почему второе место, а не первое? Потому что он был настолько неудачлив, что даже в таком соревновании ему опять не повезло»...

Смешно мне бывает очень редко. В моей работе обычно не до смеха. Пришлось сделать вид, что мне надо прочистить горло и, отвернувшись в сторону, дожидаться пока ко мне вернется подобающее случаю и месту серьезное выражение лица.

Что же касается самого Тедди... То он все время смотрел в пол. Он ничего не заметил.

У Тедди и на это не было сил...

Причины депрессивного состояния Тедди с одной стороны вызывали сочувствие, с другой – смешанное, сложное чувство невольного раздражения и досады. История «грехопадения» Тедди показалась мне нелепой, а его действия – несуразными и противоречивыми.

Пусть Тедди обманула жена – и даже не одна, а две... Пускай его уволили с работы – и тоже не один раз... С кем не бывает? Кого не обманывали? Кого не увольняли?.. Откуда у такого молодого, симпатичного, здорового мужчины в самом расцвете лет такая слабая воля к жизни и полная неспособность постоять за себя?

Сейчас Тедди живет в полном одиночестве. Родители и друзья далеко, потому что он переехал в наш город после последнего развода и предпоследнего увольнения. Никто из близких людей даже не догадывается о том, что с ним сейчас происходит. Тедди не хочет, чтобы кто-то узнал и захотел помочь, посочувствовать... У Тедди *нет сил* на то, чтобы кого-то видеть и с кем-то общаться.

Полгода назад Тедди прошел интервью по Интернету, был принят на работу и на последние деньги приехал сюда. Теперь от родного города его отделяют несколько тысяч километров. Цель была одна: оказаться подальше от тех мест, где бывшая жена (по его словам оказавшаяся сущей ведьмой) могла бы встретить и опозорить прилюдно, устроив громкий скандал: «Неудачник! Ты никому не нужен! Слизняк! Не смог содержать ни меня, ни себя... Слабак! Растяпа!» – это самое мягкое из всего того, что она обычно говорит. На самом деле скандалить она умеет и говорит намного жестче и обиднее.

Поработал Тедди всего шесть месяцев. Испытательный срок закончился, и его уволили. Хотя работал он хорошо. Старался...

Не понравился!

...Да и как ***такой*** может кому-то понравиться?

Несмотря на то, что внешне Тедди выглядит очень хорошо – высок, строен, открытое, приятное лицо, большие карие глаза, пышная копна русых волос, красиво падающих на плечи... Глаза его смотрят на мир с таким безнадежным отчаянием, что сразу кажется, будто в жизни этого человека совсем недавно произошла какая-то страшная трагедия. В тяжелом, застывшем взгляде Тедди невольно читаются ужасные мысли, тайные желания человека, способного на отчаянные поступки, словно стоящего в одном шаге от края бездны.

По мнению Тедди в мире, в котором живут такие ужасные ***женщины*** и такие отвратительные и несправедливые ***начальники***, нельзя радоваться жизни. В этом мире можно только пребывать в печали и думать только о том, что жизнь – это сплошные страдания и муки для тела и души...

Тедди не властен над самим собой. О чем бы Тедди ни говорил, о чем бы ни рассказывал... он буквально физически ощутимо распространяет вокруг себя волны смертельной ***тоски*** немислимой густоты и мрачности.

Как жить? Во что верить? Тедди весь «пропах» разочарованием в людях и потерей веры в себя. От него во все стороны веет ***ветер вибраций беды и несчастья...***

Любой здравомыслящий руководитель как можно скорее захочет избавиться от обладателя таких инфекционно-опасных глаз... Иначе, производительность труда упадет, подчиненные начнут часто отпрашиваться с работы и долго болеть...

Лицо у Тедди бледное, нездорового землистого цвета. В ауре его много серого цвета. Вместо сине-зеленых волн света на груди Тедди возлежит свинцовое облако из неподвижных вибраций тоски и печали. Свинец вибраций проник уже в самое тело Тедди, сковал его грудь холодным панцирем полной потери уверенности в себе. Совсем близко, у самых глаз Тедди виднеется какое-то расплывчатое темное энергообразование. Кажется будто...

Кажется, будто чьей-то недоброй рукой на лицо Тедди небрежно наброшен грязный, весь в неровных дырках, серо-коричневый... энергетический носовой платок.

Нельзя... Не положено в тридцать четыре года жить в такой безнадежности и всерьез думать только о том, «как несправедливы к нему люди». Даже если уже два раза разводился. Даже если сильно «не везет» с начальниками. На самом деле все это означает только то, что, не взирая на возраст – все-таки уже не мальчик – Тедди просто не умеет делать правильный выбор... Жалко его... И уже совсем не до смеха.

Буду стараться работать с ним как можно лучше и помогу всем, чем могу... А могу я сегодня уже очень много!

В середине нашей второй встречи Тедди с нескрываемым удивлением спросил:

– А куда вы дели мою вечную тоску? Она у меня всегда жила здесь. – Тедди показал на середину груди, недоверчиво ощупал себя руками и с искренним удивлением продолжил, – тут, будто что-то... развязалось и отпустило... Мне уже почти год было трудно говорить! У меня все время сбивалось дыхание. Я даже стал бояться общаться с людьми... Я произносил слова так медленно, будто недавно научился говорить. Пытался говорить быстрее, а получалось так, что спазм в груди становился еще более сильным. Я должен был делать паузы в разговоре, чтобы не задохнуться из-за приступа внезапного удушья...

А сейчас я ничего этого не чувствую. Нет... Я чувствую! Я чувствую свободу и какой-то теплый... и в то же время «солнечный» воздух внутри... Вы слышите? Я действительно говорю сейчас нормально... то есть быстро? Или мне это только кажется?

...Я был очень доволен. Как можно было не почувствовать удовлетворения, получив такой эффектный результат!

Убрать серый, на ощупь жесткий и шершавый, как наждачная бумага, энергетический «панцирь» с груди Тедди было совсем не так легко. Панцирь буквально врос в кожу и был таким плотным и электрически «кусачим», что у меня даже пальцы заломило, пока я «отдираю» его широкие энергетические пластины с давно насиженного места.

Раньше у меня на такую работу ушла бы не одна неделя. Сегодня у меня хватает сил убрать энергетические оковы депрессии с груди человека за два раза.

Хорошо быть сильным и опытным! Ох, как хорошо!..

Обычно у мужчин чувствительность к ускоренному движению дополнительно уплотненной мною биоэнергии ниже, чем у женщин. Тедди оказался исключением из общего правила. Он чувствовал биоэнергию даже лучше многих самых чувствительных женщин.

Он не просто сообщал о том, что чувствует, как постепенно согревается его грудь, понемногу тяжелеют руки и голова. Он создавал целые драматические истории о том, что «вот сейчас в груди справа появилось «пятно» тяжести с рваными краями, и оно... ползет влево, так медленно... как высоко-высоко в небе движется большое облако в солнечный летний день. И, несмотря на то, что внизу веет очень сильный ветер, наверху – в небе – облако продвигается с большим трудом, потому что уж очень оно большое и тяжелое»...

Еще Тедди мог рассказать о своих ощущениях и вот таким образом:

– Ноги сейчас покалывает, будто иголочками, только сегодня иголки не железные, как это было в прошлый раз, а сосновые... Это намного приятнее, потому что хвойные иголки слегка прогибаются и не больно колот кожу...

Иногда в самый неожиданный момент сеанса Тедди вдруг мог выдать вот такое поэтическое сравнение:

– Я чувствую, будто кто-то надел мне на руки колючие вязаные перчатки, только не из грубой дешевой шерсти, а из очень мягкой и дорогой... От таких перчаток пользы больше и тепло у них – мягкое и пушистое...

– Тедди, как ты себе это представляешь? – улыбаясь, спросил я, – «пушистое» тепло... это как?

– У меня когда-то очень давно была кошка. Ее звали Абигайл. Я ее очень любил и проспал с ней в одной кровати все мое детство. Так вот, у нее было очень «пушистое тепло». Неужели непонятно, что это такое? – искренне удивлялся Тедди и сразу же, сообразуясь с логикой рассуждений, известной только ему одному, добавлял: – Мою первую жену тоже звали Абигайл. Наверное, я и женился на ней из-за этого имени. Мне показалось тогда, что оттого, что ее зовут Абигайл, мне с ней будет также хорошо, как в детстве. Я ошибся. Моя первая жена не была теплой и пушистой... Мне с ней было холодно и жестко... Она была всегда чем-то недовольна. Когда я обнимал ее, мне казалось, что я прикасаюсь к черепахе... Абигайл-человек оказалась совсем не такой, как Абигайл-кошка. Обниматься с кошкой было намного приятнее...

Услышав такое, даже самый серьезный человек в мире вряд ли удержался бы от улыбки.

...Несмотря на то, что во время встреч со мной Тедди чувствовал влияние биоэнергии ярко и точно, он по-прежнему оставался настолько апатичным, что никак не мог понять, чего именно от него хочет добиться его собственная Интуиция. Ответная динамика движений-реакций его рук и ног, да и всего тела на биоэнергию, которую я ему посылал, была такая слабая, что приходилось каждый раз откладывать до лучших времен перевод Тедди на режим самостоятельной работы.

Пока все, что мне удалось сделать в ауре Тедди, я сделал сам, почти без его участия. Моей энергии оказалось вполне достаточно для того, чтобы добиться заметного улучшения состояния... Однако мне хорошо известно, что процесс выздоровления происходит намного лучше и быстрее, если человек сам принимает в нем активное участие.

Из моего многолетнего опыта следует, что вот таких излишне «пассивных» людей надо как можно дольше «держат» в энергетическом облаке, насыщенном сильными и высокоорганизованными световыми вибрациями. (Как

семена растений в питательном растворе.) Тогда природные силы, временно подавленные депрессией, оживут и смогут восстановить активность и волю к жизни.

Тедди чувствовал себя намного лучше. И физически, и душевно. Замедленность речи стала почти незаметной. Он даже смог выдержать несколько встреч с потенциальными работодателями. На работу Тедди еще не взяли, но говорили с ним уважительно, что, конечно же, подняло ему настроение, но не смогло окончательно избавить от депрессии.

Густое, энергетически сильное «питательное» облако в ауре Тедди мне удалось создать легко... вот только никак не получалось добиться стабильности и прочности созданной мною «новой» ауры Тедди. Он очень быстро тратил полученную от меня энергию на борьбу со всеми своими печальными мыслями и чувством острого разочарования в жизни.

От одной нашей встречи до другой мне приходилось возвращать чакрам Тедди способность держать «нормальные обороты», и я должен был постоянно поднимать напряжение в его энергетических каналах...

Я знал, что это только середина пути. Вот когда Тедди сможет сам наполнять свои чакры и каналы, тогда можно будет заканчивать наши встречи. Еще я надеялся на то, что как только Тедди устроится на работу, он окончательно выздоровеет...

Все шло по обычному в таких случаях плану. Вот только почему-то мне почти ничего не удавалось сделать с энергетическим «носовым платком» на лице Тедди.

Платок уменьшился. Стал тоньше. Чуть отодвинулся от краев, открыв по половине щеки с каждой стороны лица Тедди... но по-прежнему скрывал под собою его лоб, глаза, нос и рот.

Что же это за платок такой?

Надо, надо будет во всем разобраться! Разобраться детально, чтобы лучше понять суть дела...

Западня. Усталый взгляд неведомого зверя

Побочная тема Первой части симфонии

*Горе налегает сильнее,
если заметит, что ему поддаются.*

Шекспир

Вечером того же дня, когда пришел Тедди, «серебряный призер конкурса неудачников», появилась еще одна носительница острой инфекционной заразы под названием «депрессия».

...Это была не просто просьба о помощи, а неподдельно-искренний отчаянный крик, со слезами, с трагическими заламываниями рук, закатыванием глаз к небу и жалобами на то, что «**так** жить невозможно и лучше умереть, чем так мучиться»... Это была уже не просто депрессия, а что-то запредельное, граничащее с серьезной психической патологией.

Такое отчаяние я уже видел, и не один раз... И все же этот случай был особенным. Причиной возникновения депрессии для Саманты послужило не горе, а... счастье.

Саманта старше рекордсмена-неудачника Тедди... Лет ей тридцать восемь, но замуж она вышла в первый раз и всего только десять месяцев назад.

Наконец-то, когда она уже отчаялась ждать и надеяться, свершилось чудо: ее встретил и полюбил самый прекрасный мужчина на свете. Моложе ее на три года. Добрый, заботливый.

Саманта так долго ждала своего суженого... Казалось бы, ей надо жить да радоваться...

А на деле? На деле, начиная с середины медового месяца, Саманта вместо пребывания в безмятежном счастье столкнулась с чередой ужасных мучений.

Любая головная боль или спазм в животе вырастают до размера всемирной катастрофы. Саманта чувствует себя настолько больной, что не может ходить. Саманта бледнеет. Глаза ее начинают плохо видеть, а ноги становятся ватными, негнущимися и «пустыми». В груди – жар, на лбу – холодный пот. И при этом голова так сильно кружится, что Саманте кажется, будто она стоит наверху высокой шаткой лестницы, вот-вот потеряет сознание и упадет вниз...

Саманте постоянно чудится, что с ней или с мужем произошло что-то нехорошее или очень опасное, трагическое, чего никто не заметил! Или вот прямо сейчас происходит!! Или вот-вот может случиться!!!

Если муж задержался на час или у него поднялась температура, то для Саманты это означает, что все самое худшее уже произошло, и скоро наступит конец света!

Необъяснимые приступы смертельного страха по поводу собственного здоровья и благополучия мужа просто преследуют Саманту. Сначала редко, а в последнее время уже почти каждый божий день. И кажется, что нет от этих приступов панической атаки никакого спасения.

Приступы такие сильные и продолжительные, ощущение мистически-необъяснимой опасности такое реальное, а мнимая боль чувствуется так остро, что почти каждый раз все заканчивается поездкой в госпиталь и долгим сидением в приемном покое...

Там, в конце концов, выясняется, что ничего серьезного нет. Есть только неустойчивая нервная система. А с этим надо обращаться уже не в госпиталь, а к психологу или еще лучше к психиатру. Саманта обращалась... И не один раз.

Послушно принимала назначенные доктором таблетки, ходила на всяческие курсы медитации, релаксации, рейки, йоги, была на сеансах акупунктуры... Все было бы очень хорошо, вот только... Вот только панические атаки никак не проходят, хотя нет никаких видимых причин для такого смертельного страха за свою жизнь и за жизнь мужа...

У молодоженов замечательное здоровье. Все тесты говорят только об их молодости и силе. Молодой муж – просто ангел. Все терпит, жалеет и любит ее даже еще больше.

Саманта все понимает... Понимает, как обманчивы и как некстати ее страхи... И ничего с собой сделать не может. Портит жизнь себе и мужу.

Ко всему прочему растет уверенность в том, что муж обязательно и *очень скоро* ее бросит... Никакими реальными фактами это не подтверждается, а убежденность в скорой трагедии от этого только растет.

Логика рассуждений проста: кому она нужна... *такая*? И кто может долго выдержать такую... *истерическую* жизнь?! Время идет, и из-за такой абсурдной «логики» приступы необъяснимой паники происходят все чаще и поражают сильнее.

...И опять та же самая картина ауры в серых и коричневых тонах...

С той лишь разницей, что серой «краской», будто упавшей на сердце бедой, залита не только грудь Саманты, но и на ее левом бедре и нижней части живота растеклось большое кофейно-горькое пятно чего-то мутного, жидкого и клейкого.

Лицо Саманты скрыто под темным вибрационным покрывалом, похожим на паранджу из суровой, грубой ткани, «сделанным» из того же самого энергетического состава, что и рваный «носовой платок» на лице Тедди. Светло-зеленые глаза Саманты тускло просвечивают сквозь вибрационную ткань и смотрят на мир темным и *усталым* взглядом неведомого зверя, попавшего в западню.

Каким образом возникло ощущение западни у счастливой невесты? Откуда взялась «паранджа»? Саманта живет в такой стране и в такое время, что не то что энергетической, но и никакой другой паранджи уже не может быть ни у одной женщины. Феминизм у нас победил уже давно, задолго до появления Саманты на свет, и все давным-давно знают, что женские права отвоеваны раз и навсегда!

Что же это такое? Никогда ничего подобного раньше не видел.. Или я раньше *еще* не мог такое видеть? И вот сейчас пришло время... узнать и понять что-то новое и никому неизвестное? Может быть – это еще одно «белое пятно» на карте энергетического устройства организма человека? Посмотрим. Поработаем еще. Рано или поздно практическая работа лучше любых рассуждений и догадок все расставит по местам...

Из всей группы моих «депрессивников» именно у «горе-новобранной» я добился самого эффективного положительного результата. После первой встречи со мной у Саманты приступы прекратились, будто их волной смыло. Я даже успел попрощаться с Самантой, со взаимным удовольствием расставаясь с ней после второй контрольной встречи.

Но недолго наше счастье длилось... Прошло всего несколько дней, и маме Саманты пришлось сделать срочную операцию по удалению камня в желчном пузыре. Саманта не находила себе места от волнения, и так сильно тревожилась, что у нее в тот же день возобновились приступы панической атаки. И она вновь пришла ко мне.

Правда, теперь болезнь проявляет себя уже не так агрессивно, как раньше... но, к сожалению, добиться подобного молниеносного положительного эффекта мне уже не удастся.

Применяю то же самое хорошо испытанное средство: держу ауру Саманты в «питательном растворе» сильных энергетических вибраций. Состояние, пусть и медленно, но улучшается...

И только отвратительная энергетическая «паранджа» все еще неотступно скрывает под собой лицо Саманты.

Усиленные вибрации энергии на нее почти не действуют. Может, только грубая энергетическая «ткань», из которой сделана коричневая «паранджа», стала чуть более мягкой и прозрачной. Что это? Что это такое? Почему я этого не знаю? Надо, надо будет во всем разобраться! Разобраться детально, чтобы лучше понять суть дела...

Часть 2

Andante cantabile

Вторая часть симфонии – медленная.

Обычно задумчивая, элегическая или пасторальная.

Бывают вторые части и скорбные,

сосредоточенные, глубокие.

Учебник музыки

Взгляд сияющих глаз – чистых, как совесть ребенка

Главная тема Второй части симфонии

Вызов, оставшийся без ответа,
возникает вновь и вновь...
Арнольд Джозеф Гойнби

Из всех новых подопечных, пришедших ко мне в течение последних двух недель, только одна совсем еще молодая женщина двадцати девяти лет пришла с жалобами не на депрессию, а на сильные боли в шее, правой руке и правом плече...

Я сразу же проникся к ней особой симпатией... Ничего не могу с собой поделать, мне всегда так приятно смотреть на милое лицо молодой девушки! А если в придачу природа создала и ладную, точеную фигурку и очаровательные ямочки на щечках! Какое сердце взрослого мужчины может устоять и не растаять под *взглядом больших и сияющих голубых глаз, чистых, как совесть ребенка*, и будто вобравших в себя весь свет весеннего солнечного утра...

И имя – Эмили – у нее такое же хорошее и милое, как и она сама.

Я люблю такие благозвучные, как перебор струн арфы, имена. Энергия для работы с людьми, которых зовут так приятно и ласково, тоже приходит – *добрая и нежная*. С такими людьми приятно работать.

Эмили уверяет, что если бы не боль, она бы всегда была в прекрасном расположении духа. До такой степени у нее все замечательно в жизни.

И потрясающий муж, и удачные, очаровательные дети... И интересная работа, на которую она устроилась всего год назад, сразу же после окончания университета. (Муж помогал во всем и поэтому, несмотря на двух маленьких детей, Эмили училась без особых проблем.) И даже новый дом, в который ее семья переехала четыре месяца назад – это, конечно же, дом ее мечты, и лучше его нет ничего на свете... Вот разве что муж намного старше ее...

Хотя, Эмили это очень нравится. Она с ранней юности и до сегодняшнего дня предпочитает общаться не со своими сверстниками, а со взрослыми мужчинами.

В истории болезни Эмили – все не так просто. Все надо будет тщательно исследовать и понять. Внешнее благополучие – не всегда подразумевает автоматическое наличие счастья.

...Я ей не верю. У меня для этого есть серьезные основания. Дело в том, что я – специалист «по энергиям», и поэтому у меня свои дополнительные методы определения депрессии.

Первый, чисто *биоэнергетический* признак этой болезни – это уменьшение общего объема ауры, и, как следствие, тотальное снижение уровня напряжения энергии Жизни.

Обычно у здорового человека, живущего без уныния, размер ауры – не меньше трех-пяти метров (желательно – еще больше). И если энергии так мало, что аура едва достигает полутора или даже меньше метра, то я знаю, что это очень плохо, и беда уже ждет у порога.

Напряжение вибраций я определяю по тому, как энергию ауры ощущают энергетические лучи, исходящие из моей руки или из моей седьмой чакры.

Сильное здоровое напряжение в ауре создает вокруг тела человека такое насыщенное вибрациями и *плотное* на ощупь энергетическое облако, что оно *бодро* «отталкивает» мою руку при первом же прикосновении... Именно «бодро», потому что аура «не спит» и находится в энергичном, напряженно-заряженном состоянии.

У оптимистично настроенного, не подверженного унынию человека, чакры ощущаются, как до отказа надутые воздушные шары, а каналы оказывают «веселое» и очень приятное «на ощупь» сопротивление, прежде чем позволяют моим энергетическим лучам войти и обследовать их «русло».

Если же аура вялая и энергетический «воздух» ее разрежен, то моя рука «докладывает» о характерном «сыром» ощущении прикосновения к апатичной и полусонной... рыбе, давно выгащенной из воды. Жизненный тонус у обладателя такой ауры понижен настолько, что энергетические каналы ощущаются как тоненькие струйки воды,

текущие засушливым летом по дну некогда полноводной реки. Вывод – предельно прост: это депрессия. И с этим не шутят. С депрессией шутки плохи...

Второй биоэнергетический симптом депрессии – замедление движения энергии в ауре человека.

Биоэнергия движется по всем направлениям. Вверх и вниз, влево и вправо, вглубь и наружу... И по поверхности тела, и внутри, и вокруг него.

Есть в этом движении свой строгий и разумный порядок. И если он нарушается, а энергия движется слишком медленно, значит, человек находится в состоянии депрессии. У меня есть твердое убеждение в том, что все другие симптомы – вторичны. Они и появляются в результате первоначального снижения скорости движения энергии.

Организм пытается принимать срочные меры. Однако удержать скорость энергии на должном уровне без помощи внешнего мира ему уже не удастся. Все жизненные процессы, в том числе и перегонка крови по сосудам начинают происходить в авральном режиме.

А где аврал – там и неизбежные ошибки.

Когда надо краснеть от удовольствия, люди бледнеют, когда надо смеяться – плачут, когда надо действовать – сидят, сложа руки, и... совершают множество других, самых разных глупостей... А где глупость – там и проигрыш, где неудача – там и депрессия.

Круг замыкается... И все повторяется сначала – еще и еще раз – пока движение энергии в энергосистеме человека не замедляется настолько, что уже нет сил даже на саму жизнь...

Депрессия, впервые возникшая как случайный эпизод, усиливается и углубляется, если вовремя не принять срочные меры по возвращению энергии ее природной, нормальной скорости.

Третий энергетический симптом депрессии – низкий уровень организации энергии.

Что означает «высокий» и чем характерен «низкий» уровень организации энергии?

Древняя мудрость гласит: «Если не я для себя, то кто для меня?» Если каждый день человека начинается с желания именно сегодня найти правильный ответ на этот вопрос – то у него никогда не будет никаких претензий к миру. Вместе с тем лишь немногие знают о том, что это только начало и у этих мудрых слов есть продолжение: «**Если я только для себя, то кто я? Если не теперь, то когда?**» Хорошо, если человек вовремя понимает это и, взяв уроки у самой жизни, учится заряжаться «сам от себя» и от совершаемых им добрых дел.

Хорошо, если человек умеет подниматься над суетой обычной жизни и переключать подзарядку своих чувств, эмоций и желаний на энерго-обмен в мире высоких идей, благородных поступков и творческого мышления...

Вот оно – самое точное из всех возможных определений «высоты» и «низменности» наших целей и желаний и уровня организации нашей энергетической системы.

Не надо разделять эти два вопроса между собой. Надо всю жизнь помнить школьную формулу: «теза + антитеза = синтез».

На словах это понятно каждому из нас, а вот на деле... На деле – «эпидемия» депрессии уже давно и, видимо, надолго вышла на первое место в мире по количеству **зараженных** ею людей.

Время, отпущенное человеку для жизни на Земле, должно быть заполнено тем, что каждый день мы обязаны уточнять, корректировать и даже менять свои устаревшие жизненные ориентиры и цели. Если же научиться этому не удастся, то отжившие свой век стереотипы, ошибочные убеждения и устаревшие верования неминуемо приведут человека к депрессии.

Четвертый энергетический симптом депрессии – это серый или коричневый цвет в ауре человека (коричневый цвет еще хуже и опаснее серого). По качеству и интенсивности серых и коричневых вибраций – я могу судить о степени поражения не только самой ауры, но и о том насколько сильно свобода воли человека подавлена этой самой распространенной в мире болезнью.

Можно страдать от каких угодно несчастий, даже от самых трагических, но при этом не иметь в ауре никаких признаков энергетической «грязи» серого или коричневого цвета. Это происходит в том случае, если человек

несмотря ни на какие жизненные испытания сумел не потерять присутствия духа и, сохраняя оптимистический настрой, упрямо продолжает действовать и надеяться на лучшее. И, хотя такие люди встречаются довольно редко, все же они есть, и поэтому я твердо знаю, что неудачи, несчастья и болезни не обязательно сопровождаются депрессивными состояниями.

Когда же я вижу в ауре человека полосы или пятна тусклого светового слоя *энергетиче-ского серого пепла* или же коричневую вибрационную *жидкую грязь* на его чакрах... то даже яркая демонстрация хорошего настроения и жизнерадостные улыбки не могут ввести меня в заблуждение. Если в ауре присутствуют серый или коричневый цвета – значит, есть и депрессия... Скрытая или явная – не имеет значения. Главное – это то, что она есть.

И прежде всего с ней... с депрессией... мне и предстоит иметь дело.

Я знаю, что хроническое, затянувшееся надолго состояние уныния – это очень опасная болезнь, потому что у человека, попавшего в плен меланхолии и печали, постепенно... медленно и мучительно... *сгорают* его желания, эмоции и даже чувства.

Они горят в огне разочарований человека. Человеку, как воздух, необходима положительная оценка его труда и способностей. Человек всегда, тайно или явно, хочет добиться признания. И если оно не приходит, часто чувствует глубокое разочарование, лишаящее его жизнь смысла. Да что там говорить о признании...

Человеку иногда просто необходимо знать, что его хотя бы *заметили*...

В жизни каждого человека, к сожалению, есть слишком много причин для возникновения депрессии. Люди вокруг нас часто слишком ревнивы к чужому успеху, а порой и преступно равнодушны ко всему, что *не* касается их собственной судьбы.

Двадцать первый век. Темп жизни ускорился... И наше медленно просыпающееся, все еще неуклюжее *добро* просто не поспевает помешать ловкому и везде поспевающему злу делать свое черное дело.

У страдающего от депрессии человека «серый пепел» выгоревших дотла эмоций и «коричневая ржавчина» подавленных желаний портят здоровые световые вибрации практически во всех энергетических формах жизни ауры.

Серость и «коричневость», которые на самом деле являются обыкновенными заторами или провалами на путях-дорогах энергии, угнетают ауру и становятся доминирующим цветом не только для энергии в чакрах, но даже и для *мыслей* человека.

У человека, болеющего депрессией, размышления о своей жизни всегда некрасивы и тоскливы... Мысли его тоже больны и от этого становятся все более невнятными, тягуче-безнадежными, нелогичными, несвязными и пустыми... Слушать речи и жалобы депрессивного человека – сплошное наказание. Потому что он и живет – *серо-коричнево*...

Когда же «грязные» депрессивные вибрации добираются до жизненно-важных органов человека, тогда уже совсем недалеко и до очень серьезных болезней.

...Мне всегда очень тревожно за такого человека.

У него еще ничего не болит... Он еще ничего не знает о том, какие опасности подстерегают его на дороге жизни, по которой он... *не идет*... Нет!

Человек *бредет* по дороге своей жизни, спотыкаясь на каждом ухабе, шаркая ногами и безвольно опустив голову и руки... Он не может или, вернее, *не хочет* видеть светлый мир вокруг него. Ему кажется... нет, он просто уверен в том, что его никто не любит! И этот мир только и знает, что без конца его обижает, оскорбляет и унижает!

...А в этом мире в это же самое время цветут цветы. Люди влюбляются друг в друга. Растут и смеются дети... И все живое радуется... именно потому, что оно – живое и *имеет право* чувствовать красоту жизни и получать удовольствие от каждого нового солнечного дня. Все от рождения имеют способность видеть яркие краски жизни. Человек, заболевший депрессией, теряет этот самый важный для него талант. Он уже ничего не видит дальше собственного носа и чувствует себя самым несчастным человеком на свете. Все его чувства сплавлены в единый ком болезненного ощущения невозможности выхода из тупика, в который его загнала жизнь. Хотя доподлинно и уже

очень давно известно, что в жизни человека, пока он жив, нет тупиков – есть только препятствия на дороге, которые всегда и для всех **преодолимы!**

В иллюзорную «жизнь в тупике» мы приводим себя сами...

И пока все это не осознается человеком, заболевшим депрессией, болезнь будет энергетическим паразитом жить в его теле и душе.

...Вот и в случае этой молодой женщины, с милым и ласковым именем – Эмили – есть все основания предполагать, что она больна депрессией, которая **пока** скрыта даже от нее самой.

По крайней мере, два из четырех энергетических симптомов депрессии я уже определил при первом же взгляде на ауру Эмили. Первый симптом – это замедление движения энергии. Второй – в ауре Эмили я вижу много серых и коричневых вибраций.

Что же касается болей в шее, правой руке и правом плече – так это все происходит из-за долговременного энергетического застоя и, как следствие, мышечного спазма в шейных позвонках. И это – логический результат **замедления движения энергии**, энергетической причины возникновения депрессии.

Боль в шее, правой руке и правом плече – это только «первая ласточка» беды. Это «лихо» может и «не сделать погоду», но предвещать суровую зиму – вполне способно.

Аура Эмили не горит и не светится. Цвета ее, в общем-то, еще довольно большой ауры выглядят такими же блеклыми, как и у всех остальных людей, пришедших ко мне в течение этих двух последних недель. Различается только расположение мест поражения этой серо-коричневой энергетической плесенью. У Эмили – это грязное безобразие выбрало своим главным плацдармом – шею, правое легкое, правую лопатку и правую грудь.

Никакой болезни еще нет. Ничего пока еще не болит... И лишь **пока, временно** у Эмили болит только шея, правая рука и правое плечо! Но если депрессию не остановить, то не за горами и всяческие воспаления легких, бронхиты и в груди может возникнуть... Стоп! Не хочу даже думать о том, что иногда может появиться в правой груди женщины, у которой есть такое нехорошее энергетическое пятно, жидкой глиной растекающееся по правой стороне тела...

Внешний, защитный слой ауры Эмили – рыхлый, ноздреватый и тоже серый с коричнево-чумазыми лакунами-пустотами. На седьмой чакре возлегает «шапка» серого «вулканического пепла». На груди – толстый слой глянцевого, отвратительного шоколадного энергетического «масла». И глаза Эмили...

Глаза ее будто стыдливо прикрыты энергетической «вуалью», сплетенной из тонких серых линий не толще человеческого волоса.

На самом деле – это так выглядят сложные переплетения искаженных или испорченных депрессией силовых линий в ауре Эмили.

Это энергетическое образование стало так разительно похоже на вуаль потому, что оно, в довершение выразительности общей картины, «украшено» убого-кокетливыми мушками-дырочками, то есть вибрационными коричневыми провалами. Таким образом депрессия проявляет свой обычный омерзительно пошлый вкус...

«Вуаль» покрывает собой всю верхнюю половину лица Эмили. И так странно смотреть на нежную ямочку на ее подбородке, и, одновременно с этим видеть, как неровная энергетическая завеса искажает и даже уродует милые черты.

...Уже через неделю шея Эмили начала освобождаться от энергетического и мышечного спазма. Боли уменьшились, стали более «человеческими» и терпимыми. Эмили уже может заниматься дома Интуитивной Активной Медитацией и самостоятельно добиваться облегчения своего состояния. Правая рука у Эмили все еще болит... и довольно сильно, но боль уже начала, пусть и ненадолго, но все же исчезать совсем.

Коричневая глина энергетического пятна на правой груди «подсохла», посветлела, покрылась трещинами и стала обваливаться кусками, как самая настоящая глина.

Это, конечно же, хороший результат, но я уверен в том, что если бы не депрессия, то все боли Эмили уже давно бы окончательно прошли. Да и как... и куда может уйти боль, если и я еще не могу во всем разобраться, и сама Эмили до сих пор не осознает, что у нее – депрессия?

Обычно боли в правой руке у женщины всегда указывают на тайные или явные проблемы в отношениях с близким мужчиной.

Обида на отца или мужа. Ссора с братом, дядей или любовником. Плохие отношения с отцом мужа... Или же, хотя и реже, подобные проблемы могут возникнуть в сфере отношений с мужчиной, чье мнение имеет для женщины большую ценность. Этим мужчиной может оказаться начальник, учитель, коллега по работе, друг семьи, сосед...

Многим женщинам кажется, что недоброжелательные или конфликтные отношения с мужчиной всего лишь портят настроение... На самом деле, все не так просто. На энергетическом уровне невидимый миру негативный энергообмен с близким мужчиной, заканчивающийся большой потерей собственной энергии, сначала поражает реальной, физической болью правую руку или правую грудь женщины. И если конфликт становится затяжным, то со временем в этом месте может возникнуть очаг самых опасных болезней.

Что может для Эмили служить поводом возникновения негативных энергетических отношений с каким-то, пока неизвестным для меня, мужчиной? Не знаю... и не понимаю...

Я уже видел ее мужа. Замечательный человек, интересный и умный собеседник! И разница в возрасте у него с Эмили – не такая уж и большая. Всего четырнадцать лет... Вид у мужа Эмили цветущий, лицо – доброе. В такого действительно может влюбиться даже самая молодая девушка. И жить счастливо. Без всякой депрессии.

Неужели... опять очередной «скелет в шкафу»?

И что, в конце-то концов, означают эти отвратительные энергетические «тряпки», «паранджи» и «вуали» на лицах людей?

Надо, надо будет во всем разобраться! Разобраться детально, чтобы лучше понять суть дела...

God bless the Internet,
или Благодарность за то, что я дожил до этого дня
Побочная тема Второй части симфонии

Сильней страдают те, чье горе молчаливо.

Ж. Расин

После нескольких неудачных попыток встретиться... то я не мог, то у него не получалось... Вслед за долгим обменом электронными письмами наша встреча, наконец, состоялась.

Я увидел Кристофера и ужаснулся. Меня потрясла мертвенная бледность его лица и то, что глубоко запавшие глаза Кристофера, были такими темными и пустыми, что я не увидел в них отражения света. Лицо моего нового подопечного было похоже на не очень умело раскрашенную трагическую маску актера древнегреческой трагедии.

Глубокие морщины, узкими горными расщелинами спадающие с крупного носа, окружали его тонкие бесцветные губы, стягивали вниз, удлинняя, и без того узкое лицо, пересекали несколькими бороздами тяжелый крупный подбородок и были так резко очерчены, что скорее походили на шрамы, чем на обычные мимические складки на лице человека.

Густые, смоляные волосы были разделены ровно надвое седой прядью безжизненных, будто обесцвеченных каким-то ядовитым химическим веществом, пепельно-серых волос. Линия седины была такой широкой и прямой,

что казалась противоестественной (природа не любит прямые линии), и только подчеркивала повергающее в трепет впечатление, производимое лицом-маской Кристофера.

Аура так же, как и эта странная седая прядь, была будто запудрена мертвенно бледной, почти бесцветной пылью. Коричневые подтеки пересекали несоразмерно маленькую для взрослого человека, будто иссохшую территорию ауры во всех направлениях и придавали ей какой-то... облезлый и потертый вид. И вся аура, в общем, выглядела так, как смотрится очень старая, посеревшая на потертых углах и швах, сильно поношенная одежда.

Это было странно... Кристофер был еще молод – ему было не больше сорока пяти. Раньше я думал, что у мужчин в таком возрасте подобных морщин, такого чувства безнадежности во всем облике и настолько *обезжизненной* ауры просто не бывает...

Вернее, не должно быть. (На самом деле на свете – бывает все...)

Кристофер излишне часто и как-то по-особенному нервно прикасался рукой к своему лицу, приглаживал и без того прямые и гладкие волосы, покашливал, прикрывая рот то правой, то левой рукой и поминутно вытирал тыльной стороной ладони абсолютно сухие глаза, как будто ему казалось, что слезы текут из них рекой. Руки его при этом мелко-мелко дрожали. Кристофер явно волновался, хотя и пытался от меня это скрыть.

Аура Кристофера никак не реагировала на движения его рук. Обычно наполненные энергией движущиеся человеческие руки оставляют в ауре след, похожий на длинный белый хвост летящего сверхзвукового самолета, который прокладывает в небе путь там, где нет и не может быть никакого пути... В небе, куда ни полетишь, там и дорога...

Только у самолета этот след облачно-белый, а за двигающейся внутри ауры рукой прихотливо и причудливо стелется не только облачно-белый, но и светло-голубой, зеленый, сиреневый... полупрозрачный шлейф, похожий на туманную и радужную предрассветную дымку.

В ауре человека множество силовых линий. При любом движении руки они реагируют на ее перемещения, как впрочем и на движение любого сильного энергетического объекта. Силовые линии изменяют свой обычный рисунок и выстраиваются в цветной оттиск памяти о произошедшем нарушении покоя, напоминающий красивый хвост быстро летящей кометы... Довольно долго, около минуты, силовые линии хранят напоминание о движении руки... Хвост кометы-руки обычно очень медленно, с большим запозданием, тает в небесной атмосфере ауры человека...

Поэтому мы все не просто так «машем руками» при разговоре. Активная жестикуляция человека будто взбивает относительно статичный, лишь слегка клубящийся «белок» ауры и таким образом усиливает энергетическое насыщение произнесенных нами слов. (Если аура похожа на яйцо, то физическое тело – это «желток», а вибрационное, силовое поле вокруг него – это «белок».)

То ли потому, что руки Кристофера были будто бездыханными и не излучали энергию... то ли из-за того, что вибрации ауры были настроены на исполнение строгой «программы» тотального торможения какой бы то ни было реакции... руки Кристофера двигались будто бы в полной пустоте, а не внутри живой ауры.

Только вот в такой энергетической *пустоте* невозможно после себя оставить след...

Ледяная застылость вибраций ауры Кристофера привела меня в ужас не меньший, чем выражение его лица, но я все же смог взять себя в руки и ничем не выдать своих подлинных чувств. Я заставил себя вспомнить о том, что меня с Крисом разделяют многие десятки тысяч километров. Я решил схитрить сам с собой и предположил, что, быть может, это с экраном моего компьютера что-то не в порядке. Наверное, я вижу что-то совсем не то, что есть на самом деле... А что? Бывает... Какие-нибудь неполадки на линии или с самим сервером...

Легкая обманная игра с самим собой. Я знал, что это не так. Да и какие технические неполадки могут мне помешать увидеть ауру человека... Я все видел правильно. И энергетическая, и техническая связь в этот день были отличными!

Я действительно видел на мониторе необыкновенное человеческое лицо и из ряда вон выходящую картину почти полностью *обезжизненной* ауры очень несчастного мужчины. И никакие неполадки с экраном компьютера здесь были ни при чем.

Я подумал о том, что если бы не помощь Интернета, Кристофер, наверное, никогда не смог бы со мной встретиться. Глядя на его бледность, на которой не было и тени загара, а значит и солнца, можно с полной уверенностью предположить, что он уже давно не выходит из дома.

...Кристофер не мог прийти ко мне в офис не только потому, что ему очень плохо, и он не выходит из дома. Кристофер живет в Австралии. А это очень и очень далеко...

Кристофер не шел ко мне пешком, не ехал на машине, не летел на самолете. Криса я смог увидеть, потому что наша с ним встреча смогла состояться при помощи Интернета...

O, God! Bless the Internet!

O, Господи! Благослови Интернет!

...Более трех десятков лет прошло с тех пор, как я начал заниматься энергетической помощью людям, живущим в других городах и странах. Я работаю с ними на расстоянии точно так же успешно, как и с теми, кто живет со мной в одном городе и своими ногами приходит ко мне в офис. Для меня, как и для тех, кому я помогаю избавиться от проблем, не имеет значения то обстоятельство, что нас разделяют не два метра в моем кабинете, а тысячи километров земли, воды, гор, межгосударственных границ, степей и лесов...

Очень долго междугороднюю и международную связь мне мог обеспечить только телефон. И пока не появились аппараты с громкой связью, было очень неудобно работать.

Человек на другом конце провода сильно отвлекался, потому что должен был держать у своего уха телефонную трубку. Это сильно мешало.

Слышно было чаще всего не очень хорошо. Человек нервничал из-за того, что плохо разбирал слова и не понимал того, о чем я говорю. Ему было трудно сохранять состояние необходимой концентрации внимания на реакциях и ощущениях своего тела, потому что рука его уставала держать на весу тяжелую телефонную трубку. Приходилось каждые десять минут переключать ее из одной руки в другую. Стоило расслабиться чуть глубже – трубка падала. Человек открывал глаза. Особое состояние тактильного и визуального контакта с энергией, на которое уходило так много усилий, прерывалось. Надо было все начинать сначала.

Иногда внутри телефонной трубки будто кто-то жил. В ней что-то трещало, вздыхало, хрипело, «прочищало» голосовые связки-провода каким-то почти человеческим кряхтением, посапыванием или присвистом... Ко всему еще, связь часто разъединялась. Приходилось, чертыхаясь и проклиная все на свете, снова набирать номер. А что уж говорить о знаменитом «эхо-эффекте», когда я слышал в телефонной трубке свой многократно повторенный голос, перекрывающий не только реплики моего собеседника, но и то, что я говорил в данный момент... Ну, что сказать – намучился я со всем этим до такой степени, что даже несколько раз решал прекратить работу с людьми на расстоянии...

А дело-то было совсем не в нем, не в расстоянии... Независимо от количества километров, разделяющих меня и моего реципиента, посылаемая мной энергия воспринималась им абсолютно без всяких помех или ослаблений. Десять километров, сто, десять тысяч... Лондон, Париж, Москва, Стокгольм, Филадельфия, Майами, Сан-Франциско, Мадрид... Моя энергия ощущалась всеми одинаково хорошо, и реакции у людей были такими же сильными, как и при работе в моем кабинете. Более того, чем большим было расстояние между мной и тем, кто хотел получить от меня энергетическую помощь, тем порой ярче и очевиднее было положительное влияние. И не только влияние.

Результаты работы по телефону иногда были ошеломляющими... Я могу свободно видеть и ощущать ауру человека, находящегося за тысячи километров от меня. Любой человек независимо от расстояний может чувствовать излучение моей энергии и, восстановив свою ауру, вернуть себе здоровье. Так же легко он может получить навыки и

знания Интуитивной Активной Медитации и уже потом самостоятельно работать со своими чакрами и китайскими меридианами, наполнять сердце, печень, легкие, а также свою душу – энергией Жизни.

И никакие тысячи километров этому не помеха.

Вначале почти никто не верил, что это возможно. На первых порах я и сам не очень был убежден в этом... Но результат, как известно, говорит сам за себя. Именно хорошие результаты, раз за разом, доказывали многим людям (да и мне тоже), что это реально и... очень просто.

...Вот только телефонная трубка продолжала мешать. Тогда все еще очень мало было людей, у которых имелся телефон с громкой связью.

Я нашел выход из положения. Начал просить родственников мне ассистировать. Кто-то еще должен был находиться в одной комнате с человеком, с которым я собирался работать. Этот кто-то и должен был держать в своей руке телефонную трубку.

Ассистенты «по необходимости», чаще всего мать или отец, жена или муж, дочь или сын больного человека, слышали мой голос и вслух произносили все, что я говорил. Я же через них получал информацию о том, что чувствуют люди, которые без всяких помех воспринимали излучение вибраций энергии Жизни. Мне очень важно знать, что происходит с человеком, с которым я работаю. Это помогает мне правильнее оценивать эффективность предпринимаемых мною усилий.

С ассистентами тоже бывало по-всякому. Встречались такие непонятливые, не умеющие концентрировать свое внимание люди, что приходилось несколько раз говорить одно и то же.

Иногда они мешали больше, чем помогали.

Бывали и такие помощники, которые не могли просто так, без «отсебятины», без выкрутасов, повторить то, что я просил громко и четко передать тому, кто с закрытыми глазами сидел посередине комнаты на стуле и воспринимал приходившие к нему издалека энергетические волны.

Такие ассистенты все время пытались «улучшить» мою речь, сделать ее «понятнее». Конечно же, было забавно, когда я слышал их попытки переделать мои фразы. Если суть вопроса была передана правильно – это было только комично и не мешало работать.

Если же выходило так, что подобные горе-ассистенты чувствовали себя обязанными становиться моими «со-творцами» и искажали мои слова до неузнаваемости... то это было очень грустно, потому что мне приходилось тратить время и силы на борьбу с их никому не нужным, самодеятельным творчеством.

Людьми двигали только хорошие намерения. «Помогали» они с таким усердием, что часто я сам не узнавал ни одного слова из тех, что произнес минуту назад. Что уж было говорить о том, кому эти слова предназначалось услышать. Тот порой не понимал ничего!

Вместо того, чтобы этот человек получил возможность быть сосредоточенным только на самом себе... и с удовольствием, невзирая ни на какие расстояния, ни на что не отвлекаясь, мог купаться, плыть, подниматься и опускаться вверх и вниз в ускоренных восходящих или нисходящих вибрационных вихрях и потоках, которые я создавал внутри его ауры... Вместо этого нужно было переспрашивать, просить повторить задание или вопрос. Человек нервничал, отвлекался...

Я так и не смог прекратить работу на расстоянии. Невозможно было никому отказать. Потому что мне всегда звонили люди, получившие рекомендации от кого-то, кому я уже смог помочь. Или мои вчерашние «страдальцы» звонили сами и просили помочь родственнику, другу, соседу... говоря, хоть и разными словами, но всегда одинаково по смыслу о том, что «случай особенный и ваша энергетическая помощь, пусть даже на расстоянии – последняя надежда... Вы смогли месяц (полгода, три года, десять лет) назад так хорошо помочь мне (моей матери, мужу, подруге). Помогите же еще раз».

Аура предстает передо мной независимо от расстояний... Для того чтобы видеть в ауре более тонкие ее слои мне иногда необходимо включить **внутреннее** зрение. И поэтому я часто закрываю глаза. Так что, работа по телефону, несмотря на все досадные неполадки, меня лично вполне устраивала.

Телефон мешал не мне. Он мешал людям. Они хотели видеть глаза того, от кого надеялись получить помощь. Им было поначалу так непривычно, так непонятно, так не по себе... Да и мне тоже порой так хотелось увидеть выражение глаз того, с кем я работал...

Вот уже почти десять лет Интернет вместо телефона и лучше, чем телефон, связывает меня с людьми. Новые возможности, предоставляемые Интернетом, позволяют не только слышать того, с кем я работаю на расстоянии в сотни или тысячи километров... Сегодня я могу их всех слышать и видеть, и они тоже могут не только слышать, но и видеть меня. И не надо держать в руке никакой трубки...

Я понимаю почему связь по Интернету намного лучше телефонной. Известно, что вербальное общение содержит меньше информации, чем наблюдение за жестами, позой, мимикой лица и выражением глаз человека. Людям так важно видеть собеседника...

Вернемся же к встрече с Кристофером.

Он не мог прийти ко мне в офис. Потому что жил в Австралии.

Лицо мужчины, говорившего со мной так издалека, было таким устрашающе-измученным, что я невольно подумал, что Кристофер (или просто Крис, как он попросил себя называть) соединился со мной слишком поздно... Таковую грязную, «испачканную» ауру с тотальным преобладанием серо-коричневых цветов обычно можно видеть только у людей, болеющих очень опасными болезнями. Аура Криса будто замерла в стоп-кадре фильма ужасов про привидения и вампиров...

Я предположил, что у Криса что-то самое кошмарное в какой-нибудь четверто-десятой жутко-безнадежной степени... Оказалось, что нет.

Я вздохнул с облегчением, когда Крис коротко сообщил мне, что все, слава Богу, обследовано, протестировано и просвечено. И везде все чисто. Нет никаких оснований для серьезных опасений. У Криса – «всего лишь» сильные приступы необъяснимой, но от этого не менее мучительной боли в левой стороне верхней части живота. («Всего лишь» – потому, что все относительно в нашем мире!) У меня окончательно отлегло от сердца. Я понял, что серо-коричневые цвета в ауре говорят о том, что и у Кристофера, также как и у всех остальных моих «новобранцев» последних дней, «всего лишь» – **депрессия**.

Депрессия вездесуща... Для эпидемии этой «заразы» не существует границ и расстояний, от нее не спасают никакие карантинные и ограничения на ввоз и вывоз. В Австралии, в Африке, в Азии, в Европе, она распространена так же широко, как и в Америке.

По всей вероятности, для «парада депрессивников» не хватало еще одного, видимо, уникального примера. Я уже давно знаю, что для Высших Сил не составляет большого труда организовать мою встречу с необходимым для полного комплекта случаем. Пусть даже этот нужный мне «человек-пример» и живет в Австралии.

...Я думаю, что Высшие Силы именно для этого и позволили людям создать Интернет.

Кристофер не шел ко мне пешком, не ехал на машине, не летел на самолете. Криса я смог увидеть, потому что он встретился со мной при помощи Интернета...

Oh, God! Bless the Internet!

О, Господи! Благослови Интернет!

Крис попросил ни о чем его не спрашивать. Меня поразил его чрезвычайно низкий, хриплый голос. Он не мог сейчас говорить. Мешала сильная боль в боку. Крис просил только об одном – помочь ему избавиться от инквизиторской, неумолимо жестокой боли, уже успевшей сделать из него почти инвалида.

Кристофер уже несколько месяцев боится выйти из дома, потому что приступы боли непредсказуемы. Их появление не может предупредить прием даже самых сильных обезболивающих лекарств.

Когда приступ боли изнутри будто взрывает живот Криса, ему кажется, что сразу несколько позвонков сдвигаются с места и с размаху протыкают своими острыми, как нож, шипами-отростками его ребра, иной раз селезенку, а порой и то и другое вместе.

Это так больно, что Крис не всегда может удержаться от крика...

Крису становится легче, если он ложится набок, скрючивается в позу «эмбриона» и долго лежит так без движения, дожидаясь того момента, когда боль сама по себе начнет успокаиваться... Приступ иногда проходит через полтора или два часа, а иной раз и через все четыре или пять.

Не может же Кристофер лечь на асфальт на улице или на пол в офисе и валяться у всех на виду неизвестно сколько времени, если его прихватит очередной приступ боли.

Я не стал ни о чем расспрашивать. И так все было ясно. Боль Крис чувствовал в левой стороне живота, но я уже увидел, что энергетическое коричневое пятно очерчивает на его животе огромную кляксу, которая поднимается вверх и захватывает сердце, всю левую половину груди, четвертую чакру и даже часть левого плеча.

Я мысленно «засучил рукава» и приступил к делу.

О, какая была сложная и интересная работа в этот день!

Спустя несколько коротких минут после начала сеанса связи... Когда я только-только успел приступить к размыванию краев коричневого пятна на левой стороне тела Криса... Когда мой энергетический луч едва намечил процесс разделения на части опасной энергетической цельности энергетического спазма... Когда я, как замороженный, смотрел на то, как меньшая часть большого пятна медленно отходит, отступает вверх и, освобождая сердце, собирается у левой ключицы, а другая часть коричневой кляксы стекает вниз и превращается в круто изогнутую арку, повторяющую своим очертанием дугу диафрагмы... Когда я только успел подумать, что все это очень похоже на то, как в доисторические времена образовывались главные материки на карте Земли: Африка отъезжала от Европы вниз... Евразия растягивалась на многие тысячи километров вправо и влево, а Америка плыла влево на запад...

Тогда, в самом начале моей работы с ним... совершенно внезапно... без всякого предупреждения... вдруг... Криса атаковала такая по-диверсантски неожиданная боль в боку, что он, не успев даже ойкнуть, одним внезапным движением свалился со стула на пол.

Крис упал лицом вниз, сраженный подлым ударом боли... Так падает раненый зверь, на бегу подстреленный невидимым метким охотником.

На полу не было ковра, поэтому приземление сопровождалось таким резким звуком, будто упало не мягкое тело живого человека, а чьи-то сильные, безжалостные руки бросили в огонь большую связку сухих поленьев.

Я вздрогнул, вскочил со стула и стал смотреть на экран компьютера сверху вниз, будто мог увидеть то, что происходит с Крисом. Конечно же, я ничего не увидел... На экране моего монитора чуть колебалось изображение края стола и спинка пустого стула, стоящего в кабинете с множеством книг за стеклянными дверцами на полках у стены. Кадр, снятый стационарной камерой, подрагивал в одном ритме вместе со стоящим на столе компьютером.

Видимо, мое волнение и глупое вскакивание со стула было кем-то замечено... Изящная, узкая женская рука, с крупным резным серебряным браслетом на запястье... сначала закрыла собой весь экран... затем повернула веб-камеру так, что я смог увидеть Криса, скорчившегося на полу в позе «эмбриона».

Я не мог видеть женщину, присутствующую в комнате. Она находилась в зоне, недосягаемой для камеры. Безразличный к людским страданиям микрофон доносил до меня только звук ее дыхания. Оно было таким... взволнованным и сочувствующим, что сразу стало понятным, как она смертельно испугана, как ей страшно за своего мужа, и как сильно женщине хочется ему помочь...

Если только мое предположение верно, и Крис действительно – муж этой женщины... Я ведь ничего не успел узнать о Кристофере. Есть ли у него вообще жена и дети? Я этого еще не знаю. Просто не успел.

Все эти мысли появились на мгновение и быстро исчезли. У меня была совсем другая забота. Крису было очень, очень, очень больно! И он нуждался в *моей* срочной *помощи*...

Вдруг в моем кабинете стало очень жарко... Я просто физически почувствовал, как спустя несколько минут мои руки, мой лоб и макушка головы стали горячими. Мне даже показалось, что жарко не только мне, но и мой компьютер скоро перегреется... Шум его вентилятора, обычно еле слышный, усилился, и мой компьютер стал жужжать так, как будто в него вселился пчелиный рой. Видимо, поднялась температура или напряжение в проводах и у неведомого для меня сервера, соединяющего меня и Крису. (Или температура поднялась у чего-то такого технически-сложного, о чем я, как образцовый «чайник», не имею никакого понятия.) В динамики моего компьютера и в те динамики, что находились в комнате жителя Австралии, будто влетел неведомый компьютерный Джин... Потому что они, хоть и вразнобой, принялись о чем-то жалобно вздыхать, потрескивать, гудеть и щелкать...

Мне подумалось, что сейчас не только я, но даже железно-пластмассовые компьютеры... и весь огромный, вселенско-необъятный, виртуально-живой земной Интернет... вместе с не виртуально-, а на самом деле живым для меня Небесным Интернетом... мы все вместе пытаемся помочь тому, кто мучается сейчас за тридевять земель от меня, на другом конце планеты и, как и многие другие люди на Земле, отчаянно и страшно страдает от сильной боли в животе.

Я закрыл глаза, сосредоточился и по-настоящему реально ощутил присутствие Крису рядом с собой. Громадное расстояние, разделяющее мой дом и далекую Австралию... исчезло. Теперь для меня и для моей энергии расстояние стало условностью и иллюзией, а возможность избавления от боли – самой настоящей и единственной реальностью.

Для нас с Крисом есть только его боль и моя энергия. Энергия соединила нас, упразднив за ненужностью условность огромной дистанции. (Если от меня добираться до Австралии, то только на самолете надо беспосадочно лететь не меньше двадцати четырех часов.)

О, какая замечательная работа была в этот день!

Крис лежал без движения на полу, а я облучал его живот ангельски-мягкой, успокаивающей энергией Милосердия, похожей на пчелиный мед своим янтарным цветом и вибрациями – теплыми... тягучими... непрерывными... живительными... и добрыми.

Я работал молча. Крис тоже хранил безмолвие и был абсолютно неподвижен. Я не видел его лица. Я видел лишь его напряженную спину и затылок, разделенный надвое длинной седой прядью. Я только вскользь, краем сознания, удивлялся, как может такой большой, высокий и совсем взрослый человек так сильно скрутить, сложить, согнуть, свернуть свое тело, что сейчас оно занимает на полу так мало места, будто это не человек вовсе, а свернувшийся клубочком маленький котенок.

О том, что Крис еще жив, говорили только мелкие подрагивания побелевших пальцев его рук, судорожно обнимающих, сжимающих и согревающих живот...

Молчала и невидимая для меня женщина с удивительно красивым браслетом на руке. Она старалась ничем не выдавать своего присутствия в комнате. Дыхание ее стало затаенным и еле слышным. Но мне больше не нужно было слышать ее дыхание.

Женщина излучала такую сильную энергию... От нее шли вибрации такого мощного желания помочь! Я это сразу увидел. Энергия ее была не только сильной. Не в самой силе было дело... Ее энергия была редчайшего для земных вибраций цвета. Ее энергия была ***фиолетово-темно-зеленой***.

Энергия Сочувствия Страданиям другого человека исключительно редко бывает насыщена таким сочным, густым и интенсивным сочетанием фиолетового и зеленого цветов... Таким космически-глубоким фосфорицирующим лилово-темно-зеленым светом бывает напоена бескрайняя бездна ночного неба, в середине жаркого лета. Небо сочувствует потрескавшейся, высохшей от дневного жара земле и окружает ее изнемогшее тело щедрой и благодатной прохладой ночи. Такая ночь спокойна, прекрасна, добра и тиха, как остывающие черно-

зелено-фиолетовые угли костра, милосердно гасящие в себе последние искры только что угасшего и еще недавно такого безжалостного огня...

Чаще всего я вижу другую энергию Сочувствия, излучаемую родственниками или друзьями больного человека. Она обычно – розовая, светло-сиреневая, нежная и... слабая. Бывает, что близкие люди не излучают вообще никакой энергии.

Многие из тех, кто хотят помочь близким людям, страдающим от сильной боли, инстинктивно, сами того не желая, внутренне отстраняются от тех мучений, которые они видят перед собой. Иначе они не выдержат и сломаются.

Нет более невыносимого испытания для здорового человека, чем всей душой участвовать в страданиях больного человека... Невидимая женщина, прячущаяся в углу комнаты вне досягаемости объектива веб-камеры, себя не жалела. Совсем!

Не часто я могу видеть такую сочную, густую, клокочущую и бурлящую энергию смешения темно-зеленых световых вибраций с фиолетовым цветом... Эта энергия излучалась из таинственно безмолвствующей закадровой немоты в левом углу экрана моего компьютера, и поток ее все время расширялся и зрел все большей силою и яркостью.

У энергии, как и у души человека, множество уровней... Настоящая Зелено-Фиолетовая Энергия – одна из самых тонких, действенных и активных. Выше ее – только Белый Свет.

Каждый вид энергии решает свои целительские задачи. Белый Свет освобождает *дух* человека от *душевной* боли.

Зелено-Фиолетовая Энергия незаменима, когда надо избавить *душу* от боли *телесной*.

Для достижения высших, *вертикальных* слоев соединения Зеленого цвета с Фиолетом необходимо иметь «энергетическую опору» или, другими словами, прочный энергетический фундамент. Такую, неожиданно возникшую энергетическую опору-фундамент, мне уже предоставили. Я тут же этим воспользовался.

Я «оперся» на энергию Сочувствия предположительной жены Криса и получил новую, вертикальную, такой невероятно-огромной силы вибрацию Зеленого Фиолета, что почувствовал в сердце своем *великую благодарность за то, что дожил до этого дня*.

Энергия Высшего Зеленого Фиолета, полученная мною, была такой душевно-горячей, мужественно-плотной и наэлектризованной, что ее силе не могла долго сопротивляться какая-то там обычная, пусть и очень злая, физическая боль в левой стороне живота Криса...

Когда уже примерно через пятнадцать минут боль начала проходить, Крис вытянул ноги и лег на спину. Он повернул голову набок, так что мне стало видно его лицо, приоткрыл рот и тяжело задышал. Видимо, в момент приступа он был вынужден сдерживать дыхание, и сейчас ему надо было как можно скорее отдышаться...

Лицо его порозовело. Черты лица разгладились. Я еще не видел его глаз – они были закрыты, но надеялся увидеть в них свет, когда сеанс закончится, и Крис поднимет веки.

И тут я увидел то, чего не успел заметить раньше...

Перед лицом Криса серо-коричневым свечением мерцало маленькое космическое облачко звездной пыли. Будто это стало видимым не его физическое шумное дыхание, а дыхание – энергетическое... Мне показалось, что атмосферу ауры Криса насквозь пронизал такой сильный холод, что его энергетическое дыхание стало замерзать на лету.

То ли масштаб и точка зрения у меня сместились, то ли еще по какой-то другой причине... я отчетливо понимал, что это именно *космическое облако*.

Оно было очень глубоким, хотя внешне совсем миниатюрным. Перспектива, открывшаяся мне в его синей бесконечной глубине, была такой далекой, что я отбросил все сомнения...

Передо мной была *маленькая вселенная* внутреннего мира Криса.

Его духовный мир так сильно сжался от боли, что, став крошечным, размером с детский кулачок облачком, отделился от него и позволил мне обнаружить свое существование.

Я заглянул в синюю даль духовного космоса внутренней вселенной Кристофера... Познал бесконечную необъятность глубины сконцентрированной протяженности ее пространства и увидел острую, яркую молнию, бьющуюся о глухие стены, и почувствовал, как на меня пахнуло... тюремной сыростью.

Я почувствовал, как мою голову обдало холодным ознобом вибраций загнанной в угол *тоски* Криса. Это она – *тоска-молния* – яростно мечется сейчас... там... внутри космического облака... и тщетно пытается вырваться на волю. Сердце мое сжалось. И во мне возникло странное, необъяснимое с позиций обычной логики, ощущение... Даже не просто ощущение, а твердое внутреннее убеждение в том, что это – *арест!*

Арест преступной мысли, захватившей себе слишком много энергии.

Я это скорее интуитивно почувствовал, чем осознал... Наверное, в жизни Криса произошло нечто такое, что заставило целый мир одного человека превратиться в тесную, плотно сжатую со всех сторон, энергетическую *тюрьму*, в которой под стражу взята его же собственная преступная мысль, превратившаяся в опасную, неуправляемую молнию.

Стены этой внутренней тюрьмы, как это и положено даже в нашем реальном мире, «выкрашены» в серо-коричневые, энергетически «немаркированные» цвета. И *мысль* Кристофера, брошенная в тюремные застенки за совершение какого-то серьезного, пока неизвестного для меня преступления, томится в одиночном карцере. Неужели именно здесь кроется энергетическая причина необъяснимых приступов боли Криса?

...Очнись! О *чем* я думаю? Откуда *у меня* такое чувство? Какая-то такая, внутренняя *тюрьма*? Что это за серо-коричневые *стены* в энергетической тюремной камере, в которую «посажена» мысль Криса?

И как может такое существовать? Мысль!.. Отбывающая!.. Срок!.. *Наказания!*? Неужели такое *возможно*? Тогда *кем* она посажена? За какое *преступление*? И *что* это за мысль? И *кто* смог это сделать?

Кто совершил *невозможное* и осмелился ограничить *свободу* человеческой мысли? То есть сделать то, на что априори никто и никогда не имеет права! И вообще, *каким образом* мысль человека может оказаться в тюрьме? Хотя, наверное, может...

Я уже видел таких людей... При взгляде на их ослабленную, скованную «по рукам и ногам» *ауру* ко мне уже приходила мысль-догадка о том, что за какое-то грехопадение эти люди попали в энергетическое тюремное заключение...

Я даже передернул плечами. Протер ладонями глаза. Все мои мысли и ощущения были так необычны, так еще неясны и непонятны, что я решил оставить их осознание «на потом».

У меня уже было готово оправдание моего отступления перед очевидной невозможностью немедленного, сиюминутного понимания и осознания нового, неизведанного энергетического явления... Я мог сейчас разрешить себе отложить немедленное узнавание истины, потому что уже давно знаю, что...

Чудны дела твои, Господи, а пути – неисповедимы! И не всегда познаваемы людьми...

Перед такими великими энергетическими тайнами не стыдно отступить и подождать того времени, когда они начнут раскрываться сами.

Пока я, пребывая в смятении душевном, задавал сам себе такие непростые вопросы... серо-коричневые энергетические материки боли на «карте» левой стороны физического тела Кристофера побледнели, уменьшились и начали отделяться, отдаляться и подниматься вверх. Прошло несколько секунд и над животом Криса, на расстоянии пяти-шести сантиметров от его поверхности закачались маленькие энергетические темные облака.

Бывшие зловещие пятна болезни Криса теперь выглядели уже просто обычными, серыми и неопасными облачками в ауре слегка ослабленного долгими страданиями человека.

Я и не заметил, как аура Криса стала такой большой, плотной на ощупь и настолько энергетически хорошо насыщенной и напряженной, что было бы уже не очень правильно называть ее аурой больного человека.

Как быстро все произошло! Не так все плохо у Криса, как это показалось вначале.

...Крис уже давно сидит на стуле. Боли он больше не чувствует. Казалось бы, он должен радоваться, ведь в этот раз приступ прошел так быстро, как этого еще не было ни разу... Но лицо его по-прежнему похоже на маску героя древнегреческой трагедии, просившего у богов снисхождения и узнавшего о том, что он не достоин лучшей судьбы. Боги все еще гnevаются на него и не даруют своего прощения.

«Как можно не радоваться тому, что сейчас произошло? – спросил я сам себя. – Как можно делать вид, что не случилось в жизни Криса сегодняшнего чудесного избавления от боли при помощи энергии человека, находящегося от него за тридевять земель, на другом континенте... Ничего, это бывает... – ответил я сам себе. – После таких сильных и так долго длящихся приступов боли человек боится поверить тому, что произошло. Он настолько привык к мысли о том, что его проблема неизлечима, что не сразу может осознать, что все вот так просто может быть исправлено».

Душа же моя все это время радовалась, как дитя, и все время восклицала...

О, какая интересная была работа в этот день!

...Только я, в отличие от моей души, был недоволен собой. Что-то очень важное я все еще не понимал. И уже новые мысли-вопросы начинали мучить меня, и я знал, что не успокоюсь до тех пор, пока не найду на них ответа...

Депрессия – это и есть тюрьма? Депрессия – это тюрьма для энергетической вибрации опасной или преступной мысли человека? Энергетический смысл депрессии – это и есть заключение своих собственных мыслей в одиночный карцер за какие-то серьезные, преступные намерения и желания? И если этим мыслям, желаниям и намерениям позволить гулять на свободе, то они смогут натворить столько несчастий, что уж лучше посадить их в тюрьму и мучиться от депрессии, чем позволить им натворить слишком много бед?

Выходит, что есть ситуации в жизни человека, когда депрессия – лучший выход из положения? Без этого тюремного заключения преступной мысли и без сильной физической боли Крису было бы еще хуже? Отчего и внутренний космос Криса снаружи покрыт все тем же серо-коричневым налетом, как и все остальные грязные энергетические «вуали», «паранджи» и «носые платки» перед лицом Эмили, Саманты и Тедди? Почему все эти такие разные негативные энергообразования находятся в одном и том же месте – перед лицами людей, страдающих от одной и той же болезни?

Быть может... в этом и кроется разгадка энергетической тайны депрессии? И для этого мое Провидение привело ко мне и Эмили, и Тедди, и Саманту, и Кристофера?

Надо, надо будет во всем разобраться! Разобраться детально, чтобы лучше понять суть дела...

Часть 3

Scherzo

*Третья часть симфонии – обычно менуэт,
а позднее, у Бетховена, и скерцо. Это – игра,
веселье, живые картинки народного быта или
драматическое противоборство между добрыми
и злыми силами природы...*

Учебник музыки

Молитва о спасении души

Главная тема Третьей части симфонии

Земля – это огромный театр, в котором одна и та же трагедия играет под различными названиями.

Вольтер

Все выходные дни я мучительно ломал себе голову над тайной серо-коричневых энергообразований перед лицами Тедди, Эмили, Саманты и Кристофера и не мог найти ответа ни на один из многочисленных вопросов. Чем бы я ни занимался, передо мной вновь и вновь возникала картина ауры Кристофера. Стоило мне закрыть глаза, и я опять видел облачко замерзшего на лету энергетического дыхания, скрывающего внутри себя съездившийся, сконцентрированный космос внутренней вселенной Криса...

Я все время пытался понять: было ли мое интуитивное озарение верным. Существует ли на самом деле энергетическая *тюрьма для арестованной преступной мысли*, захватившей себе слишком много энергии? Откуда я знаю, что это именно так и никак иначе? Отчего я в этом так уверен? Уверенность сменялась сомнением, сомнение – уверенностью...

На все это ушло два дня!

Я все время ждал чего-то... Молил, требовал, заклинал о помощи, просил о снисхождении и искал во встречах с друзьями, телефонных разговорах, книгах, в собственных воспоминаниях хоть каких-то подсказок или намеков...

К концу второго выходного дня я ввел себя в то состояние контакта моей интуиции с информацией Всезнающего Небесного Интернета, которое обычно я получаю только во время работы.

Помощь для разгадки этой тайны и разрешения моих мучений пришла оттуда, откуда ее меньше всего было ожидать.

...Когда мне надо много и долго думать о каких-либо серьезных проблемах или сконцентрировать все свои силы для принятия важного решения... а я чувствую, что у меня на это не хватает сил... то я знаю, где смогу получить помощь в виде дополнительного заряда положительной энергии. Я захожу в Интернет и ищу видеоклипы с записями классической музыки или смотрю эпизоды из моих любимых кинофильмов. Меня это всегда хорошо и быстро заряжает необходимой мне новой силой.

Созданию любого художественного шедевра предшествует энергетический подъем его создателя... Вибрации творческой энергии автора произведения, являющегося высшим достижением таланта и мастерства, навечно сохранены в нотах, следах кисти художника, в кинокадрах...

Несмотря на поздний час, мне вдруг захотелось вновь прибегнуть именно ко второму хорошо проверенному средству моей энергетической подзарядки. Я, не раздумывая, подчинился внутреннему интуитивному импульсу...

O God, bless the Internet!

Господи, благослови мою Интуицию и www.YouTube.com!

...Заканчивается воскресный вечер. Сегодня священная ночь моего любимого Полнолуния. Уже почти полночь. В доме все уже спят... Не спит только моя мысль, мой компьютер и полная луна за окном. Устал. Пытаюсь расслабиться. Ничего не получается...

Возбуждение мое только растет. Воздух буквально звенит от вибраций энергетического высокого напряжения моих вопросов... Я так и не нашел ответа ни на один из них.

В груди колеблются, колются, щекочут, дразнят, смеются энергетические острые ледяные иголки... По рукам пробегают, поднимаются вверх и падают вниз электрические волны какого-то щемящего, еще не совсем ясного, но хорошо знакомого мне предчувствия прихода чего-то очень важного... Случайной подсказки. Внезапной догадки.

Мистического переживания. Я терпеливо жду... потому что знаю: озарения всегда приходят ниоткуда и в самый неожиданный момент.

...Таинственный серебряно-синий свет льется из окна. Все живое на земле сейчас освещено волшебным светом мистического праздника природы – Полнолуния. Сине-белое свечение экрана компьютера сливается с сине-зелено-белым светом моей собственной ауры. Интернет земной и Интернет Небесный зовут, манят... Мне буквально слышны их живые голоса.

Быстро, не думая о том, «почему, зачем и для чего»... нахожу в Google первое, что хочется увидеть. Смотрю... правильнее сказать, вдохновляюсь и восхищаюсь любимым эпизодом из фильма «Аромат женщины» – одним из самых *зарядоносных* художественных впечатлений моей жизни.

Аль Пачино в роли полковника Фрэнка Слэйда и девушки по имени Дона (какое нежное и гордое имя!) танцуют знаменитое Танго в ресторане.

Танго! Божественно-прекрасная музыка. Гениальная игра великого актера. Выразительная хореография. Блестящее исполнение. Отточенная режиссура. Художественно снятые кадры...

Танго! Как это красиво, тонко, сдержанно и чувственно, изящно и эротично, мужественно и грациозно...

Танго! Танец, как зримая мелодия завораживающего душу слияния женской и мужской энергий...

Танго! Я сижу в полном одиночестве и, глядя на экран компьютера, еще и еще раз просматриваю лучший, на мой взгляд, эпизод любимого кинофильма.

Танго. Танго! Танго!! Танго!!!

Танго! Символ обнаженной напряженной красоты энергообмена между мужчиной и женщиной...

Танго! Все скреплено печатью молчания плотно сжатых губ...

Танго! Все происходит без единого слова!

Танго! Все, что необходимо, произносится поющими поворотами корпуса, говорящим перебором синкопированных шагов, колдовским кружением Мужчины и Женщины, пылким драматическим удалением и приближением партнеров друг к другу, друг от друга, ближе, дальше...

Танго! Красноречивее любых слов – поэзия всех этих сдержанно-страстных пожатий-сплетений рук... Выразительнее любого драматического диалога прихотливый ритм движений...

Танго! Слившееся воедино дыхание танцора и танцовщицы... Перекрестье мужских и женских вибраций волнения, возбуждения, узнавания друг друга... Мысли и чувства буквально «стонут» в каждом движении их говорящих тел...

Танго! Какой огромный, спрятанный вовнутрь мужской темперамент, стучащий громко прямо в сердце, ***как требование открыть запертую дверь души!***

Танго! Какое милое, женственное лицо у девушки! Такое же, как у Эмили...

Танго. Танго! Танго!! Танго!!!

Танго! Какой же все-таки Аль Пачино громадный актер и человек! Каково чудо перевоплощения! Высочайший уровень актерского мастерства. Не зря за эту роль ему присудили Оскара – высшую кинематографическую награду мира!

Танго! Какой сильный и цельный характер у этого полковника Фрэнка! Как он любит это нежное, томительное, зовущее, робкое, искреннее, вечно юное чувство близости с Женщиной... Пусть даже эта близость только на время короткого танца...

Танго! Короткий танец длиною в жизнь!

Танго! Потрясающая игра актера дает нам, зрителям, реальную возможность почувствовать упоительный, дурманящий, приводящий мужчин в трепет, сводящий их с ума, нежный, волнительный, как приближение весны... неуловимый, незабываемый, тончайший аромат женской кожи, шелковистых волос, юности, женской красоты и волнующей кровь ласковой чувственности, на глазах расцветающей тугим бутонем алой розы...

Танго! Капелька росы аромата Женщины дрожит на нежном розовом лепестке... и отнимает у мужчин разум.

Танго! Да и зачем мужчинам разум, когда есть на свете аромат Женщины?..

Танго! Смотрю... чувствую, как все больше заряжаюсь положительной энергией... и раз за разом... сквозь невольные слезы... несмотря на комок в горле... начинаю осознавать... что моя интуиция заставляет меня еще пристальнее всматриваться в лицо Аль Пачино, играющего роль полковника Фрэнка Слэйда...

Танго. Танго! Танго!! Танго!!!

Что толку пристально смотреть на ***такое*** неподвижное лицо? Что можно увидеть? На этом лице ничего нельзя прочитать, кроме естественного напряжения ослепшего человека, танцующего танго ***на память!*** Сейчас я читаю, как книгу, не просто эмоции, написанные на лице, а ***движения души*** мужчины, танцующего Танго.

Так, закрывая глаза, ***наизусть*** декламирует стихи поэт... И можно увидеть душу его стихов. Или... не думая, не вспоминая ноты, не глядя на клавиатуру... музыкант играет на рояле любимое музыкальное произведение, доверяя ***памяти своих рук*** самой добывать из клавиш мелодию... Его тело, спина, шея, руки играют музыку не менее выразительно, и уже не так нужно смотреть на его замершее, иногда ничего не говорящее лицо...

Как это Аль Пачино удается? Его полковник полностью погружен в себя... Он не здесь, не в этом мире... и общается он сейчас только с нестираемой никаким несчастьем ***памятью тела и души*** о былом и прекрасном. Это же так сложно... Аль Пачино играет роль ослепшего человека, естественно, что его остекленевшие, ничего не видящие глаза – неподвижны! Игра актера лишена главного инструмента – живого, говорящего человеческого взгляда.

И, тем не менее, какая выразительность в самой этой остановленной несчастьем статике! Какая яркая динамика, достигаемая лишь за счет поразительной достоверности блестяще сыгранной, нет пережитой, прочувствованной слепоты. Узнаваемая манера невидящего человека смотреть, двигаться, держать в характерном наклоне голову... Невозможно отвести взгляд от, казалось бы, ничего не выражающего, сведенного легкой нервной судорогой лица, озаренного только сиянием внутреннего света души, которая никогда не бывает слепой...

И тут... Вдруг... Вспышка! Сознание прояснилось! Озарение! Ночь будто стала днем!

Когда я смотрю на танцующего танго мужчину и думаю о герое фильма, как о полковнике Фрэнке Слэйте, я вижу перед его лицом такое же космическое маленькое облачко из звездной пыли, какое я видел у Криса...

Когда же я мысленно отстраняюсь от сюжета и действия... любуюсь и восхищаясь виртуозным мастерством великого Аль Пачино, играющим роль ослепшего полковника... этого облачка нет!

Смотрю еще и еще раз...

Танго. Танго! Танго!! Танго!!!

Все точно. Я не обманываю самого себя. Все повторяется вновь и вновь!

В ауре полковника Фрэнка Слэйда перед его лицом замерла, зависла энергетическая капсула его сжатой внутренней вселенной. У Аль Пачино этой капсулы нет.

В ауре Аль Пачино много света. Перед его лицом все чисто. Он никого и ничего в тюрьму не сажает... Аль Пачино не стыдится того, что он думает о жизни. Я вижу, что его аура заряжена невероятно сильной и концентрированной энергией. Это – аура человека, самоотверженно любящего жизнь и искусство... и искусство самой жизни.

А вот полковнику Фрэнку Слэиду... Литературно-кинематографическому персонажу, получившему, благодаря гениальной игре великого актера, пусть и экранную, но все же ***жизнь*** – есть за что и кого сажать в тюрьму! Себя и свои собственные мысли!

На самом деле фильм «Аромат Женщины» – это и символ ***аромата самой Жизни!*** Прощаясь с Женщиной, полковник Фрэнк Слэйд в этом танце... ***прощается*** со всей своей жизнью, хотя мы думаем, что он прощается со всем тем, что полковник так любил, до того, как ослеп...

Об этом мне рассказывает аура полковника... Даже тогда, когда он танцует танго с молодой, очаровательной девушкой, его аура не просветляется ни на мгновение... Полковник Фрэнк Слэйд *свою жизнь*... ожесточенно *ненавидит!*

Аура его скукожена, мала, темна и холодна. В ней сыро, тесно и душно...

Это не танго торжества радости жизни. Первое впечатление обманчиво.

Это – танго *прощания* с жизнью!

Танго. Танго! Танго!! Танго!!!

Потому-то этот «всего лишь танец в ресторане» так сильно и завораживает всех, кто его видит... На наших глазах происходит трагическая подмена. Танец, который должен был стать олицетворением победы, пусть и ослепшего, но все еще сильного, великолепного мужчины над своей увечностью... на самом деле становится танцем-трагедией под названием: «Прощай, жизнь. Я вдыхаю твой аромат в последний раз».

Все было решено намного раньше! Танцующий танго слепой полковник уже знает, что он завтра застрелится! Поэтому у него и аура такая зловещая и измятая... Пройдет еще немного времени – всего только одна ночь – и полковник Фрэнк Слэйд возьмет в руки пистолет, чтобы застрелить самого себя...

Вот она – преступная мысль!

Вот она – истинная причина превращения энергии внутренней вселенной человека в энергетическую тюрьму... Эта причина – мысль о сведении счетов с собственной жизнью!

Танго – Жизнь! Танго – Смерть...

Жизнь – Танго! Смерть – Танго...

...Как я благодарен дару перевоплощения актера Аль Пачино! Он – настоящий *творец!* Его полковник – живой и настоящий. Подлинный живой человек с реальной аурой!

Актер Аль Пачино настолько хорошо владеет искусством перевоплощения, что не только создает полноценный художественный образ и преображается физически и эмоционально... Аль Пачино полностью *изменяет ауру* своего персонажа!

И когда я смотрю на танцующего танго ослепшего полковника, напрочь забывая о том, что это не документальные съемки, – это актер Аль Пачино играет роль... то я вижу живого и настоящего Фрэнка Слэйда! У этого человека другая душа, иные мысли, чувства, желания и другой состав ауры, полностью отличающийся от характеристик частоты и вибраций ауры своего создателя – актера.

Такова сила настоящего искусства! Это ли не чудо?

Посему... если я уже знаю сюжет кинофильма... то это означает, что когда я смотрю на ауру танцующего танго полковника... я вижу энергию человека... решившегося на самоубийство!

Аура человека! Решившегося! На самоубийство!

Если, конечно, моя догадка правильна... Об этом даже страшно подумать... Если я не ошибаюсь... Как я могу, какое право имею предполагать... *такое?* Я ничего *не знаю* о жизни Криса... Да... но я уже знаю о том, что преступная мысль-молния Кристофера *арестована* и заключена в энергетическую серо-коричневую тюрьму.

Если я видел в ауре Криса энергию того же самого серо-коричневого облачка из звездной пыли, что и у полковника Фрэнка Слэйда... То теперь... я... почти уверен... что это была энергия мысли Криса о желании покончить с собой.

Крис посадил в тюрьму энергию своего желания покончить жизнь самоубийством. Он сделал это точно так же, как это делает ослепший полковник в сцене «Танго в ресторане». Вот откуда у Кристофера вместо лица – маска актера древнегреческой трагедии. Самоубийство – самая страшная человеческая трагедия!

...О, что же мне делать?

Если мысль ослепшего полковника чуть не сбежала из тюрьмы, и он едва не довел до исполнения свое решение покончить жизнь самоубийством... То это значит, что... преступные мысли Криса...

Если я не ошибаюсь, и Крис *действительно* думает именно *об этом*...

То его мысль-молния, рано или поздно, может тоже сбежать из тюрьмы...

И если Крису никто не помешает, то он, как и полковник возьмет в руки пистолет или веревку или... чем там еще... можно... это... сделать...

Неужели моя интуиция уже все знала и все поняла, когда я впервые увидел Крису... Неужели моей интуиции уже было известно, что Крис – потенциальный самоубийца?

Я уверен, что интуиция моя уже все знала с первого же взгляда на лицо Кристофе... нет, не только на лицо, но и с первого же взгляда на ауру Кристофера! Хорошо, что я это сейчас понял. О, моя интуиция и великий актер Аль Пачино! Благодарю вас за помощь! И...

Oh, God, bless the Internet!

Господи, благослови Интернет!!!

Завтра я увижу Кристофера. Может быть, еще не поздно... Завтра я буду работать *с этим*... Я нахожусь слишком далеко и не смогу отобрать у Крису пистолет или какой-нибудь другой «инструмент» убийства. Но я могу что-то сделать с его аурой! Я могу, например, уничтожить или стереть, аннигилировать, растворить или растопить, рассыпать на мелкие частицы... энергию желания-мысли-молнии Крису убить самого себя!

Я еще не знаю, *как* надо работать с преступной молнией-мыслью Крису, но я знаю – Интуитивная Активная Медитация мне поможет!

...А что можно сделать сегодня? Сегодня – время *молиться о спасении души* Крису и посылать ему Сферы царя Соломона с энергией... с энергией...

Все! Я знаю! Я пошлю Крису Сферу царя Соломона с энергией Любви к Жизни!

Я уверен, что это именно то, чего у него сейчас нет...

Жили-были девочка и мальчик

Побочная тема Третьей части симфонии

*Всегда глупым не бывает никто,
иногда – бывает каждый.*

Герберт Уэллс

Когда пришло время для нашей с Крисом встречи в виртуальном пространстве Интернета, я «кликнул» два раза мышкой на его имя в списке моих контактов и стал ждать ответа. Я старался быть спокойным... Это было нетрудно. У меня уже было заготовлено несколько вариантов разговора. Тема разговора была самой серьезной из всех возможных. Это – тема жизни и смерти человека...

Несколько долгих гудков, и, наконец, Австралия ответила... завертелось колесико загрузки изображения... и на экране компьютера... На экране компьютера я увидел ту самую женщину, которая в прошлый раз поправляла объектив веб-камеры. Я узнал ее по необычному браслету на руке. Первой заговорила она:

– Здравствуйте...

– Здравствуйте, – ответил я.

– Меня зовут Эмма, я жена Кристофера. Его сейчас нет дома. Три часа назад ему позвонили и просили срочно приехать на работу. Какие-то неприятности с тем проектом, который он ведет. Последнее время Крис работает только дома, но сегодня без его присутствия что-то очень важное не может сдвинуться с места. Крис рассчитывал

вернуться к назначенному времени. Он уже звонил, что выехал и скоро будет здесь. Простите, пожалуйста, но то, что Криса сейчас нет дома – это даже хорошо.

– Почему? – спросил я.

– Мне надо с вами поговорить, – сказала Эмма и посмотрела мне прямо в глаза.

Взгляд ее был тверд, губы плотно сжаты. Лицо было таким серьезным, что я не сразу сообразил, что сказать в ответ.

– Говорите, пожалуйста, я слушаю вас, – нашелся я.

– В прошлый раз вы очень хорошо поработали с моим мужем, – все с тем же серьезным выражением лица начала говорить Эмма. – Крис хорошо спал эти две ночи. Ни разу не просыпался. И днем он чувствовал себя сравнительно хорошо. Приступы были короткими, и боль была не такой сильной... Я больше не могу смотреть на его мучения. Поэтому я решила, что вы должны знать правду. Я уверена, что это поможет и вам, и Крису. Сам он вам этого никогда не скажет. Поэтому я решила все рассказать сама...

– Правда – это всегда хорошо. Она неизменно помогает лучше всего. Я – весь внимание, – сказал я.

Жена Криса неожиданно улыбнулась, хотя улыбка была совсем невеселой, и подвинулась ближе. Лицо ее заняло собой весь экран. В этот момент мне стало окончательно ясно, насколько сильно Эмма любит своего мужа...

Между ее лицом и лицом Криса было много именно того неуловимого сходства, которое всегда бывает у супругов, долго живущих вместе в любви и полном согласии. Наверное, это было общее для обоих выражение лица... Внешность Эммы была, конечно же, совсем не такой, как у Криса. Он – высокий мужчина с крупными чертами лица. Эмма же была маленькой, миниатюрной блондинкой, с миндалевидными голубыми глазами. Ее нельзя было назвать красавицей. Она выглядела просто очень милой, приятной и доброй женщиной.

Но сходство между ее лицом и лицом Криса все равно было. Оно проявлялось не столько в конкретных чертах лица, сколько... не знаю точно, как об этом сказать... сходство просвечивало на ее лице... отражением страданий Криса. Было ясно, что Эмма очень любит Криса и страдает вместе с больным мужем не менее сильно и мучительно, чем он сам.

Эмма больше не отодвигалась назад. Глядя на этот, по-киношному выразительный, «крупный план», я выслушал ее рассказ.

...Жили-были девочка и мальчик. Дома их стояли на одной улице. Его дом был на стороне улицы с четными номерами, а ее дом – с нечетными. Его дом был первым с начала улицы, ее – первым с конца. Сразу за домом девочки начинался парк, в который девочка и мальчик ходили гулять вместе с мамами, пока были маленькими. Они вместе росли, вместе ходили в школу... вместе ходили все в тот же парк... вместе, в один день полюбили... когда пришло их время.

Девочка полюбила мальчика, а он ее.

Все было бы хорошо, вот только время было не очень подходящим. Им было по шестнадцать лет. Возраст хороший для любви, но не для создания семьи.

Родители запретили им встречаться. Мальчика заставили уехать к бабушке и дедушке в другой город. Так что любовь девочки и мальчика подверглась испытанию, которое они, надо отметить, с честью выдержали.

На этом сходство с историей Ромео и Джульетты заканчивается. Девочка и мальчик писали письма друг другу... и каждый день часами говорили по телефону. Ездили друг к другу на тайные и разрешенные родителями свидания. Благо город, в котором жили дедушка и бабушка мальчика, был не очень далеко.

Родители сумели «додержать» влюбленных до восемнадцатилетнего возраста. Они бы держали их и дольше, но... девочка Эмма забеременела. И Крис на ней женился... С тех пор у девочки и мальчика родилось еще трое детей. Первой была девочка – невольная причина ранней свадьбы своих родителей, потом мальчик. И снова девочка, а за ней – еще мальчик.

Крис со временем стал хорошим отцом и крупным специалистом в области компьютерного программирования. Эмма – замечательной женой, рачительной домохозяйкой и лучшей на свете матерью четверых детей. Вся семья уже двадцать пять лет живет в счастье, согласии и любви...

Это все внешняя сторона истории семьи Эммы и Криса.

Что же касается внутренней, скрытой от чужих глаз жизни, то для всех, кто их знает, все эти двадцать пять лет между мужем и женой не произошло ни одной серьезной ссоры. Для всех – они не только сильно любят друг друга, но и по-настоящему дружат между собой.

Был у молодой семьи один общий друг. Он жил на той самой улице, заканчивающейся парком. Он тоже ходил в ту же школу, что и они...

Дружба с детства – самая крепкая на свете. Веселый, обаятельный, общительный, короче говоря, всеобщий любимец, он был своим человеком в доме Криса и Эммы. В их доме он встречал все праздники...

Друг был много раз женат... Много раз по причине того, что он сильно любил вообще всех женщин и был не способен долго и преданно любить только одну из них. Каждый раз после очередного развода Эмма и Крис утешали его и были первыми советчиками перед тем, как он решался жениться снова.

Пятнадцать лет назад Крис вместе с Другом открыли общий бизнес. Крис – специалист, производитель главного продукта бизнеса – компьютерных программ. Друг – все остальное. Бизнес развивался быстро. Приносил хороший и стабильный доход... Сейчас бизнеса нет. Крис сегодня работает в одной очень крупной компании. Денег зарабатывает, в общем-то, не меньше, но собственное дело – есть собственное дело... Жаль, что все так получилось.

Трагедия случилась семь лет назад.

За год до этого, самый младший сын Эммы и Криса, тогда ему было только шесть лет, играл в спальне родителей и нашел толстую связку писем от папы к маме. Письма были перевязаны ленточкой и лежали в прикроватной тумбочке мамы. Все письма были из того периода истории любви его папы и мамы, когда Крису и Эмме было по шестнадцать лет. Если вы помните, Крис жил в другом городе и писал письма несколько раз в неделю. Тогда еще было принято писать друг другу настоящие письма.

Чернилами по бумаге. Электронной почты еще просто не было...

Игра маленького мальчика заключалась в том, что он делал «новый порядок». Часть писем он красиво – веером – разложил прямо на кровати родителей. Часть спрятал под кровать, под матрас, в тумбочке папы, в шкафу...

Мама собрала письма, но не все...

Одно ненайденное ею письмо так и осталось лежать под матрасом.

Семь лет назад супруги решили поменять кровать. Пришло время. Их старой кровати было уже много лет... Вот тогда-то Крис нашел и прочитал это злополучное письмо, пролежавшее под матрасом почти год.

Письмо было от Друга к Эмме. Примерно из того периода, когда Крис жил у бабушки с дедушкой. Вернее, оно было написано чуть позже. Крис уже вернулся домой. По дате, проставленной в конце длинного письма, было ясно, что оно было отправлено на имя Эммы и получено ею спустя полгода после свадьбы восемнадцатилетних Криса и Эммы.

Другу в то время тоже было восемнадцать лет...

Все письмо было полно пылких любовных признаний в любви к Эмме. Оно было глупым, наивным и смешным. В нем было много ошибок... В одном только нельзя было ошибиться.

Из неровных, не очень грамотных строчек письма следовало, что Эмма какое-то короткое время, буквально несколько месяцев... отвечала взаимностью на пламенные чувства Друга, но после того, как Крис вернулся и стал опять жить в доме в начале улицы, она резко, без объяснений оборвала только начавшиеся отношения...

Все содержание письма сводилось к тому, что Друг умолял Эмму подумать и вернуться к нему. Он обещал неземное счастье, намекал на какие-то дополнительные обстоятельства, на то, что между ним и Эммой есть еще что-то важное, что может укрепить в будущем их «неземную» такую желанную любовь...

Крис уже готов был посмеяться над письмом... Вот только эти неясные намеки... О чем это? И Крис решил поговорить с женой. Между ним и Эммой было принято обо всем говорить открыто. Он показал Эмме письмо и прямо спросил, что эти намеки означают?

И получил прямой ответ: «Да. У нас был короткий роман. Я не знаю, отчего это тогда произошло. Произошло и все. Быть может из-за того, что ты был далеко от меня, он – слишком настойчив, а я – слишком молода и глупа. Я не хочу и не считаю нужным оправдываться. Что было – то было. Неясные намеки означают то, что он – отец нашей старшей дочери».

Крис не сказал ни слова. Порвал письмо на мелкие клочки и вышел из дома. Никто не видел Криса и не знал, где он... Через неделю позвонили из госпиталя и попросили Эмму срочно приехать. Ее муж совершил попытку самоубийства.

Только случайность помогла предотвратить его смерть. Он жил в мотеле, и ранним утром горничная, которая уже несколько дней не могла убраться в его номере, решила, что там никого нет, и отперла дверь своим ключом...

Крис отравился обыкновенным мышьяком. Спасло его то, что он, к счастью, по незнанию принял недостаточно большую дозу... Современная медицина накопила большой опыт спасения от яда, известного самоубийцам еще со времен средневековья. Крис полностью выздоровел и вернулся домой. Единственным напоминанием об этом случае стал его севший, хриплый голос. Мышьяк сильно обжигает горло...

Он ни разу с тех пор ни о чем не спросил Эмму и ничего не говорил сам. Единственное, что Крис сказал Эмме: она не должна ничего бояться. Он никогда больше не совершит того, что сделал. Он будет жить. С ней. Ради детей... И просьба у него только одна. Крис хочет, чтобы никогда *его* старшая дочь не узнала, кто ее настоящий отец...

Жизнь семьи после этого не изменилась... Но только – снаружи.

Внутри – между Эммой и Крисом – уже не было той доверительности, с которой они прожили столько счастливых лет. Была любовь... даже уже не любовь, а страсть – злая, неистовая, молчаливая, почти нечеловеческая...

Слезы украдкой – у Эммы... И каменное, глухое молчание – у Криса.

Единственное, что изменилось во внешней жизни семьи так это то, что Крис порвал все связи с бизнесом и со своим другом детства...

Несколько месяцев назад у Криса появилась боль в левом боку...

– Я жалею сейчас, что какой-то дьявол гордости заставил меня сказать тогда всю правду, – закончила свой рассказ Эмма. – Наверное, я переоценила свои и Криса возможности. Мы всегда так хорошо понимали друг друга. Все случилось так неожиданно, и я просто растерялась... Я настолько привыкла за эти годы говорить с Крисом обо всем прямо и правдиво, что тогда я не смогла его обмануть. Я так устала молчать об этом!.. Хотя, наверное, надо было это сделать. Кому нужна теперь моя гордость и моя любовь к правде?

Это все в самом деле – от дьявола... Как от дьявола было мое глупое, женское тщеславие, из-за которого я вовремя не уничтожила то ужасное письмо... От него же, от дьявола – неспособность Криса простить меня...

Я думаю, что все приступы боли Криса из-за этой трагедии. Это моя вина...

Мой рассказ – это все, что я могу для него сейчас сделать. Я надеюсь, что правда поможет вам избавить Криса от невыносимых страданий. Со мной он на эту тему говорить не будет уже никогда... – и тут я и Эмма услышали звонок в дверь. Крис вернулся.

Он выглядел точно также плохо. Лицо – бледная маска. Неподвижный взгляд. Вот только глаза его теперь были уже не такими темными и... карие глаза Криса начали отражать свет.

Крис извинился за опоздание. Сказал, что боялся идти на работу и очень рад, что все обошлось, и никакого приступа не случилось. Мы начали работать.

Перед лицом Криса по-прежнему серо-коричневым свечением мерцало маленькое космическое облачко звездной пыли. Будто это стало видимым не его физическое шумное дыхание, а дыхание – энергетическое...

Внутри энергетической тюрьмы – сконцентрированной внутренней вселенной Криса – по-прежнему металась от одной серо-коричневой стены к другой преступная мысль-молния Криса. Я уже знал, что это была за мысль, и полностью одобрял то, что Крис с ней сделал!

Крису хватило одного раза. Детям нужен отец. Больше никакого самоубийства никогда не будет.

...Я очистил всю ауру Криса от остатков серой и коричневой мерзости. Я насытил энергией его тело и ауру так мощно, что этого хватило бы на десять человек. Теперь мне это было уже очень легко сделать. Живот и грудь Криса были почти целиком очищены от информации о причинах возникновения его приступов боли.

...Оставалось только облачко звездной пыли перед его лицом.

Вокруг него, будто спутники планеты Сатурн, вращались мои, посланные вчера ночью, сферы царя Соломона с энергией Любви к Жизни. Они не были допущены в энергетическую тюрьму, созданную умным природным механизмом самозащиты ауры человека. Решение Криса о том, что отношения между ним и его женой – это его, и только его – личное дело... что он ни с кем не намерен обсуждать или касаться запретной темы... видимо... действовало на всей территории его ауры. Что я только не пробовал! Ничего не помогало...

Арестованная мысль-молния, по-прежнему не исчезала. Внутренний мир Криса не возвращался в свое нормальное состояние – состояние *бесконечности* без каких-либо ограничений и тюремных стен.

Уже заканчивалось наше время. В ауре Криса мною было сделано много хорошего. Но я не мог остановиться. Нет безвыходных ситуаций. Выход есть всегда!

Уже почти ни на что не надеясь, я создал еще одну большую Сферу царя Соломона. Все с той же энергией Любви к Жизни. И поместил в нее, в самую ее сердцевину, и маленькое облачко-тюрьму, и все мои прежние сферы.

...Планета Сатурн и ее спутники в одном энергетическом... будто стеклянном шаре.

Похоже на детскую игрушку. Встряхнешь ее... и на волшеббно-прекрасный маленький домик начинает медленно-медленно падать снег. Домик сияет нарисованными огнями, и счастье длится так долго, как бесконечно долго падает кружащийся снег...

Красота!!! Волшебная, сказочная, желанная... Целый мир, созданный детским воображением, весь умещающийся в стеклянном шаре, наполненном водой...

У меня была в детстве такая игрушка. Сколько часов я провел, бесконечно много раз встряхивая прозрачный шар, для меня наполненный не просто водой, а моей детской *мечтой* о другой... прекрасной жизни.

Я смотрел на падающий «снег», покрывающий искрящими радостью снежинками волшебный, добрый мир – такой реальный для меня, совсем еще маленького мальчика. И ждал... Ждал, когда у меня начнут слезиться глаза от долгого, пристального разглядывания сказочного домика, и взгляд мой станет другим, не таким, как обычно, нездешним... Тогда я увижу, что из домика ко мне навстречу выходит Волшебник в остроконечной шляпе и расшитой золотыми звездами синей мантии.

...Он поднимет высоко руку, приветствуя меня. В руке он обязательно будет держать волшебную палочку. Волшебник опустит руку с волшебной палочкой вниз, а другую руку приложит к своему уху, показывая мне, что он готов меня слушать...

И это – самый главный момент!

Когда он наступает, я начинаю шептать этому волшебнику, прямо в его доброе ухо, обо всех своих желаниях и рассказываю ему обо всем, о чем мечтаю.

Я рассказываю ему про все мои детские обиды и прошу его сделать так, чтобы меня никогда не ругали, все и всегда прощали и сильно-сильно любили...

Уйдя с головой в детские воспоминания, я не заметил, что шепчу, обращаясь к Сфере царя Соломона, те же самые слова, что и тот маленький, обиженный мальчик... отошедший от меня сегодняшнего – уже совсем взрослого человека – далеко-далеко, в полузабытое мною прошлое...

Говорил я со Сферой царя Соломона точно так же, как когда-то шептал на ухо Волшебнику из моего детства, который тоже жил в шаре, но только – в стеклянном, а не энергетическом...

Я говорил те же слова, но только... от имени Криса.

Я просил, чтобы Криса любили и прощали. Я мечтал о том, чтобы Крис сам мог любить и прощать все обиды...

Я опомнился только тогда, когда вдруг понял, что внутри созданной мною большой Сферы царя Соломона уже нет никакой энергетической тюрьмы. Ее растворили мои воспоминания о моей детской мечте... Мечте о мире добром, прекрасном и умном... Мечте о мире, в котором все друг друга любят и прощают все обиды.

Сфера царя Соломона отодвинулась от лица Криса, поплыла вперед, легко преодолела границу экрана монитора, а заодно и десятки тысяч километров, разделяющих меня и Криса, Австралию и Америку, Южное и Северное полушария Земли... и исчезла из поля зрения где-то у меня за головой. Далеко не в первый и, надеюсь, не в последний раз в моей жизни я поразился тому, как легко и быстро энергия преодолевает любые расстояния.

...Аура Криса была чиста и сияла необыкновенно ярким перламутровым светом. В ней не шел искусственный снег, но она ослепительно светилась радужно переливающимися красками, как когда-то сверкал добрый мир моего детства, помещенный в стеклянный шар, наполненный водой и энергией моей заветной мечты.

Ничего не происходит просто так. Тот полузабытый мною маленький мальчик, родом из страны воздушных замков, не зря так искренне и с полной верой в возможность чуда разговаривал с несуществующим Волшебником в остроконечной шляпе и в расшитой золотыми звездами синей мантии.

Сегодня этот воображаемый Волшебник и тот маленький мальчик... вместе со Сферой царя Соломона... помогли мне и Крису.

Часть 4

Финал маленькой симфонии большого Открытия Энергетической Путеводной Звезды

Allegro maestoso (триумфально и героически)

*Финал – это итог всего цикла, вывод из всего,
что было показано, прочувствовано, продумано,
в предшествующих частях. Часто финал симфонии
отличается жизнеутверждающим, торжественным,
победным или праздничным характером.*

Учебник музыки

Божья повесть 1. Улыбка девушки из метро *Главная и Первая Побочная тема Финала симфонии*

*Что-то сдвинулось в мире. Кончился Рим,
и вместе с ним власть количества, оружием вмененная
обязанность жить всей поголовностью, всем населением.*

Вожди и народы отошли в прошлое.

Личность, проповедь свободы пришли им на смену.

*Отдельная человеческая жизнь стала **Божьей повестью**,
наполнила своим содержанием пространство вселенной.*

Б. Пастернак «Доктор Живаго»

На следующий день я работал с Тедди. Читателю не трудно будет догадаться, что я сразу же поместил грязный энергетический «носовой платок», все еще скрывавший под собой его лицо, в созданную мною большую Сферу царя Соломона с той же самой всемогущей энергией Любви к Жизни. Я мечтал об этом весь вчерашний и сегодняшний день!

Грязная «тряпка» тут же свернулась в комок, завертелась, засветилась, как маленькая шаровая молния, стала золотого цвета и вознеслась... под потолок. От неожиданности я соскочил с кресла и попытался дотянуться до нее рукой. Не получилось. Сияющее, крутящееся вокруг собственной оси, знакомое, неизвестное мне, новое золотое энергообразование взлетело слишком высоко.

Я посмотрел на Тедди и не узнал его. Энергетическое, особое, состояние Интуитивной Активной Медитации в котором находился Тедди, расслабило и наполнило сильнейшей энергией все мышцы его тела и лица. Передо мной сидел совсем другой человек.

Свободный. Взрослый. Сильный и спокойный.

– Тедди, как ты себя сейчас чувствуешь, – спросил я.

– Хорошо. Даже странно, такие, как я, так хорошо себя чувствовать не могут... не имеют права, – ответил Тедди.

Я оглянулся назад, увидел быстро вращающуюся под самым потолком золотую шаровую молнию, в которую превратился грязный энергетический «носовой платок» Тедди, еще недавно застилавший ему взгляд на мир, и... не смог удержаться. Я спросил его без всякой подготовки прямо в лоб:

– Скажи мне, Тедди, за что ты так ненавидишь свою жизнь?

Тедди, не задумываясь, ответил мне вопросом на вопрос:

– А за что мне ее любить? Жизнь не дала мне ни одного повода для любви.

– Для любви к жизни нужен повод? Это что-то новое...

– Поводов для ненависти она дала мне много. Вы же знаете, сколько раз я разводился, сколько раз меня увольняли с работы... А сколько раз я уже был готов наложить на себя руки? Я любил когда-то жизнь, а она? Чем мне ответила моя жизнь?

– Ты считаешь, что твои многочисленные увольнения, разводы и мысли о самоубийстве – это вся твоя жизнь?

– Да.

– Ты действительно так считаешь?

– Считал... Раньше... – неожиданно, каким-то растерянным голосом сказал Тедди и открыл глаза. – Я вдруг прямо сейчас понял, что мне больше совсем не хочется жаловаться на свою жизнь. Надоело! Мне хочется говорить о другом!

– О чем же ты хочешь говорить, Тедди?

– Опять о женщинах, о погоде, о любимом хоккее, о летающих тарелках, о собаках... О весне, черт возьми, которая уже давно наступила... Я все это когда-то так любил... нет... я это и сейчас люблю. Я по этому всему так соскучился!

– Ты не притворяешься, не играешь сейчас какую-то новую роль, а, Тедди? Это правда?

– Да. Правда! Я вот тут сидел, молчал, слушал самого себя, ощущал свое тело, которое так для меня старается и так сильно хочет мне помочь. Чувствовал, какая сегодня от вас идет сильная энергия... И ничему этому не радовался. Я привычно думал... нет, не думал, а будто жевал в голове свою привычную жвачку из мыслей о том, как мне все равно плохо, что вы зря стараетесь, ничего у вас не выйдет. Здоровый ли, больной ли... Я все равно всегда был и буду неудачником...

Как вдруг жвачку моих печальных мыслей, будто кто-то проглотил. Обычно мне всегда как-то... «кисло» в голове...

А тут я вдруг, совершенно некстати, вспомнил о красивой девушке, которую встретил сегодня в метро. Волосы черные, длинные и кудрявые. Лицо смуглое, наверное, любительница позагорать. Глаза – синие-синие. Живая. Веселая... Она так хорошо улыбалась, когда на меня смотрела!

А я? Чем я ответил на ее улыбку? Злобой!

Я так зло на нее посмотрел! Только что не залаял, как цепной пес... Девушка, правда, не испугалась. Пожала плечами, хмыкнула, отвернулась и стала улыбаться другому парню...

Вы знаете... Он был намного хуже меня... Моложе, чем я, а уже почти весь лысый... Так, три волоса в полном беспорядке, раскиданы налево и направо.

Я тоже хмыкнул и отвернулся. Подумал, что она какая-то ненормальная. Заигрывает с парнями в метро!

Тогда мне еще было «кисло» в голове... А тут я вдруг вспомнил про нее, и мне стало так... сладко-сладко вот здесь, в груди!!! Как тогда, когда я собирался жениться на Абигайл...

– Тедди, ты понимаешь, что такие мысли о девушке и такие чувства могут возникать только у здорового мужчины, у которого и с головой и со всем остальным все в порядке? Ты понимаешь, что ты выздоровел?

– Я тоже так думаю, потому что я сейчас так сильно хочу увидеть эту девушку. Прямо мечтаю встретить ее снова!

...Как только Тедди сказал, что мечтает встретиться с девушкой, из-за моей спины к его лицу метнулась сверкающая золотом «шаровая молния» и закачалась, затанцевала прямо перед его головой. Если бы Тедди поднял руку, он бы мог коснуться ее пальцами...

– Я вот сейчас выйду от вас и поеду на ту станцию метро, на которой она вышла из вагона, – как-то непривычно нетерпеливо и быстро сказал Тедди. – На этой станции выходят все, кто учится в университете. Наверное, она – студентка и ехала на занятия. Может, когда занятия у нее кончатся, я ее опять увижу... Я только теперь понимаю: она на самом деле – нормальная! Просто у нее было хорошее настроение, и она искала взглядом кого-нибудь, с кем можно было бы этим настроением поделиться.

Я раньше тоже так делал. Когда-то давно, когда я еще считал себя удачливым и смелым... Тогда я всегда был в хорошем настроении и тоже не понимал тех людей, кто сидит в метро с грустным выражением лица... Я им тоже улыбался. Я тогда так любил жизнь. Как и сейчас!

Неужели у меня все прошло? Даже не верится... Можно я уже пойду? А то опоздаю... А вдруг эта девушка – моя судьба?

Божья повесть 2. Бывают же на свете такие чистые души!

Главная и Вторая Побочная тема Финала симфонии

Только по-настоящему хорошая женщина способна свершить по-настоящему глупый поступок.

О. Уайльд

Энергетическая «паранджа» перед лицом Саманты на самом деле была намного больше по размеру, чем казалась. Мне понадобилось сделать несколько попыток, прежде чем удалось создать такую большую Сферу царя Соломона с энергией Любви к Жизни, чтобы это отвратительное серо-коричневое энергообразование полностью поместилось у нее внутри.

Как только Сфера царя Соломона со всех сторон охватила грубые вибрационные переплетения, закрывающие лицо Саманты, внутри нее стали происходить невероятные *энергетические события*.

Сначала почти незаметно, а затем все сильнее и сильнее «паранджа» стала рваться на куски. На первых порах – на большие, неровные квадраты, а потом на все более мелкие кусочки. Когда кусочки были разорваны практически в пыль, повторилось все, что я уже видел в биополе Тедди. Сфера царя Соломона завертелась, засветилась, как маленькая шаровая молния, и вознеслась под потолок. Вот только свет из нее полился не золотой, а голубовато-розовый... Я решил ничего нового не придумывать:

– Скажи мне, Саманта, за что ты так ненавидишь свою жизнь?

– Почему вы меня об этом спрашиваете? – каким-то ненатурально удивленным голосом спросила Саманта. Ее удивлению я не поверил. Оно было явно притворным.

– Потому что о твоей ненависти к жизни я прочитал в твоей ауре.

– А-а-а... – протянула Саманта. Тяжело вздохнула. Но глаза не открыла. – Можно я не буду сейчас говорить с вами? Мне так не хочется останавливаться. Энергия такая хорошая. Хорошая. Светлая. Я еще никогда не видела у себя перед закрытыми глазами такие красивые яркие, просто солнечные краски. Голубые, розовые, синие, даже оранжевые... Все, что я вижу, еще и вращается, и впитывается в середину... Там в самом центре моего экрана мерцает, светится какая-то... звездочка, что ли... И все краски и цветовые волны устремляются в эту самую серебряную звездочку, а она от этого наполняется, будто разбухает, и становится все больше и больше...

Мне сейчас так хорошо, спокойно внутри... Так же, как в детстве, когда я, совсем еще маленькая девочка, мечтала стать певицей. Потому что я была уверена, что поющие артисты могут много путешествовать. Я и сейчас люблю посещать другие страны... и петь тоже. Я и с мужем познакомилась в одной из таких поездок. Он любит путешествовать еще больше, чем я... и ему нравится, как я пою.

– О, какая у тебя хорошая мечта. Я тоже больше всего на свете люблю петь и путешествовать, – сказал я. – Саманта, как ты уже догадываешься, можно одновременно продолжать находиться в состоянии Интуитивной Активной Медитации, получать энергию, которая тебе сегодня так нравится, и говорить со мной. Не бойся! Смелее! Энергия тебя не покинет. Все, что ты сейчас чувствуешь, и все, что с тобой происходит, – не прекратится и никуда не исчезнет.

Голова Саманты плавно и очень медленно кружилась вокруг своей оси по очень небольшому кругу направо. Я видел, как излучаемая мною фиолетово-зеленая энергия, широким, хочется сказать – «полноводным» – потоком наполняла ауру Саманты.

В этот поток вливался светлый ручеек голубовато-розовой энергии, льющейся прямо в закрытые глаза Саманты из энергетической шаровой молнии, что продолжала гореть и сиять у самого потолка.

– Вы спросили меня, за что я ненавижу свою жизнь? Я не думаю, что вы правильно прочитали то, что написано у меня в ауре. Я свою жизнь, скорее всего... очень боюсь. Ненависть – это слишком сильно для меня. Я такая слабая... безвольная. Я такая плохая... такая... Такая скверная, дурная, глупая, нехорошая!

– За что же человек может сам себя называть плохим? За какие грехи?

– Вы же там... в моей ауре все можете прочитать. Зачем вы спрашиваете?

– О твоих грехах в ауре ничего не написано. Вот только может быть об одном из них... и вправду что-то такое есть, что можно считать записью о грехе. Я пока смог только прочитать о том, что ты когда-то хотела добровольно уйти из жизни... – сказал я как можно тише.

Мне стало отчего-то очень страшно. В воздухе что-то такое вибрировало, дышало, даже постанывало...

– Странно... Неужели это до сих пор видно? Это уже было давно. Я же все это отменила тогда...

– В ауре записывается все самое важное, как в древних исторических летописях, – еще тише сказал я.

– Ну, что ж... Это правда, – так же тихо начала говорить Саманта. – Я действительно несколько раз в своей жизни решалась на... самоубийство. Я думала, что только так можно будет избавиться от чувства вины. Один раз даже попыталась это сделать. Хотя... ничего у меня не вышло. Я сильно испугалась тогда... самой себя и того, что будет со мной. Уже после пятой проглоченной таблетки я побежала в ванную комнату, чтобы успеть избавиться от того... лишнего снотворного, что успела принять.

– Сколько тебе тогда было лет, Саманта?

– Я была уже очень большая девочка... Тридцать три года мне было, когда я все поняла про себя и про свою жизнь.

– И что же ты такого ужасного поняла? Прости меня, пожалуйста, но я спрашиваю об этом не из праздного любопытства. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Я понимаю. Я сейчас отчего-то очень легко могу говорить об этом. Никто об этом еще не знает. Даже мои родители и даже мой муж. Вы будете первым человеком. Я еще вчера решила именно вам обо всем рассказать. Я очень плохая, потому что именно я стала причиной того, что один, пусть даже и очень нехороший, человек стал калекой... Калекой на всю жизнь.

– Как это произошло? Ты кого-то случайно толкнула под колеса автомобиля? Или сама задавила какого-нибудь случайного прохожего?

– Можно сказать и так. Хотя я никогда не водила машину. У меня на это нет прав. А вот право на то, чтобы из-за меня кто-то очень сильно пострадал, у меня было. Вернее, я думала, что у меня есть на это право...

– Ты хочешь, чтобы я сейчас поверил в то, что ты наняла профессионального убийцу? Никогда в это не поверю!

– Нет. Что вы? Я никого не нанимала. Все произошло как бы само собой. Никто ни о чем не догадался. Но я то знаю, что *это* сделала я!

– Что же ты сделала, Саманта?

– Я очень сильно захотела, чтобы Бог наказал этого человека.

– За что?

– Этот человек был партнером моего отца по бизнесу. Он украл все деньги со счета компании и сбежал. Папа так сильно переживал, что у него случился инфаркт, и он тогда долго-долго лежал в больнице. Врачи говорили мне, что он вряд ли выживет... Еще они говорили, что он не хочет жить, потому что очень обижается на несправедливость того, что сделал его партнер. Я им поверила, потому что папа мой действительно именно такой человек. Он от рождения наделен обостренным чувством справедливости.

У него в бизнесе было еще три партнера. Ни один из них так сильно не переживал. Никто не довел себя до инфаркта. А мой папа даже сейчас, после всего, что с ним случилось, уже два раза вмешивался в уличную драку... Защищал там кого-то... Кажется у маленького мальчика хотели отобрать портфель или деньги, не помню, а во второй раз – мой папа вмешался в обычную драку между подростками... его просто возмутило то, что четверо избивали одного... Такой вот он у меня борец. Рыцарь справедливости.

– Так что же ты все-таки сделала, Саманта? Я не понимаю. Что это значит – «я сильно хотела наказания для одного человека»?

...Мне по-прежнему было не по себе. В горле сильно першило, и прямо из сердца вверх поднимался тяжело перекачивающийся, сильно сжатый комочек какой-то необычной... растроганности и жалости.

То, что вибрировало в воздухе, начало дышать громче и стонать уже почти в полный голос.

– То и значит. Тот папин партнер убежал недалеко. Всего лишь на другой конец города. Он как-то так все сделал, что все документы на бизнес и на взятые им деньги юридически были оформлены правильно. Папа в чем-то там

ошибся, и тот воспользовался папиной доверчивостью. Они там что-то продали и должны были что-то купить. Да не успели. Деньги были большие... Такие же большие, как папин инфаркт. Я не знаю, как вы догадались об автомобильной аварии... Но это и вправду была автокатастрофа.

– Я этого и сам не знаю, Саманта. Я просто верю моей интуиции. Честно говоря, в твоей ауре ничего об автомобильной аварии не написано.

– А я вот своей интуиции не верю... Вернее, не верила раньше. До встречи с вами. Мне сейчас так хорошо. Тело мое просто поет... Мне так легко и тепло внутри. Знаете, как это трудно все время носить такое стыдное и страшное глубоко в себе и не иметь права никому об этом рассказать? Так это хорошо, что я сейчас могу говорить об этом. Я так долго об этом мечтала...

Шаровая молния голубым, праздничным воздушным шаром пронеслась от потолка комнаты к лицу Саманты и закачалась, затанцевала перед ее лбом на расстоянии вытянутой руки.

Я уже ничему не удивлялся. Я уже догадывался обо всем, о чем Саманта собиралась мне рассказать...

Бывают же на свете такие чистые души!

– Говори Саманта, говори...

– Его привезли в ту же самую больницу, где лежал мой папа. Он ехал ночью на машине и разбился. Он был сильно пьян и не справился с управлением. Когда я его увидела там... я поняла, что это сделала я.

– Саманта... По-моему ты заблуждаешься. Теперь я понимаю, что ты – на самом деле, ничего не сделала! Ты только...

– Да. Я только сильно просила Бога наказать его! И Бог сделал это! По моей просьбе! Я знаю, что он разбился из-за меня.....

– Ты сказала, что у папы было еще три партнера... Ты думаешь, что они не просили Бога о наказании для предателя, афериста и обманщика, который так подло с ними поступил?

– Наверное, просили. Не знаю... Одним из этих трех партнеров была жена этого подлеца. Он и ее обманул. У него, оказывается, была молодая любовница, и он все это сделал ради нее.

– Саманта!

– Да.

– Ты можешь мне сейчас поверить?

– Да. Я могу. Я очень хочу вам верить...

– Твоей вины в этом нет. Я посмотрел сейчас на ауру жены этого человека. В ней действительно есть следы преступных мыслей о возмездии за двойное предательство, совершенное ее мужем. Твоя просьба была слишком неконкретна. Она противоречит всем добрым свойствам твоей личности.

Твое чувство обиды за оскорбленную честь отца было не таким сильным, как страшное, злое чувство мести обманутой жены и партнера по бизнесу. Может быть, твое желание и было небольшим добавлением, но... оно... тогда не решало ничего. У женщины, чью ауру я сейчас смотрю, очень сильная воля и железный характер. Она считала себя вправе на назначение **возмездия** мужу. Для нее это было двойное предательство. Он ее предал и как жену, и как партнера по бизнесу...

– Удивительно откуда вы можете знать про характер этой женщины, но это правда. Деньги тогда пропали. Но эта женщина не дала папиному бизнесу разориться до конца. Именно она нашла место, где можно было тогда взять большие деньги в кредит. Она настоящая бизнес-леди. Папа и сейчас с ней работает. Они смогли все вместе справиться с ситуацией.

А я вот не смогла... справиться с собственными чувствами. Меня все это время... все эти пять лет, мучает совесть!

– Саманта, твоя совесть может быть спокойна. На тебе нет никакого греха.

– Вы уверены в этом? Дело же теперь совсем не во мне... Я верю, что за все надо платить. Я все время боюсь, что с моими близкими людьми может что-то случиться... Когда маме делали операцию, я просто дрожала от страха! Для

меня подобные события всегда выглядят... каким-то предупреждением. Предупреждением свыше! Партнер папы наказан. Он сейчас не может ходить, он прикован к инвалидной коляске... И все из-за меня!

Мне страшно! Мне все время кажется, что папа, мама и мой муж... в опасности!

Когда я просила о наказании для папиного партнера, я ни о ком не думала, кроме самой себя... Тогда я была очень сильно разгневана тем, что он посмел сделать, и просто бесилась, от того, что ничего не могу придумать, чтобы спасти моего папу от инфаркта и банкротства...

Вот и сделала. Добилась своего... Теперь я живу в постоянной тревоге за папу, маму и мужа. За все надо платить!

Я все время боюсь, что они или заболеют, или попадут под машину, или упадут с лестницы, или... да мало ли что с ними может случиться! Они все такие... неосторожные...

А я? Я такая глупая! Я такая злая, такая жуткая эгоистка... такая, такая... Если с ними... из-за меня... вернее, из-за того, что я тогда так просила Бога... о плохом... если с ними случится что-то непоправимое... то это произойдет только потому, что я... буду... таким образом... наказана! Что я наделала! Зачем я пожелала зла другому человеку?! Такое не прощается!

– Саманта, ты удивительный человек. Твоему мужу очень повезло, что он тебя встретил.

– Он мне тоже так всегда говорит.

Волнение в воздухе улеглось. То, что стонало и дышало, успокоилось... будто, наконец, смогло вздохнуть полной грудью.

– Настоящие мужчины это всегда понимают. Такие женщины, как ты – большая редкость сегодня. Не бойся, Саманта. С твоим мужем и с твоими родителями никогда ничего плохого не случится.

– Откуда вы это знаете? Их не накажут из-за меня? Я же хотела... я же просила... для другого человека смерти...

– И сама чуть было не лишила себя жизни... Все так неправильно. Все так нелогично. Ты понимаешь, Саманта, как ты еще наивна, хоть тебе уже давно не пятнадцать лет... и насколько ты еще ничего не знаешь о том, о чем сейчас говоришь с такой уверенностью?

Саманта открыла глаза. Они были полны слез...

Она смущенно улыбалась и смотрела на меня с какой-то детской, наивной надеждой... Вот сейчас я расскажу ей все... Вот сейчас Саманта узнает настоящую правду...

– Я не могу вам не верить. Вы все так правильно говорите. Вы не угадываете – вы знаете! Я раньше не верила в такое... Я думала, что мысли человека читать нельзя...

– Саманта! Еще раз говорю тебе! С твоим мужем ничего плохого не может случиться. Он абсолютно защищен от зла!

– Как это? Чем защищен? И кем?

– Тобой и твоей любовью!

– Если я буду всегда его любить... тогда... с ним и вправду...

– Да! Если ты будешь его любить, с ним никогда ничего плохого не случится!

– Я вам верю. Я давно сама догадывалась об этом. Просто никак не могла себя уговорить и перестать волноваться за его здоровье.

– Так перестань зря тревожиться! Прекрати мучить себя и его. Твоя совесть абсолютно чиста. Нет на свете ничего сильнее такой любви, какая есть у тебя. Она все очищает, все и всем прощает! Всех и всегда защищает! Я же вижу, как сильно ты любишь своего мужа... и все это видят и знают!

– Это правда. Я его действительно очень сильно люблю. Он такой хороший!

Воздух в комнате был на редкость свеж и спокоен. Неужели еще несколько минут назад здесь что-то сильно стонало и взволнованно дышало?

Я знал, что Саманта очень скоро будет абсолютно здорова. Тому порукой была голубовато-розовая шаровая молния, безмятежно качающаяся и весело танцующая у нее надо лбом.

На расстоянии вытянутой руки Саманты.

Боже, как хорошо, что на свете есть такие чистые души!

Я был счастлив... Я уже начал догадываться о том, что это за энергия сейчас освещает лицо Саманты добрым, сказочно-прекрасным, голубым и розовым светом... Светом мечты!

Божья повесть 3. Температура души

Главная и Третья Побочная тема Финала симфонии

Всегда кажется, что нас любят за то, что мы хороши.

*А не догадываемся, что любят нас оттого,
что хороши те, кто нас любит.*

Лев Толстой

Энергетическая вуаль, наброшенная депрессией на лицо Эмили, не поддавалась ни одной из всех создаваемых мною сфер царя Соломона. Это хитроумное порождение зла было очень прочным!

Изящное сплетение энергетических тончайших силовых линий с торричеллиевыми пустотами-дырками в местах их пересечений только выглядело, вернее, притворялось кокетливой женской вуалью... Оно было злобно, упрямо и легко игнорировало все мои энергетические попытки снять, растворить или разорвать эту прочнейшую сеть-капкан, сотканную ее скрытой от всех депрессией. Я понимал, что Эмили бьется в этом капкане, как птичка, попавшаяся в сети злого и жестокого птицелова.

А может, это я вижу, как ее душа попала в сети дьявола? Он же известный душе-лов, душе-губ, душе-соблазнитель... Я это знаю!

Хотя... Я всем и всегда говорю, что дьявола не существует. Как не существует темноты, потому что она – результат отсутствия света... Как не существует холода, потому что холод – есть понижение уровня тепла... Так не существует и дьявола...

Дьявол – это отсутствие Бога в душе человека...

Редко кто задумывается над тем, что температура воздуха, скажем для примера, минус двадцать градусов – это совсем не то, что мы думаем. «Минус двадцать» означает не измерение степени холода за окном нашего дома... Эта температура означает, что тепла за окном очень мало, и его количество мы условно называем «минус двадцать градусов»!

Измерить можно только тепло, а не холод! Вот сколько тепла – столько и градусов.

Измерить можно только добро, а не зло! Вот сколько добра – столько и человечности в человеке.

Побил, но не до смерти, ограбил, но не до конца, на хлеб и на проезд в метро оставил и документы подбросил в почтовый ящик... Бывает такое. И чаще, чем мы думаем.

Можно сказать, что у такого грабителя – температура души еще не равна абсолютному нулю... Душа в нем еще хоть как-то, но все же **теплится**... Живет он при температуре души – ну, скажем, минус пять градусов... А это все-таки такая температура, когда уже холодно, но пальцы и нос – еще не отморозишь...

Боль в плече все еще мучила Эмили... Хотя я уже не очень ей верил. Вуаль – вуалью, но я уже слишком давно научился справляться с такими не очень серьезными, как у нее, физическими проблемами. Душевная боль – куда как сложнее...

Эмили оказалась самой упрямой и скрытной. Мне никак не удавалось вызвать ее на откровенный разговор. Я был почти уверен в том, что Эмили продолжала принимать мою энергетическую помощь по другим причинам. И совсем не из-за боли, наверное, уже мнимой... Что-то она все время не договаривала, утаивала, скрывала... Я постоянно ловил на себе ее испытующий взгляд, когда она думала, что я чем-то занят, отвлекся и не смогу заметить то, *как* она на меня смотрит. Во взгляде Эмили было все перемешано: и испуг, и надежда, и недоверие... и что-то еще... что я никак не мог определить.

Единственное, что радовало, так это то, что Эмили перестала притворяться. Она уже не старалась казаться бодрой и веселой. Она поверила мне, а может, просто привыкла. Не знаю... Она все больше времени была естественной в общении со мной и перестала скрывать свою усталость, грусть и отчаяние под маской улыбочивой безмятежности. Она теперь была согласна со мной в том, что у нее – самая настоящая депрессия.

Вот только все еще уверяла меня, что не понимает причины ее возникновения... У нее все так хорошо: и муж, и дети, и новый дом, и отличная работа...

Я ждал. Потому что знаю: истина всегда сильнее обмана... И люди любят правду все-таки больше, чем ложь. Я ждал. Терпеливо. С надеждой... И дождался!

– Спасите меня, пожалуйста! Я не знаю, что мне делать!!! – Эмили влетела в мой кабинет с таким видом, будто за ней гнались гангстеры из фильма про мафию. Она не плакала, не дрожала от страха... Она просто была в полном отчаянии... – Помогите мне, если можете... Иначе я наложу на себя руки... Повешусь. Застрелюсь. Отравлюсь. Зарежусь. Брошусь под поезд... или чем там еще человек может убить самого себя?! Я так больше не могу! Это невыносимо! Так жить – больше нельзя!

– Эмили, успокойся и расскажи все по порядку, – попросил я, вставая к ней навстречу.

Я проводил ее до кресла, дал стакан воды. Подождал, когда она сделает хотя бы один глоток... И все это время чувствовал, как в воздухе вокруг меня и Эмили...

...что-то такое вибрировало, взволнованно дышало, постанывало и даже начало хрипеть, будто у этого «чего-то» было простужено горло.

«Наверное, я научился чувствовать вибрации чужого горя, – подумал я. – И во время работы с Самантой было то же самое. Горе – оно и есть горе... Оно стонет... Тяжело дышит... Даже хрипит, если ему тяжело дышать... Как человек...»

В ответ на мои мысли вибрации Горя Человеческого осмелели и застонали в полный голос, тяжело задышали, захрипели, уже никого не боясь и ничего не стесняясь.

...Все плохое началось в жизни Эмили три года назад. После того, как родилась ее младшая дочь. Муж Эмили постепенно, не сразу, но заметно изменился. Изменился по отношению к жене. Все меньше времени он уделял Эмили и все больше времени проводил с детьми... Особенно с младшей дочерью.

Эмили не сразу поняла, что чувствует себя брошенной и даже ревнует мужа к... собственной дочери. А когда поняла, что ей просто не хватает внимания... то почувствовала себя цветком, который стали поливать очень редко. То ли потому, что времени у хозяина нет, то ли потому, что рядом расцвел новый цветок... И его стали любить больше.

Все чаще Эмили замечала, как помимо ее воли, уходят от нее веселость и беззаботность, а на смену им приходит несвойственная ей грусть и даже немая тоска... Немая, потому что Эмили долго не могла найти правильные слова, которые были бы способны объяснить ей драматическую перемену, произошедшую в ее отношениях с мужем.

Тогда же все и произошло...

К тому времени пятилетний сын Эмили уже почти год тренировался в группе каратэ. Обычно мальчика сопровождал отец. В тот злополучный вечер он был занят, и на тренировку юного каратиста отвезла мама. Тогда-то Эмили впервые увидела тренера по каратэ – молодого, младше ее, высокого, атлетически сложенного, длинноволосого парня. Их взгляды встретились, и Эмили прочитала в глазах тренера неподдельное мужское восхищение. Тренер смутился... Первым отвел глаза...

В другое время Эмили не обратила бы на это никакого внимания. Она хорошо знала истинную цену таким мужским взглядам и никогда не придавала им особенного значения. Для нее всегда существовала только одна мужская оценка ее внешности – любовь мужа. Но в этот раз она почувствовала, что ей очень хочется, чтобы молодой тренер взглянул на нее – вот так... с восхищением – еще хотя бы один раз.

Тренер будто почувствовал ее желание и посмотрел в сторону Эмили с еще более откровенным восхищением... да не один раз, а десять, пятнадцать или даже двадцать раз... Эмили перестала считать его взгляды, потому что ей стало неловко.

В спортивном зале были не только дети... Сначала все мамы и бабушки, уже после второго поворота головы тренера в ее сторону, как по команде, посмотрели на Эмили, снайперски точно установив направление тренерского взгляда... А после того, как тренер взглянул на Эмили с нескрываемым восхищением в десятый раз, уже все папы и дедушки просто перестали смотреть на своих детей и внуков и не отводили глаз от Эмили, пока она не вышла из зала.

После занятия сын сказал, что тренер попросил передать маме рекламную брошюру. К брошюре была прикреплена визитная карточка.

...Тремя днями позже Эмили позвонила тренеру.

Завязался роман. Бурный, молодой, шипучий... С бурлящими в крови пузырьками удовольствия от смешанного чувства сладкого ужаса – «что я делаю, совсем с ума сошла» – и легкого, пьянящего и бездумного блаженства от чувства отмищения мужу за несправедливость ужасной, незаслуженной перемены в его поведении... Все это сопровождалось еще не очень сильным страхом: «что будет, если все откроется... надо быть очень осторожной» – который тогда, вначале, только придавал еще большую остроту необычным, опасным и одновременно радостным ощущениям.

И был стыд... Правда, он поначалу был не очень обременительным. Стыд ловко, как кровать за китайской ширмой, прятался за спасительной банальностью и детской бравадой: «ничего... не я первая, не я последняя... во всем виноват муж, не я... он сам меня к этому подтолкнул... это не будет долго продолжаться... скоро все закончится, и никто никогда ничего не узнает»...

Уже через два месяца шипучее чувство исчезло, и любовный роман стал похож на бокал шампанского, из которого к концу вечеринки сбежали все праздничные пузырьки газа. Такое шампанское больше нельзя пить, его надо безжалостно вылить...

Эмили надеялась, что расставание будет таким же легким и приятным, как и первая встреча, но... Эмили допустила одну очень грубую ошибку.

Уже во время второй встречи с тренером, проведенной наспех, в мотеле, он попросил у нее денег взаймы... Сумма была пустяковая. Эмили, не думая ни о чем, с легкостью дала деньги. И так же, продолжая ничего не понимать, делала это еще несколько раз.

Они расстались. Никаких встреч в мотеле больше не было... Вот только просьбы о небольших, теперь уже просто «дружеских» денежных ссудах, поступали регулярно, два или три раза в месяц... в течение всех этих трех лет.

Было просто невозможно не только спросить о том, намерен ли он когда-нибудь возратить долг... Эмили чувствовала, как у нее немеет язык от ужаса, когда она думала о том, что ей надо попытаться хоть раз отказать и больше никогда ничего не давать. Дело было не в деньгах! Сумма испрашиваемая «взаймы» никогда не была чрезмерно большой...

Дело было в постоянном унижении, в котором жила Эмили! Встречаясь с бывшим любовником, она должна была все время лицемерить и притворяться веселой и беззаботной.

Встреча всегда назначалась в тот же день, когда он ей звонил и просил о небольшом, но «очень срочном» одолжении... Надо было все бросать, быстро находить необходимую сумму, мчаться к условленному месту и – что было самым невыносимым – при этом еще и улыбаться, изображать легкие и дружеские отношения между двумя

очень старыми, добрыми знакомыми. Отвечать на ничего не значащие вопросы, интересоваться тем, как у него идут дела...

Внутри Эмили все бурлило от возмущения... Ей даже казалось, что во время навязанного шантажистом «светского разговора» от нее исходит пар, как от залитого водой костра... Потому что огонь справедливого негодования, обжигающий сердце, всегда мгновенно накрывался ледяной и отвратительно-пенистой океанской волной страха: «если я ему не дам сейчас денег, он всем расскажет, тогда муж узнает тоже и...»

Что будет после этого «и»... Эмили старалась не думать. Она только чувствовала, что стоит на самом краю черной пропасти, и ей страшно даже подумать о том, что надо бы заглянуть в эту бездну и узнать, что на самом деле скрывается в ее грязной и темной бездонности. Даже возможное падение в эту тьму казалось иногда менее пугающим... Эмили с замиранием сердца думала о том, что когда шантажисту надоест играть в эту, пока еще приятную для него игру, ей придется *шагнуть в эту пропасть и умереть от стыда*...

Вынужденное лицемерие обволакивало Эмили, как саван окутывал бы холодом смерти живого человека, а унижение вызывало сильнейшее чувство брезгливости! Так грязь под ногтями быстрее всего остального доводит до белого каления заложницу, связанную по рукам и ногам. Похитители держат ее в подвале без света, без... зеркала и не дают воды, чтобы умыться... Унижение грязью иногда переносится тяжелее, чем голод и жажда.

Чувство первобытного, непрекращающегося страха парализовало все мысли Эмили и больше всего походило на кошмарный сон наяву. Хотя, когда во сне снятся кошмары, то помогает одновременное осознание того, что это только сон и поэтому все ужасы обязательно исчезнут утром, при свете солнца... Чувство страха, которое смирительной рубашкой сковывало Эмили, не имело спасительного утреннего пробуждения и не могло принести облегчения ни на один миг.

И в довершение всего это еще приходилось прятать... загонять все глубже и глубже...

Все время, пока Эмили говорила, она смотрела на меня абсолютно сухими глазами. и пыталась прочесть на моем лице, что я обо всем этом думаю... Она одновременно и ждала, и боялась моего осуждения. Хотела его и надеялась на то, что я не буду ее судить. Я чувствовал это. Я молчал и на моем лице, я был уверен в этом, кроме жалости ничего нельзя было прочесть, потому что я действительно ничего, кроме жалости, к Эмили не испытывал.

– Три года прошло. Мне кажется, что и ему самому уже все это надоело, и он был бы не прочь прекратить наши ненормальные отношения. Он уже совсем не тот наглый, голодный мальчишка, ищущий самоутверждения за счет моего унижения, каким был вначале нашего знакомства. Ему уже не так сильно нужны деньги. Это я! Я не могу это остановить из-за моей слабости и бесхарактерности, – сказала Эмили и, наконец, заплакала, закрывая лицо руками.

«Все скелеты в шкафу рано или поздно обнаруживают себя. Какой нелепый скелет-секрет прятала Эмили в шкафу своей депрессии. Какая глупая история! История Анны Карениной – наоборот... – думал я. – Все шиворот-навыворот, потому что в этой истории нет ни настоящей любви, ни благородства, ни подлинной страсти, ни подъема на жертвенную высоту, ни падения... Одна только большая, никому не нужная глупость... Дьявол пролез в жизнь Эмили, воспользовавшись маленькой щелочкой ее женской мести «охладевшему» к ней мужу. Это была просто ошибка... Мсть – она и есть мсть. Маленькая ли, большая ли... она всегда – от дьявола. И если я прав, и дьявола не существует, тогда люди мстят друг другу и?..-?? з-за *отсутствия добра*... Какая жалость, что мы все порой бываем такими глупыми и злыми».

– Я понимаю, что он не такой уж и плохой, – перестала плакать Эмили, не дождавшись от меня ни слова. – За все это время ничего страшного, кроме просьб о деньгах, не произошло. И все же... Это так ужасно! Я больше не могу так жить! Мне стыдно! Больно! Обидно!

Я все время думаю о том, что мне делать, как прекратить все это нечеловеческое унижение... Я не могу работать, с трудом справляюсь с обязанностями жены и матери двоих детей. Не могу найти в себе никаких сил. Я не живу – я боюсь... *его!* Я дрожу от страха за себя... за мужа... за детей. Что будет с ними? Что будет со мной?! Я боюсь прохожих на улице, вдруг кто-то из них меня узнает, когда я с ним встречаюсь... Сегодня я должна опять бежать к

нему... с деньгами... Это так унижительно! Сумма, которую он сегодня попросил, равна стоимости заказа пиццы на дом. Я бензина больше потрачу на дорогу...

Нет! Я повешусь или брошусь под поезд... Я так больше не могу! Это невыносимо! – вернулась Эмили к тому, с чего начала.

Я понял, что должен немедленно что-то сделать. Эмили уже все сказала – повторение будет лишней тратой сил.

Я встал. Вышел в другую комнату. Быстро вернулся. Протянул Эмили телефон:

– Звони ему, прямо сейчас. Звони ему и скажи, чтобы он больше никогда к тебе не обращался и ни о чем не просил. У тебя уже нет никакого страха. Ты уже не боишься его. Я это чувствую. Это просто глупость. Такая же большая, лишенная всякого смысла глупость, как и все то, что заставило тебя это сделать!

Твой муж не изменился. Я видел его ауру и поэтому знаю, что он тебя любит. Аура твоего мужа не может обмануть меня. Изменилась твоя жизнь и ты сама. Ты для него уже не та маленькая девочка, на которой он женился когда-то. Ты для него мать его двоих детей. Он любит тебя, как взрослую женщину, и любить тебя, как маленькую дочку, он больше не может, не хочет и не будет. Проснись! Открой глаза. Это правда. У твоего мужа есть дочь. Настоящая, а не игрушечная, какой ты хочешь оставаться... Он именно ее хочет любить отцовской любовью. Твой муж не изменился. Ты ему не дочь, а жена. Это единственное, что изменило время, а не он... Звони! Прямо сейчас!

– Я не могу. У меня нет сил... У меня сейчас так болит рука и плечо, что я даже телефон не смогу удержать... И это просто невозможно сде... – начала говорить Эмили

– Можно! – не дал я договорить ей до конца. – Ты можешь! Сил у тебя много. Я с тобой. Если будет мало – я дам тебе еще больше энергии. Боль твоя сейчас пройдет. Звони. Я знаю, что он ничего тебе никогда не сделает. Ты его больше никогда не увидишь, и он тебе никогда больше не позвонит. Звони же, звони!!!

Эмили набрала номер. Плотной приложила трубку левой здоровой рукой почему-то к правому уху. Я отвернулся. Эмили начала говорить... Твердым и решительным голосом она почти точно повторила мои слова:

– Привет. Это я. Не жди меня сегодня. Не жди меня никогда! Больше мне не звони! И ни о чем не проси. Не дам! И больше никогда не буду тебя бояться!!!

Эмили прослушала короткий ответ и закончила разговор, не прощаясь.

Оставаясь в том же состоянии решимости и серьезности, с которым только что говорила с бывшим кратковременным любовником и долговременным мучителем, она протянула мне телефонную трубку:

– Неужели это все? Так просто? Отчего же я сама не могла на это решиться? Что меня удерживало? Не понимаю... Вы хотите знать, что он мне сказал? – вдруг совершенно другим, очень *взрослым* голосом спросила Эмили.

Я не сказал ни да, ни нет. Не мне было это решать...

Эмили посмотрела на меня, поняла, что я не отвечу, и приняла собственное решение:

– Он сказал мне спасибо. Потому что сам он не мог прекратить это... безобразие. Это именно то слово, которое он употребил... Он давно уже почувствовал ужас того, что происходило между нами. Сам он не мог остановить собственный садизм (он сам именно так назвал свое поведение) и все время ждал, когда это вместо него сделаю я.

– Очень хорошо. Теперь, я надеюсь, ты веришь в то, что у тебя все в порядке! У нас есть еще немного времени. Давай поработаем... – сказал я, – надо закрепить твой успех. Давай сейчас вместе – навсегда – избавимся не только от твоей боли в правой руке, но и от депрессии.

...Энергетическая вуаль перед лицом Эмили была такой же, как и прежде.

Для этого жесткого энергообразования только что состоявшийся решительный разговор с человеком, который, как думала Эмили, был причиной трехгодичного ужаса ее жизни, а на самом деле был всего лишь мелким садистом-шантажистом – еще ничего не значил...

«Как Эмили только что говорила? “Повешусь. Застрелюсь. Отравлюсь. Зарежусь. Брошусь под поезд... или чем там еще человек может убить самого себя?!”» – вспомнил я...

«Крепкое, прочное энергетическое переплетение силовых линий перед лицом Эмили только внешне похоже на вуаль. На самом деле – это сеть, в которой, как пойманные птицы, увязли мысли Эмили о самоубийстве...» – окончательно понял я.

Энергетическая вуаль Эмили – это тоже если не тюрьма, то точно – ловушка для опасной, угрожающей жизни молнии-мысли.

Такие же молнии-мысли бушевали и в ауре Криса, Тедди и Саманты...

Однако у каждого из них свое собственное здание энергетической тюрьмы. И каждая из них похожа на своего архитектора... То есть, они такие же разные, как характеры и истории жизни создателей преступных мыслей о самоубийстве.

У Тедди – это скомканный носовой платок. У Саманты – паранджа. У Криса – целая вселенная, свернутая, сжатая до размера маленького мячика для гольфа. У Эмили – это сеть дьявола-птицелова-душегуба, притворяющаяся кокетливой женской вуалью...

Мои мысли и чувства по поводу истории о скелете-секрете в шкафу депрессии Эмили, были настолько же противоречивыми, насколько противоречива была сама Эмили в своих поступках, мыслях, решениях и чувствах.

Я никого никогда не осуждаю. На это у меня нет никакого права. Каждый человек живет так, как умеет. Все мы вечные двоечники, сидящие на последней парте для отстающих учеников... Все мы учимся в общей для всех нас прекрасной и мучительной, доброй и злой, требовательной и мягкой, веселой и трагической школе жизни...

Сам не знаю почему, но я отчего-то не спешил создавать Сферу царя Соломона...

Что-то меня сдерживало... Энергия Любви к Жизни, которая уже так хорошо помогла Тедди и Саманте, тут была не нужна. Эмили и так любит... быть может, даже слишком сильно любит свою жизнь... Или она любит не столько свою жизнь, сколько себя?

Эгоистка? Инфантильная, не выросшая, почти тридцатилетняя девчонка, которую даже двое детей не заставили повзрослеть?

Все время только *мне, мне, обо мне, для меня, против меня и опять мне, мне и мне...*

И почти ничего о чувствах мужа и детей...

И при этом так мила, так хороша! Так красива и привлекательна...

Не родись красивой, а родись душевной, доброй, серьезной и ответственной за свои поступки? Но такими не рождаются – такими становятся!

Может быть, то, что случилось, заставит Эмили повзрослеть? И она начнет, наконец, думать о других уж если не больше, так хотя бы *не меньше*, чем о самой себе?

– Боже, как хорошо, – вдруг как-то очень удивленно сказала Эмили. – Что это сейчас происходит с моими руками? Мне это не кажется? Это правда? Я чувствую, что мои руки летают. Они что? Стали крыльями?..

Руки Эмили приподнялись над ее коленями и, как маленькие, самые современные дельтапланы – без всякого разгона – медленно, почти не качаясь, парили в воздухе... выписывая сложные фигуры *высшего пилотажа души...*

«Летающие, наполненные энергией руки – это символ чистой совести, – подумал я. – Интуитивная Активная Медитация так милосердна, так добра ко всем людям! Она всем и всегда возвращает энергию чистоты и возможность все начать сначала... Безгрешных людей не бывает. Мы все еще учимся – и всё еще так *плохо* учимся в школе жизни... Нам всем необходимо тысячу раз все начинать сначала... Были бы только силы... Когда же эти силы приходят, то у человека руки становятся крыльями, а душа – птицей...

– Боже, как хорошо, – опять, но теперь уже *мечтательно*, каким-то новым, *просветленным* голосом заговорила Эмили. – Неужели это все кончилось? И навсегда! Даже не верится, что все так просто. У меня внутри, будто птицы поют... и руки летают тоже, как птицы...

– Если можешь... пожалуйста, подумай о том, как ты теперь будешь жить, – сказал я, – теперь, после того, как ты освободилась от этого кошмара. Тебе есть над чем подумать... и о ком.

– О-о-о-о-о-о!!! – протянула Эмили с восторгом. – Теперь я буду летать! Жить – это слишком слабо сказано! Теперь *они* все у меня будут летать, как я. Я им устрою такую жизнь!!!

– Могу я узнать, кто эти «они»?

– Как кто? Моя семья. Теперь мой муж будет самый счастливым человеком на свете! Мои дети – будут принцем и принцессой. А муж мой – королем!!! А я – их доброй Феей из сказки...

– И что же ты собираешься делать?

– У меня прямо сейчас появилась мечта... Все эти три года я даже думать об этом не смела! Как хорошо, что весь это ужас закончился... Я теперь свободна и могу делать все! Все – что захочу! Я вдруг подумала о том, что было бы хорошо, если бы мы все вместе куда-нибудь отправились путешествовать... Все, я знаю! Я знаю, куда мы все вместе поедem! Мы поедem в Диснейленд! Я там была с мужем... давно... еще до рождения сына. Это было наше свадебное путешествие. Я помню, как он был счастлив тогда со мной. Ему все нравилось даже больше, чем мне. Он все время хотел, чтобы я каждый день говорила ему, что мне хорошо... что мне все нравится. А я капризничала, говорила, что представляла себе все это... как-то по-другому. Муж так старался... Он очень хотел сделать меня счастливой, а я все никак на это не соглашалась. Как же я была глупа тогда... Мне так нравилось, что он так старается... и все *ради меня!* Наверное, это было потому, что я была уже взрослой. Мне было почти девятнадцать.

Муж мой давно предлагал мне эту поездку, а я все отказывалась. Оправдывалась тем, что это можно сделать только тогда, когда наша младшая дочь подрастет... Боже, какой же я была эгоисткой! Как хорошо, что теперь я могу думать о таких вещах! Моей дочери уже три с половиной года – она уже большая девочка... Все! Теперь я больше не буду откладывать! Сегодня же поговорю об этом с мужем...

В Диснейленд надо ехать тогда, когда ты сама – еще ребенок... Или тогда, когда у тебя есть маленькие дети... Они, наверное, не будут такими глупыми, как я. Им там обязательно понравится... И мой муж, наконец-то, будет счастлив!

Боже, как я счастлива! У меня ничего не болит, и руки мои летают, как птицы!!!

То, что все это время вибрировало в окружающем меня воздухе... взволнованно дышало, постанывало и даже простужено хрипело... одновременно со мной вздохнуло с облегчением, и мне даже показалось, что тихонько рассмеялось...

По крайней мере, лично у меня внутри тоненькими голосами звенели и смеялись маленькие серебряные колокольчики. Их было много, больше сотни, а, быть может, и не меньше тысячи...

Энергетическая вуаль перед лицом Эмили сначала осветилась яркой вспышкой света, будто ауру Эмили кто-то решил сфотографировать. Наверное, это сама Эмили в своих мечтах превратилась в сказочную добрую Фею и уже делает снимки на память. В своих грезах о планах на будущее она уже видит, как ее дети обнимаются с Микки Маусом и просят снять их на память...

Не отлетая к потолку... не превращаясь в шаровую молнию... прямо на месте... магниевая вспышка сказочного фотоаппарата превратилась в сияющую серебряную Звезду!!!

«Я так и знал, – не с удивлением, а, лучше сказать, с удовлетворением подумал я. – Стоило только Эмили заговорить о своей мечте, как уже и без помощи моей Сферы царя Соломона, энергетическая вуаль стала тем, чем и должна была быть эта временная, вынужденно сотворенная, энергетическая тюрьма...

Сеть дьявола-птицелова-душегуба вместо тюрьмы стала – Домом Мечты! Хотя то, что я сейчас вижу, больше похоже на *Звезду Мечты*, чем на Дом... Неужели все так просто?

Если есть Мечта – то есть и вот такая энергетическая Звезда?

Если же есть ненависть к собственной жизни, пусть даже и неудачной, то картина полностью меняется?!

В голову приходят страшные, преступные мысли о сведении счетов с жизнью. И отчаявшись, человек иногда решается на самоубийство только потому, что очень хочет отомстить кому-то или наказать себя за что-то. А ничего другого... лучшего... в голову не приходит.

И вместо того, чтобы наполнять *Звезду* своей *Мечты* все новой и новой энергией, человек, по невежеству своему, сам того не создавая, создает у себя в ауре хотя и спасительную, но все же отвратительную энергетическую тюрьму для арестованной, преступной мысли о самоубийстве! Мысли о том, о чем никто и никогда не должен думать... пока жив!

Все это знают. Во всех религиях, на разные голоса, но все одинаково нетерпимо и безоговорочно говорят о самоубийстве, как о самом страшном грехе человека...

А мы все еще торгуем своей жизнью, как на базаре... Мы верим, что кто-то испугается нашего желания добровольно умереть и... *снизит цену на счастье*.

Одно дело в детстве притворяться больным, стараться, как можно дороже продать свою болезнь, и заставлять испуганных родителей купить любимому сыну или дочери желанный велосипед или куклу, а другое дело, уже став взрослым, угрожать... неизвестно кому... тем... что отнимем у себя то, что не нами дано и не нам решать...

Тот, с Кем мы пытаемся торговаться, проявил неслыханное милосердие... Он сотворил нам эту удивительную возможность – арестовывать свои же собственные преступные мысли и сажать их в энергетическую тюрьму...

И депрессия – это всего лишь малая плата за такой большой... смертный грех!

Чудны дела твои, Господи! Чудны, милосердны и добры!!!

Серебряная Звезда Мечты сияла перед лицом Эмили... на расстоянии ее вытянутой руки... И она, и я... мы вместе видели, чувствовали и даже слышали в ее лучах смех и радость детей и взрослых, которые *счастливы счастьем* друг друга!

В Диснейленде всегда так хорошо, интересно и весело... Если только взрослые и дети любят друг друга... по настоящему!

Божья повесть 4.

Невидимые слезы плачущих чакр

Главная и Четвертая Побочная тема Финала симфонии

Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое. Любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему: ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих, чтобы пребывать тебе на земле, которую Господь с клятвою обещал отцам твоим...

Deuteronomy (Второзаконие), 30

За те несколько месяцев, что я еще продолжал работать с Кристофером, большая поляна в парке, на которой я каждое утро выгуливаю моего любимого бобтейла Фредерика, освободилась от снега, успела сначала нежно зазеленеть, затем покрыться ярким ковром, сотканным из желтых цветов, и спустя примерно две недели, буквально за одну ночь, стать седой и белой. Еще совсем невысокую, бледно-зеленую траву на поляне заполнила беспорядочная и, по всей видимости, очень невоспитанная толпа пушистых белых головок одуванчиков, с не по чину заносчивым высокомерием вытягивающих вверх тонкие и гибкие шеи.

Надменные одуванчики зря так сильно спешили. Они выросли слишком скороспелыми, излишне ветреными и не в меру легкомысленными. В один прекрасный день (прекрасный для меня и моей собаки, но не для одуванчиков) налетел сильный северный ветер и унес с собой легкий пух младенческих волос со всех голов очаровательных, наивных, хотя и слишком легковесных, кичливых детей счастливой, но короткой весны.

Под сильными порывами ветра седые одуванчики в считанные минуты полностью облысели и поляна, печально качая их плешивыми головами, загрузила, провозжая уносящуюся в следующий год летучую почту семян-парашютиках.

Приходя в себя от последствий молниеносного нашествия сорняков и сокрушаясь об утрате мечты о мире добром и справедливом, уже заметно подросшая трава начала горько плакать по ночам, проливая на землю трогательно дрожащие на заостренном кончике каждой былинки, крупные, перламутровые слезы.

Вот так тайком, скрываясь ото всех, сожалея и безутешно горя, моя поляна прощалась с весной и со своим нежным, светло-зеленым детством.

Мой пес Фредерик без усталости бегал кругами по мокрой от росы поляне и утирал травяные слезы всем своим большим, добрым и лохматым телом...

Он невзлюбил спесивые одуванчики с первого же дня их нашествия на поляну. Еще до прихода северного ветра мой резвый и по молодости своей совсем еще глупый пес посшибал круглые и зыбкие шапки чуть ли не с половины поседевших одуванчиков. С каким-то необъяснимо-радостным ожесточением он топтал и вырывал одуванчики вместе с корнями и стеблями, с искренним усердием воюя с беспощадными к траве сорняками.

Времени для прогулок всегда было слишком мало. Одуванчиков (как это и положено сорнякам) было такое неисчислимое множество, и они, словно армия кочевников-завоевателей, так заполнили собой всю территорию поляны, что мой верный друг и благородный защитник слабых и обиженных отчаянно спешил. Спасая притесняемую сорняками траву, он гневался, неустанно лаял, рычал и азартно сваливал вражьи головы наземь отнюдь не в переносном, а в самом наипрямом смысле.

Я же чувствовал себя чересчур осторожным оруженосцем, зачем-то удерживающим, пусть и на длинном поводке, настоящего рыцаря-освободителя...

Бобтейл Фредерик, без всяких надежд на победу неустанно воюющий с сорняками, напомнил мне Дон Кихота, который точно так же ни о чем другом не думая, повиновался чувству священного возмездия, когда боролся, никого не побеждая, с ветряными мельницами.

Постепенно темнея под лучами жаркого летнего солнца и мощными струями непродолжительных, но обильных и блистающих молниями летних дождей, зеленая трава на поляне стремительно потянулась вверх, жадно вбирая в себя жизненную силу солнца, неба и земли. Уже через неделю трава стала изумрудно-зеленой и переросла лысые останки некогда гордых одуванчиков. Трава возмужала, стала густой, сочной, терпко пахнущей разогретой на солнце зеленью, уверенной в себе... и очень взрослой.

...Проседев в черных волосах Кристофера постоянно напоминала мне о наших с Фредериком утренних прогулках.

Я так хотел, чтобы зловерные сорняки седых волос на голове Криса оказались столь же непрочными, как и белые шапки одуванчиков! Конечно же, я не прыгал и не бегал кругами по ауре Кристофера, как мой пес по поляне, но не менее азартно, чем Фредерик, я сражался с энергетическими сорняками-мыслями Кристофера и утирал платком милосердных вибраций моего энергетического целебного луча *невидимые слезы его плачущих чакр*.

Мне хотелось успокоить ауру Кристофера точно так же, как Фредерику было важно утешить скорбящую по ночам траву.

И если слезы травы – это лишь метафора росы, то чакры Кристофера плакали по-настоящему. Из дня в день они продолжали терять драгоценную энергию, обреченно содрогаясь в разрушительных вибрациях горя...

После двадцать второго июня, самого долгого дня и самой короткой ночи лета наша с Фредериком поляна стала заметно старше. Переживая удлинение ночи, словно человек, вошедший в опасное время кризиса среднего возраста, поляна вновь поседела, покрывшись густыми белыми прядями расцветшего клевера.

В этот раз мой пес повел себя совершенно иначе. Он не лаял и не рычал на клевер, хотя, на мой непонятливый взгляд – это был всего лишь еще один сорняк, который не должен был бы здесь расти. Едва ступив на поляну, катастрофически быстро заросшую клевером, Фредерик остановился... Нервно, как-то по-человечески взволнованно понюхал воздух, шумно втягивая в себя почти неощутимые для меня запахи поляны и... вдруг абсолютно внезапно сорвался с места. Он вприпрыжку перебежал с одного края поляны на другой. Закрутился на месте, будто пытаясь догнать собственный короткий хвост. Замер в непонятной для меня охотничьей стойке. И снова побежал вперед, потом кругу... без видимой цели и смысла.

В самый неожиданный момент Фредерик внезапно, будто обнаружив то, что так долго и тщательно искал, остановился на мгновение и со всего размаха упал на землю. И долго-долго... с наслаждением и блаженством, буквально лучащимся из его счастливых глаз, терся спиной о смятую им траву и клевер и неуклюже, очень смешно и по-щенячьи трогательно, быстро-быстро перебирал в воздухе всеми своими четырьмя лапами.

Все те же самые действия Фредерик повторял несколько дней подряд, и я все время безуспешно пытался объяснить себе его поведение. Когда же наступило то благословенное утро (это утро я буду помнить долго и долго и, наверное, никогда не забуду) мне самому неудержимо захотелось повторить все, что делал мой, как выяснилось, самый умный и чуткий пес на свете... В то утро я понял, что Фредерик намного раньше меня догадался о том, **что** в действительности происходило на поляне.

...Было так рассветно-рано, что солнце, едва оттолкнувшись от горизонта, еще только-только начало золотить лучами листву парковых деревьев и взбираться вверх по розово-голубому, витражно-прозрачному куполу безоблачного неба.

Мы подошли к поляне, и я увидел, что над всей ее немалой территорией зависло большое (выше человеческого роста), идеально овальное, плотное, слегка клубящееся серебряно-белое облако тумана... Словно это был и не туман вовсе, а прилетевший из другой галактики космический корабль инопланетян.

Фредерик первым смело ступил на поляну и сразу же пропал из виду.

...Будто инопланетяне действительно взяли его на борт своего корабля.

Я пошел следом за ним, с головой окунувшись в молочно-белую, текуче-густую, волглую, ни с чем не сравнимую облачную непроглядность и замер в охотничьей стойке, повинувшись внезапно проснувшемуся во мне древнему инстинкту...

Облако полностью состояло **из запаха**.

Туман был не просто конденсацией пара и влаги. Он был концентрированным, буквально материализованным смещением сладко-ласкового медового запаха нежных цветов клевера и горького аромата взрослой терпкости **духа** зеленой травы.

Союз запахов травы и только что проклюнувшихся цветов клевера был живым: запах дышал полной грудью и то усиливался... приближаясь, то слабел... отдаваясь. Было такое впечатление, будто все это происходит потому, что запахи плывут в большой облачной лодке и блаженно покачиваются на зыбких волнах ставшего безбрежным тумана.

Отсутствие какой-либо видимой пространственной границы между туманом и остальным миром было таким неожиданным и таким значительным для меня чувством, что запахи поляны отделили, будто отрезали, мое пришедшее в восторг сознание от обыденной реальности, и заставили меня – без всякого перехода или подготовки – **воспарить** в чувство вселенской **огромности** происходящего таинства... У меня не возникло тогда (и не возникает сейчас) другого сравнения для того, чтобы точнее определить этот запах.

Это был аромат любви!

Да, теперь я знаю, что именно так пахнет любовь...

И я знаю, что совсем *не случайно* именно в это утро поляна укрылась от нескромных взоров непроницаемым облаком тумана, а я был лишен возможности смотреть и видеть.

Потому что любовь – это событие!

Событие глубоко интимное и тайное. Никому не разрешено было открыто наблюдать за тем, что происходило в то утро между влюбленными друг в друга травой и клевером.

Любовной тайной стало все, кроме аромата!

Какой сказочный букет, составленный из десятков благозвучнейших и тончайших обертонов аромата любовного туманного напитка – романса звуков было разлито в воздухе. Я ощущал и каждый запах в отдельности, и их удивительное слияние в общем *страстном объятии* единого благоухания...

Все в этом мире – вибрация!

И цвет... И запах... И прикосновение... И вкус... И звук... И любовь!

Я подумал, что больше всего это благоухание напоминает мне музыку, у которой отдельные ноты, ничего не значащие сами по себе, соединяясь вместе, рождают *мелодию*. Нежнейшие звуки божественного «Вокализа» Рахманинова вспомнились мне сами собой, и я чуть слышно пропел вслух несколько первых нот гениальной «песни без слов»...

И сразу же почувствовал, что туману это не нравится.

Белое марево прикоснулось ко мне бархатными пальчиками, ласково погладило меня по волосам, прошлось по лбу, щекам... и чуть надавило на губы.

Облако просило тишины. Туман хотел, чтобы я услышал *другую* музыку.

Я остановил свое неумелое пение, прислушался... и ощутил буквально всем своим телом вибрации туманно-белых звуков многоголосого *хорала* облачного запаха.

Я слышал музыку, рожденную ароматом любви.

...Высокие скрипичные ноты протяжного легато невесомых вибраций воздушной свежести нектарного запаха лепестков расцветшего клевера – тонко-тонко, тоньше комариного писка – звенели у самых моих ушей под аккомпанемент басовой трепещущей струны вязкого *попынного* аромата некошенной травы, который деликатно поддерживал и бережно обрамлял собой божественную гармонию ангельских звуков.

...Серебряное стаккато легкого перестука звонких колокольчиков, поначалу совершенно неразличимое, звучало нежнейшим контрапунктом к совместной мелодии травы и клевера. Мне пришлось долго вслушиваться, пока я смог осознать, что это брызги маленьких и веселых ноток падающей на землю росы вот так – отчетливо и громко – *стучат* в мои виски. Будто это вовсе не невесомая роса, а большие капли дождя барабанят в оконное стекло.

...В оркестре прибавилось инструментов. Откуда-то из самой середины облака возникла нежнейшая побочная тема *Симфонии Туманных Запахов...* И стало слышно как флейта наэлектризованной *кислилки* воздушного озона, поющего почти ультразвуковым по высоте, тонким мальчишеским фальцетом – подобно кедровому орешку, вложенному во внутрь вишни, – делает звуки сурдинки медных труб блаженного ладана тумана – еще звонче, вкуснее и душистее... У меня в груди, прямо в сердце что-то слабо запело и тихо-тихо заблагоухало, и я со священным трепетом узнал *звуки* аромата своей собственной души.

Уже очень давно, с самого детства этот звучный *громкий* аромат кружит мне голову в моих лучших, самых цветных и счастливых снах...

Солнечные лучи проникли, наконец, в толщу тумана. Облачная дымка вокруг меня поредела. Ее монохромный молочно-белый цвет приобрел нежнейший абрикосовый оттенок. Прохладный и бодрый озон (или, как вернее было бы его назвать, – *трёхатомная молекула кислорода*, потому что она и есть то, что мы для краткости речи называем «озоном») приобрел такую пронзительную и звонкую свежесть, что в сильно прореженном, наэлектризованном воздухе стало слышно звучание других голосов-ароматов прекрасного утра.

...Душистые голоса травы, клевера и моей души тонули, как в озерной заводии, в тихом-тихом, не столько слышимом, сколько угадываемом шелесте тамбуринов *запах молодой листвы* деревьев, растущих по краям поляны.

...Хорошо различимые диссонансные аккорды хвойной горечи испарений *духа* сырой земли, острыми иголочками колющие мой нос, щеки и сердце, находили высшее гармоническое разрешение в больших, нежнейших по исполнению, мажорных терциях медового запаха оркестра – всё и всех примиряющего облака тумана.

Тихая мелодия зеленого ароматного оркестра расширилась, зазвучала громче и радостнее. Все голоса поющих запахов и ароматных звуков слились в гармоническое совершенство, и я смог, наконец, почувствовать и услышать невозможное...

Я буквально физически почувствовал, как в легком утреннем ветерке слышится волшебное, невероятно *вкусное* и акустически мощное *эхо* всего огромного неба... Его высокий церковный купол по-ученически старательно повторял и отражал в своей многокилометровой вышине отголоски всех ароматных звуков тумана. Небо, замирая от восторга, так же как и я, пыталось запомнить и повторить все звуки божественно-прекрасного утра.

И все вместе – это была музыка звучащего *запах*! И все вместе – это была мелодия поющего *аромата*! Как можно было бы назвать все это другим словом – мне неизвестно...

Любовь... Только Любовь!!!

Ветерок подул сильнее... и мягкие, шелковые руки тумана обняли меня за плечи, плавно качнули из стороны в сторону, закружили на месте... Это был танец!

Мой и тумана танец под музыку аромата поющего утра.

Я услышал рядом с собой шумное дыхание моего пса. Фредерик тоже качался и кружился недалеко от моих ног. Аромат благоухания любви и его заставил слушать музыку запахов поляны и исполнять танец любви – по-собачьи.

Я подумал о том, что мой пес во много раз лучше меня может чувствовать бесчисленные оттенки запахов, звуков и ароматов... и позавидовал ему самой белой завистью на свете. Досада по поводу более совершенного обоняния моей собаки заставила вспомнить о том, что и я тоже кое-что могу... Я могу посмотреть сквозь непроницаемый для глаз туман *другим зрением!*

Мир вокруг меня преобразился. Другое зрение «зажглось» во мне по первому же зову. Как громкая, так и тихая слышимость запахов божественного утра оказалась пусть и прекрасной, но все же совсем неполной материализацией видимой и слышимой части того вибрационно-энергетического тайфуна, что на самом деле бушевал внутри облака тумана над поляной.

...Вокруг меня сверху-вниз лились прямые, как стрела, и мощные, как летний ливень, энергетические потоки синего, желтого, голубого и сиреневого... и такого же прерывистого, как мое восторженное дыхание, *трассирующего сияния*.

...Ему навстречу возносились снизу-вверх и стремительно закручивались по спирали *вихри* изумрудно-зеленого и апельсинно-оранжевого света. Круговерти восходящих спиральных цветных вихрей и нисходящих прямолинейных световых потоков проникали друг в друга, огибали один другой, сталкивались, обнимались, клубились, крутились, вонзались в землю у моих ног... И воспаряли вверх, уносясь в испещренное темно-фиолетовыми полосами ярко синие, будто *штормящие* небеса, подсвечиваемые зелеными и золотыми языками пламени совместного пожара своих собственных бурных эмоций и энергетического благоухания аромата любви.

...Моя собственная аура соединилась с энергией тумана и настолько расширилась и раздвинулась, что я перестал видеть ее границы. Около каждой из моих чакр проявился и закружился полупрозрачный пар энергетического цветного дыхания. Не я один сейчас жадно вдыхал в свои расширившиеся легкие энергию звучания аромата и запаха музыки любви: мои чакры – вместе со мной – дышали, глотали, только что не захлебывались от восхищения, впитывая бесценную, редчайшую *живую* энергию.

Да что там мои чакры! Само Солнце надо мной с наслаждением насыщалось и *кормилось* вибрациями, звуками, вкусом и запахами чувства любви редчайшей, необыкновенной силы...

Когда я в полной мере насытился зрелищем того, что на самом деле происходило на поляне... Когда я полностью пропитался энергетическими вибрациями всего того, что видел, чувствовал, вкушал и слышал *другим* зрением, *другим* слухом и всеми остальными моими *другими* чувствами... Тогда я *позволил* своей душе стать полностью свободной!

И она, моя созданная по самому великому «образу и подобию» душа, овеваемая всеми мыслимыми и немыслимыми энергетическими ветрами, волнами, звуками и запахами аромата любви, помогла моему физическому телу *взойти* в высшее состояние *Интуитивной Активной Медитации*!

Тело мое стало ощущаться по-великански огромным и захотело стать бесконечным. Я увидел, как восходящие и нисходящие бурные потоки энергии, пронизывающие облако тумана, заполняют собой мои «янские», текущие сверху-вниз, и «иньские», поднимающиеся снизу-вверх, китайские меридианы. Руки мои сами собой поднялись вверх... И мне показалось... будто они удлиннились до такой степени, что теперь я смогу, если захочу, обнять все облако. Целиком! Да что там облако...

Я! Сейчас! Могу! Своими руками! Обхватить! Все небо! От края! До края!!!

Голова моя наполнилась энергией и... загудела, запела, закружилась, потянулась вверх и, словно став невесомой, почти отделяясь, теряя связь с шеей, медленно-медленно закачалась, словно легкий-легкий воздушный шар на тонкой ниточке, мечтающий улететь далеко-далеко в синее, бездонное небо.

Я на какое-то время выпал из земной реальности... Я соединился с *реальностью небесной* и почувствовал, что не только мой и тумана танец под музыку громких и тихих запахов поющего утра преобразился в *процесс получения* невероятной, прекраснейшей, удивительной энергии аромата любви... Весь окружающий меня мир приподнялся над самим собой и *взошел* в сказочное, волшебное, мистическое, таинственное, абсолютно естественное, природное, целительное *состояние* «I AM»... Для человека – это есть высшее интуитивное, активное и медитативное *состояние* ничем не ограниченного получения живой, *божественной* энергии.

Я мысленно возблагодарил Создателя этого мира за ту красоту, которую я сейчас видел обычным и *другим* зрением, и за все то, что я слышал, вдыхал, вкушал, чувствовал каждой клеточкой и всеми нервными окончаниями моего тела и осознавал всеми высшими свойствами моей души.

У меня выступили невольные слезы на глазах. Сердце наполнилось сильнейшим чувством признательности миру, природе, моей *божественной* душе и моему *ангелоподобному* телу.

Чувство причастности к поющим запахам травы, клевера, тумана, солнца, ветра, деревьев и птиц и безмерная благодарность жизнетворящим вихрям вибраций и потокам энергии света и тепла сделала меня таким смелым, что я дерзнул сделать то, на что обычно у меня не хватает решимости и духа.

Я начал просить Бога об исполнении моего самого заветного, самого дорогого желания.

Я хочу, чтобы я смог помочь всем одиноким людям – пусть все они найдут себе друзей! Я хочу, чтобы я смог помочь каждому, кто несчастен – пусть всякий человек найдет свое счастье! Я хочу, чтобы именно я смог помочь каждому, кто болеет – пусть он выздоровеет!! И пусть все они узнают и почувствуют, что – на самом деле – они больше не одиноки в этом мире!!!

Я и моя собака еще очень долго и счастливо качались на месте, кружились и без всякой цели бродили по поляне. Мы танцевали, блуждали в тумане и *активно медитировали*, подчиняясь велению *интуиции*... до тех пор, пока солнце наступившего обыденного дня не заставило облако окончательно растаять. Туман рассеялся, воспарил и исчез... но *запах любви* от прямого солнечного тепла и света только усилился.

Любовь живет и растет в тепле и при свете. В холоде и темноте она не может пахнуть клеверным медом и звучать травяной, зеленой песней без слов.

...На следующее утро мы с Фредериком подошли к поляне и увидели, что трава и клевер еще со вчерашнего вечера коротко пострижены. Для длинных стеблей травы это было всего лишь очередным «укорочением» прически, для клевера же парикмахерские ножницы газонокосилки стали гильотиной, приведшей в исполнение несправедливый и преждевременный смертный приговор.

В отличие от стойкой травы жизнь цветов нежного клевера оборвалась навсегда...

Лишь только мы сделали несколько шагов вперед, как мои ноги и лапы Фредерика стали мокрыми, хотя ночь была душной, жаркой и совсем без дождя.

Трава вновь грустила и плакала... На этот раз плач травы, умудренной опытом потери возлюбленного клевера, был по-взрослому сдержан и скуп. Вся поляна... Я и Фредерик... Весь мир был опечален потерей запаха любви, от которого теперь осталась только *стриженная* пустая горечь без певучего аромата и без душистой музыки.

...В один из ближайших дней случилось так, что мы, я и Фредерик, пришли на поляну очень рано, за полчаса до восхода солнца. В середине угольно-черного, ночного неба, усыпанного россыпью бриллиантов мерцающих звезд, светился ярким серебряным светом двурогий, невесомо-тонкий *штрих* новорожденного месяца.

Всю ночь месяц, как это и положено маленькому ребенку, азартно и увлеченно играл в прятки с постоянно проигрывающими ему звездами. Он скрывался за тучами и выныривал обратно в самых неожиданных местах необъятного неба, а глупые звезды, укрывающиеся за теми же самыми тучами, всегда оказывались на одном и том же месте. Найти их было проще простого.

Вдруг месяц остановил игру в прятки и с искренним удивлением стал смотреть на неожиданно осветившийся восточный горизонт, окаймленный неровной линией еще мгновение назад темных, а теперь внезапно порозовевших облаков.

Там занимался рассвет. Верхние края облаков зарделись, наливаясь светом восходящего солнца, и, в довершение картины, принялись выстреливать вверх протуберанцы разлапистого салюта дымящихся золотом солнечных лучей. Вся облачная масса, тяжело нависающая над горизонтом, заалела, задышала, заklubилась, поднимаясь вверх и опускаясь вниз, вспененная бурлящей, раскаленной докрасна зарей, словно это были и не облака вовсе, а огромные морские волны бьющиеся о прибрежные скалы.

Само солнце еще не явилось миру, но уже начало одну за другой гасить ближайшие к заре звезды.

Единственные божьи творения, с которыми месяц успел познакомиться, были звезды. Он был уверен, что звезды принадлежат только ему одному. Будучи еще очень наивным и неопытным, месяц подумал, что гашение звезд – это, наверное, такая новая игра.

То была первая ночь жизни юного месяца. Он еще ни разу не видел солнца. Поэтому он так опрометчиво захотел поиграть с тем невидимым игроком, который прятался за горизонтом и беззастенчиво дразнил и дерзко задибался, гася его, месяца, *собственные* звезды.

Бедный, лишь в эту ночь родившийся месяц! Он не знал насколько его сила, сила ночного светила *не равна* силе светила дневного...

Заря еще не взошедшего солнца легко и неуклонно гасила все больше и больше звезд, захватывая их в плен багровоющей кромки неба, а месяц, по-своему уразумев правила новой игры, принял отважное решение не сдаваться и тоже захватить в плен что-нибудь ему не принадлежащее.

Посмотрев вниз, он увидел под собой поляну, на которой слабо мерцали слезы плачущей травы, и захотел взять их себе. Он повторил все то, что уже делал невидимый ему новый игрок, по-прежнему прячущийся за клубящимися пунцовыми облаками. Месяц старательно, изо всех своих сил осветил поляну.

Увидев, что у него одного это получается плохо, он позвал звезды поиграть вместе с ним, то бишь, светить вниз на поляну, чтобы погасить и взять в плен блески росы.

Задуть мерцание росы светом месяца и звезд не удалось. В результате усиленного совместного свечения месяц и звезды получили обратный эффект тому, что ожидали...

Сколько было звезд на небе – столько же их стало и внизу на поляне. Каждая росинка отразила свет своей собственной звезды.

Край раскаленного солнечного диска показался над облаками, и темп игры ускорился. Как ни старался месяц противостоять сопернику, звезды на небе таяли и гасли уже не десятками и сотнями, а тысячами, и роса на поляне, теперь отражавшая и свет солнца, только сильнее горела и сияла... И вот, наконец, солнце взошло. Небесные звезды полностью исчезли.

Земные же звездочки-росинки, искренне радуясь свету солнца, умножились в тысячу раз и заблистали ярче самых ярких звезд.

Месяц, который единственным ночным гостем еще оставался на небе, увидел, наконец, солнце, с которым так необдуманно собрался меряться силами. Он понял, что переоценил свои возможности и проиграл, потому что солнце намного взрослее и сильнее его. Месяц по-детски отчаянно, сильно-сильно обиделся, стал тонким, бледным, похожим на полоску тающего тумана и... печальным. Он понял, что не хочет больше ни с кем играть. Месяц решил, что не выйдет на небо до наступления следующей ночи, и спрятался в горящих золотом облаках.

Солнце поднималось все выше и выше над горизонтом. Для солнца игра с неразумным месяцем закончилась, так и не начавшись...

И только маленькие земные звезды мельчайших бисерных слез травы, плачущей по безвременно погибшему клеверу, как единственный результат неудачной для месяца небесной игры, блистали нестерпимо сильным звездным светом и мужественно удерживались на краю стебельков-ресниц травы, не желая падать и исчезать.

Трава не стыдилась своих слез. Она жила на свете уже не одну ночь и не один день. Трава не играла ни в какие игры. Ни с месяцем, ни с солнцем. Она уже успела узнать, какая это серьезная штука – жизнь. Слезы выступали у нее на ресницах помимо ее воли.

Если слезы травы и блестели на солнце, делая ее горе видимым для всех, то это происходило только потому, что чувство безвозвратной потери было сильнее всего на свете.

Солнце поднялось совсем высоко. Звезды росы стали сверкать таким нестерпимо ярким блеском, что трава начала стряхивать их на землю, не выдержав накала вырвавшегося наружу горя. Появлялись новые блестящие на солнце слезы, и все повторялось вновь и вновь.

Трава плакала. Открыто. Почти навзрыд. Жалобно. Горько. И обреченно...

Солнце пожалело безутешную траву и так сильно согрело поляну, что безудержный плач сам собой прекратился. Насущные заботы нового дня заставили траву на время забыть свою печаль. Жизнь взяла свое...

Корням травы надо было пить и есть, самой траве – работать, бороться с сорняками, растить новые молодые травинки, думать о завтрашнем дне... Надо было жить дальше.

Сильные удары судьбы редко заканчиваются долгими и по-настоящему пролитыми слезами. Слезы уходят вглубь, чтобы ими плакала невидимая никому душа.

Трава на поляне еще долго каждое утро орошала землю блеском скупых звездных слез своей плачущей души. И только к концу лета окончательно смирилась с тем, что произошло. Жизнь, как окончательно поняла трава, продолжается, и она сильнее самых горестных потерь.

Несмотря на то, что уже много былинки пожелтело и пожухло, вся поляна покрылась пухлыми, качающимися от тяжести венчиками зеленых соцветий, внутри которых трава заботливо прятала и возвращала семена своей будущей жизни.

Трава готовилась к богатому урожаю, а что касается меня, то уже совсем немного времени оставалось до того счастливого осеннего дня, когда я смог, наконец, констатировать факт полного исцеления Кристофера... Кристофер выздоровел, потому что для срока его жизни это был еще самый разгар лета. До осени жизни, до времени усталости и ослабления чувств и страстей ему было еще очень и очень далеко.

Мне удалось добиться того, что в ауре Криса вновь начали витать благозвучные медовые запахи любви. Когда аура человека пахнет любовью, то нет в ней места ни для отчаяния, ни для болезни!

Работая с аурой Криса, я чувствовал, что и сам превращаюсь в упрямого рыцаря, не обращающего внимания на кажущуюся бесполезность собственных поступков... Потому, наверное, что каждый рыцарь должен знать, что зло все разрушает быстро и эффективно, а добро строит новую жизнь, здоровье и счастье медленно и не на показ.

Я все время думал о том, что временная, сиюминутная победа врагов Дон Кихота над его благородной попыткой изменить и спасти мир, в конечном итоге, обернулась для них – полным поражением в веках.

Мир, несмотря ни на что, – изменился! Человек, пусть и с превеликим трудом, – меняется!

Дон Кихот – победил!

Вернее, медленно, но неуклонно побеждает ветряные мельницы зла и спасает добро...Таких людей, как он... Таких рыцарей, как ты, мой читатель...

Сегодня *нас* – людей добрых и великодушных – уже не единицы, не десятки или сотни, а миллионы! И с каждым новым веком становилось и становится все больше и больше.

...Кристофер и выглядел, и чувствовал себя намного лучше. Лицо его уже не напоминало маску греческой трагедии. И хотя боль в левой стороне живота еще не исчезла, она была уже совсем слабой.

Каждый раз после окончания сеанса связи с Крисом по Интернету я ждал, что он сообщит мне о своем решении прекратить наши встречи, но... Крис оказался не менее упрямым и настойчивым, чем я. Половинчатая, сомнительная победа над болезнью его не устраивала... Так же, как не доведенное до конца *дело*, не устраивало меня.

Ни я, ни Крис никогда не называли его болезнь по имени. Да и не в названии было дело! Вне сомнения – это была депрессия, но с другой стороны было ясно, как божий день, что страдания Криса были вызваны настоящим человеческим горем... Подлинной душевной болью из-за любви, подраненной изменой. Это разве болезнь? Тогда каждый нормальный, искренне чувствующий человек, переживающий предательство и разочарование – болен!

Получается, что быть настоящим, живым человеком – означает считаться больным?

Нет! Нет!!! И еще раз нет...

Очень долго, ни слова не говоря друг другу, мы работали в паре «страдающий человек – целитель» и часто больше слушали безмолвный внутренний диалог наших душ, чем говорили друг с другом. (Иначе, как «диалогом двух душ» то, что происходило во время моих сеансов связи с Австралией, назвать невозможно.)

Крис почти все время молчал... Если и говорил, то только о том, что касалось его энергетических ощущений во время моей с ним работы. Я не знал, сказала ли ему Эмма о том, что она уже поведала мне печальную историю о тяжёлых испытаниях, которым подверглась их любовь.

Любовь девочки и мальчика из прекрасного чистого детства...

Я был благодарен Крису за его молчание. Я, конечно же, предполагал, о чем бы мне следовало с ним говорить, но... Все мои мысленные рассуждения об... измене Эммы, жены Кристофера, переведенные в слова, звучали бы ниже и фальшивее той высочайшей степени-ступени горя, на которой жила... нет! – *окаменела* впавшая в кому душа Криса.

Я понимал, что Кристофер уже тысячу раз сказал сам себе все, что обычно принято говорить в таких случаях. Я ждал, когда он заговорит первым или... Или я смогу додуматься до чего-то такого, что еще никому в мире не пришло на ум.

Любовь Криса и Эммы была настолько глубока и загадочна именно своим прямодушием и полным отсутствием какой бы то ни было фальши, что заставляла безмерно уважать себя и никому не позволяла говорить не на равном ей уровне.

Я просто работал с открытыми мною новыми энергообразованиями – с арестованными преступными мыслями человека и с его совсем недавно открытой мною *энергетической Звездой*.

Работа, несмотря на гнетущую тяжесть, порой охватывающую ауру Криса и замедляющую полет летящих из моей седьмой чакры вибраций, была по-прежнему интересной и увлекательной! О подобных необычных энергообразованиях я прежде никогда и нигде не читал и не слышал. Приходилось узнавать все подробности о жизни впервые открытых мною энергетических явлений в ауре человека, используя уже давно и не один раз испытанный метод проб и ошибок... Метод «научного тыка».

Не один, не два и не десять раз, а много-много раз я пробовал сделать все, что принесло мне такой убедительный успех в работе с аурой Тедди, Саманты и Эмили. Однако зло в ауре Криса будто смеялось над всеми моими попытками... Оно реагировало на приход энергии *мечты*, которую я вкладывал в создаваемую мною большую Сферу царя Соломона с моими же *нашептанными* ей добрыми мыслями и желаниями, точно так же, как это уже было и у всех остальных. Арестованная энергия преступных мыслей исчезала, а в энергетическом «небе ауры» стремительно взлетала вверх и загоралась ярко-ярко новая шаровая молния-звезда, наполненная светом и энергией добра. Но... Добро не удерживалось надолго.

Зло отсутствовало в ауре Криса всего только несколько секунд и лишь иногда – минут. Шаровая молния – или, как я все больше и больше понимал – энергетическая *Звезда Мечты* над головой печального австралийца, как-то незаметно и совершенно непонятным для меня образом, вновь и вновь превращалась в энергетическую тюрьму для его преступных мыслей.

Вариантов превращений было много... То это было маленькое космическое облако, в которое, как я хорошо помнил, была свернута внутренняя вселенная Криса, когда я увидел его в первый раз... Или – это был грязный носовой платок, закрывающий, лицо Криса, словно тот чего-то очень сильно стыдился... То – это была плотная энергетическая сеть-завеса, будто глухая штора на окне, отделяющая Криса от всего остального мира... Или – это была твердая, буквально гипсовая на ощупь, карнавальная маска, почти точно, но карикатурно и буквально с издевкой повторяющая черты лица Кристофера...

Мои действия в ауре Криса и ее ответные реакции чаще всего напоминали игру в пинг-понг. Два раза в неделю, с неослабевающим интересом с моей стороны и с мрачным упорством со стороны Криса, мы продолжали наши энергетические игры на игровой площадке его ауры.

Мой бросок Сферы царя Соломона рождал в ауре Криса очередную шаровую молнию, взлетающую под потолок или убегающую от него вперед... куда-то далеко за мою спину. В ответ дьявол – мой *невидимый противник* (которого, как помнит читатель, конечно же, нет) – делал незаметное для меня, обманное движение, и энергия моей сферы царя Соломона, превращенная неведомым для меня способом в молнию преступной мысли, вновь арестовывалась и близко-близко приближалась к лицу Криса, вновь и вновь густой пеленой застилая перед ним весь мир. Самые разные, порой причудливые энергетические объемы, сети, завесы перекрывали доступ света и энергии к глазам человека, ослепленного предательством любви.

Вскоре я стал замечать значительную разницу в реакциях ауры Криса на рождение каждой новой энергетической Звезды. Если я делал, вернее, *шептал* ей нечто *правильное*, она загоралась не на короткие секунду-две, а на несколько минут. Мои еще неподдающиеся осознанию правильные слова-действия продлевали жизнь энергетической *Звезде Мечты*, и я интуитивно чувствовал, что в этом и кроется разгадка тайны.

Интернет и любимый фильм «Аромат женщины» помогли мне и в этот раз.

Я уверен, что невозможно забыть самый знаменитый и лучший эпизод фильма. Тот самый, в котором полковник Фрэнк Слэйд на позорном судилище над Чарли произносит монолог в его защиту: «*Дух школы умер! Если вы защищаете предателей, то создаете здесь корабль для крыс и стукачей*». Вспомнили? Думаю, что именно этот эпизод переводит фильм из разряда «очень хороший» в категорию «выдающийся и бессмертный».

Я еще раз просмотрел найденный мною в «www.YouTube.com/movies» отрывок из фильма и увидел в ауре героя Аль Пачино большую энергетическую Звезду, сияющую золотом и серебром... Но там, над головой полковника энергетическая Звезда не находилась постоянно. В момент, когда Фрэнк Слэйд повышает голос и говорит ведущему

собрание директору школы: «Я бы показал сейчас, **что** значит нарушать порядок, если бы не был так слеп!», – его энергетическая Звезда одним прыжком опускается вниз, почти до уровня плеч полковника. Затем, по мере продолжения потрясающего монолога, все сильнее и сильнее насыщающего атмосферу аудитории мощной энергией эмоции негодования по поводу несправедливости, творящейся прямо перед **слепыми** глазами полковника... Звезда Мечты поднималась или опускалась, уменьшалась или увеличивалась, меняя золотисто-серебряный цвет на синезеленый и, наконец, став к концу монолога светло-сиреневой, останавливалась прямо перед лицом полковника... Чуть выше его глаз. На расстоянии его вытянутой вперед руки...

Oh God, bless the Internet!

Господи, благослови мою Интуицию и «www.YouTube.com»!

Фильм «Аромат женщины» – поистине стал моим учебным пособием. Вернее, им стала гениальная способность Аль Пачино к актерскому перевоплощению. Благодаря тому, что великий актер смог сотворить запечатленную на киноплёнке подлинную жизнь, пусть и выдуманного, пусть и литературного, но все же настоящего – **живого** – героя, я смог понять, что энергетическая Звезда реагирует на произнесенные человеком слова...

Или правильнее, на смысл произносимых слов... Еще вернее, на силу наших желаний и эмоций, которыми мы насыщаем то, что говорим. То есть...

На то, **что** мы говорим! И как **сильно** мы желаем того, о чем все время просим!

...Пришло время очередной моей встречи с Кристофером. Он вновь жаловался на боль в левой стороне живота. Лицо его по-прежнему было печальным, хотя уже и не таким пугающе неживым, как в момент нашей первой встречи..

Мы начали работать. Когда я дождался того момента, при котором состояние «I AM» Интуитивной Активной Медитации по всем внешним признакам полностью овладело аурой, телом, мыслями и душой Криса... Тогда... В ауре человека, сидящего у экрана компьютера в Австралии, **будто** *взошло солнце*. Аура осветилась, задышала, увеличилась. Над головой Криса сама собой образовалась маленькая, вытягивающаяся вверх фиолетовая воронка. Это его седьмая чakra начала набирать энергию...

Я не стал больше медлить и создал между своими ладонями волшебную энергетическую Сферу царя Соломона. В этот раз она родилась крупной, тяжелой, плотной и теплой. Энергия новорожденной Сферы была светло-зеленого цвета, внутри нее вспыхивали и мерцали золотые искры. Крапинки золотого **блескучего** света двигались по кругу справа налево и делали Сферу царя Соломона по-настоящему живой и реальной...

Повинуясь первой проявившейся мысли, я исполнил волю моей Интуиции: наполнил Сферу царя Соломона дополнительной энергией и смыслом очень простых слов: «**Я хочу, чтобы ты повзрослела, Любовь!**» и послал ее в ауру Кристофера.

Я целился в энергетическую тюрьму для преступных мыслей перед глазами Криса. В этот день она выглядела такой же, как и в тот момент, когда я увидел ее впервые: энергетической тюрьмой для **внутренней вселенной** Криса, свернутой в маленькое космическое облако.

Мою голову опять, может быть в сотый раз, обдало холодным ознобом вибраций загнанной в угол **тоски-молнии** преступной мысли Криса о самоубийстве. Сфера царя Соломона вспыхнула синим, ярко-неоновым огнем... падающей вверх звездой вознеслась к потолку и замерла, повиснув на уровне глаз печального человека, сидящего у себя дома в Австралии у экрана компьютера и воспринимающего мою энергию так легко, будто между нами не было расстояния в несколько десятков тысяч километров. Если бы Кристофер вытянул вперед свою руку, то мог бы дотронуться до Звезды кончиками пальцев...

Я закрыл глаза, чтобы исключить условность огромного расстояния, и осторожно коснулся моей правой рукой энергии энергетической Звезды Криса. На таком огромном расстоянии я это сделал впервые в жизни.

Звезда, сияющая в ауре Криса мягким зелено-синим светом, легко вздохнула и прижалась к моим пальцам своей теплой и мягкой щекой...

Энергия Жизни быстро-быстро текла по моей руке, будто она торопилась на помощь умирающему человеку, и, пробегая по моим самым «рабочим» пальцам – указательному и среднему, согревала всю руку и наполняла мои пальцы – мои энергетические инструменты – живительным ощущением наэлектризованной, безграничной силы, высокого ума и светлого добра.

Прошла одна минута, вторая, третья... Энергетическая Звезда оставалась на месте и лишь слегка уменьшилась в сравнении со своим первоначальным размером.

Я предположил, что она сократилась из-за увеличения своей плотности, потому что поверхность теплой на ощупь Звезды стала очень упругой и напряженной...

– Могу я говорить, не открывая глаз, – спросил Крис.

– Да, конечно, – ответил я, и сам немедленно открыл глаза и стал смотреть на лицо Криса, голова которого слегка покачивалась на экране моего монитора.

Расстояние уже не было помехой. Я подался вперед, чуть продвинул руку и убедился, что я действительно держу на своей ладони энергетическую Звезду Кристофера.

– Мне очень трудно говорить об этом... ну, о том, что случилось... между мной и Эммой... Понятно, о чем я говорю?

– Да.

– Ну и хорошо, что понятно. Все всё понимают... и только я ничего не могу понять... – проворчал Крис деланно недовольным голосом, тяжело вздохнул, провел рукой по волосам, вернее по седой пряди, разделяющей его волосы ровно напополам и опустил руку на колено...

– Ох! Ах... Ох! Ах... Вот это да! – непроизвольно, совсем негромко, но все же так, что невозможно было меня не услышать, совершенно некстати вздохнул и выдохнул я.

Как же мне было не «охать» и не «ахать», если я с удивлением и с радостью увидел, что внутри ауры Криса вслед за движением его руки вверх и вниз тянется широкий голубой шлейф густой и медленно тающей энергии. Это было то, чего я так давно ждал: инверсионный след от самолета, летящего в небе с огромной скоростью...

– Да уж... Это действительно «ох» и «ах». Вот такой я непонятливый человек, – совсем весело сказал Крис, что никак не соответствовало его внешне сердитому тону.

– Я ахнул совсем не поэтому. Я увидел, что сейчас в вашей ауре произошло то, чего я от нее уже давно, но безуспешно добивался.

– Вы – молодец! Не то, что я! Пытаюсь, пытаюсь... и все никак! Никак не получается.

– Что не получается? – не понял я.

– Понять и простить.

– А... вот о чем речь.

– У меня уже семь лет все только об этом. Я уже давно знаю, что Эмма все вам рассказала. Не знаю почему, вдруг захотелось говорить об этом с единственным человеком, который в курсе... того, что произошло. Я еще ни с кем об этом не разговаривал... Даже с Эммой!

– Я тоже никак не мог решиться. Спасибо, что вы заговорили об этом первым.

– Пожалуйста. Чего уж теперь... Только не надо думать, что я на самом деле не могу простить и понять. Сегодня... спустя семь лет... Я уже и простил, и даже все понял... Вот только говорить об этом мне так тяжело, что просто невозможно...

– Тогда не надо.

– Я с Эммой не могу об этом говорить... Не нахожу слов. Одни чувства. А чувства словами не перескажешь.

– Это правда.

– Почему-то вот сейчас не тяжело... Совсем. Даже хочется говорить... И в животе не больно. А то обычно чуть только подумаю *об этом*... так сразу и складывается напополам... Вся жизнь напополам. До и после... Трещина в жизни и в животе!

– Я так не думаю.

– Что именно «не думаю»?

– Что это трещина. Я ее не вижу.

– Ах, ну да, «он же еще все видит и все знает»... – опять отчего-то очень весело сказал Крис, насмешливо копируя чью-то излишне восторженную интонацию.

– Можно сколько угодно иронизировать по поводу того, что я делаю или говорю, но это не отменяет тот факт, что на самом деле у вас никакой трещины нет. Ни в животе, ни, тем более, в жизни.

– А что же тогда *есть*?

– Один большой страх и немного обиды. И совсем мало ревности, разочарования, разбитых надежд и потери веры...

– Все точно так и есть. Неужели это так хорошо видно в моей ауре?

– Еще как видно.

– А еще что... видно?

– Что уже давно все прошло. И только непонятно где выход.

– Хорошее у вас зрение. Все-то вам видно. И, надо сказать, очень правильно. Так оно и есть. Выхода действительно – нет!

– Есть!

– Я его не вижу.

– А я вижу.

– Где?

– Не «где», а в «чем». В понимании того, что наказание за преступление, если относиться к тому, что произошло двадцать пять лет назад, как к преступлению, уже произошло. Два раза за один и тот же грех не судят и в тюрьму не сажают!

– Можно яснее?

– Можно.

– Если сравнивать то, что случилось в вашем далеком прошлом, например, с... с... фактом чьего-нибудь воровства, то вряд ли молодой и совсем неопытной девушке, почти подростку, которая украла тогда – и в данном случае – неважно что именно она тогда украла – на суде дали бы больше, чем три года или максимум пять лет тюрьмы... Вы же посадили ее в тюрьму на семь лет... Семь лет тюрьмы! Любое общество было бы морально удовлетворено таким сроком наказания за проступок или даже преступление! Я думаю, что этого – совершенно достаточно, чтобы все простить и начать все сначала!

– Тюрьма? Наказание?... О чем вы говорите? Никто никого не собирался наказывать...

– Однако факт есть факт – семь лет уже прошло... И то, как эти годы прошли у вас и у Эммы, было еще хуже, чем могло быть в настоящей тюрьме.

– Вы, действительно, так думаете?

– Да.

– Неужели это все и вправду выглядит, как мой суд над... женой и ее заключение в тюрьме?

– Не только для нее, но и для вас эти семь лет – были самой настоящей тюрьмой! Для меня вся эта история только так и выглядит!

– Неожиданная точка зрения... – нараспев произнося слова, сказал Крис. – Я так никогда не смотрел на то, что происходит в моей жизни... Может быть вы и правы... Вполне может быть...

– У меня нет никаких сомнений, что пора всем выйти из тюрьмы и жить на свободе... В счастье и согласии... Так, как это было до того, как случайно раскрылась тайна...

– В счастье и согласии... – повторил Крис мои слова и задумался... И стал на все лады тихо повторять... – Так, как это было до того, как... Тайна раскрылась случайно... В мире была тайна... Она раскрылась... И согласие ушло... На семь лет... И счастье было... И ушло... Потому что тайна случайно раскрылась... Пора всем жить на свободе... В счастье и согласии...

Я молчал, потому что чувствовал... нет, знал, что сейчас в голове Криса происходит самое важное, самое решительное...

Об этом мне рассказывали его аура и его... энергетическая Звезда.

Аура Криса стала прозрачной и светлой. В ней не осталось ничего темного и печального... Звезда же... Энергетическая Звезда Криса, которую я все это время продолжал держать на моей ладони, увеличилась и, слегка поднявшись вверх, превратилась в большой серебряный шар...

На всем огромном, много-тысяче-километровом Интернет-пространстве, соединяющем меня и Криса, воцарилась тишина... В ней, как редкие капли только-только начинающегося дождя, лишь падали-звучали тихие слова... больше похожие на магическое заклинание, чем на человеческую речь:

«В мире была тайна... Она раскрылась... Случайно... И согласие ушло... На семь лет... И счастье было... И ушло... Пора всем жить на свободе... Потому что тайна случайно раскрылась... Так, как это было до того, как... В счастье и согласии»...

Энергетическая Звезда Криса отделилась от моей ладони, поднялась еще немного вверх и повисла в воздухе над головой тихо бормочущего заклинания австралийца.

Внутри Звезды стало разгораться тихое золотое пламя...

...Крис уже больше пяти минут не произносил вслух ни слова. И только губы его беззвучно продолжали шевелиться.

Я тоже хранил молчание, потому что понимал: сейчас Крис разговаривает не со мной... Он говорит с самим собой.

– Вы правы, – вдруг громко сказал Крис, – мне, действительно, пора... выйти из тюрьмы... и выпустить на свободу мою жену. Не знаю, кто был больше наказан. Я или она... Наверное, все же – я. Но это сейчас не имеет значения. Тюрьма больше не приносит мне счастья... А раз так – она больше не нужна!

– Я не ослышался? Тюрьма была причиной... Она приносила вам... счастье?

– Можно понимать и так.

– ?

– Я знаю, что должен объясниться, – правильно оценивая мое вопросительное молчание, сказал Крис. – Я сейчас все вам расскажу...

Тогда семь лет назад Крис ушел из дома и поселился в загородном мотеле, потому что не знал, как ему надо было реагировать на слова Эммы: «Да. У нас был короткий роман. Я не знаю, отчего это тогда произошло. Произошло и все. Быть может из-за того, что ты был далеко от меня, он – слишком настойчив, а я – слишком молода и глупа. Я не хочу и не считаю нужным оправдываться. Что было – то было. Неясные намеки означают то, что он – отец нашей старшей дочери».

Сознание Криса отказывалось принимать и осознавать раскрывшуюся перед ним бездну. Он прожил в мотеле неделю, но так и не смог ничего понять и ни на что не смог решиться...

Болела голова, сердце, руки, ноги, живот... Болело все тело... Как-будто его сильно избили в беспощадной и бессмысленной пьяной драке...

Думать было страшно тяжело. В голове сильно-сильно стучало *невозможное*: «Я не знаю, отчего это тогда произошло. Произошло и все... Что было – то было... Он – отец нашей старшей дочери».

Вот только душа Криса не болела. Ее как-будто бы не было. Совсем!

Хотя Крис хорошо помнил, что она, душа... у него была.

Тогда, когда он любил Эмму, а она любила его... И ничто не омрачало их любовь... Каждый день в жизни Криса начинался с того, что утром он просыпался первым и, повернувшись лицом к спящей около него жене, несколько минут пристально, стараясь не мигать, смотрел на нее... Он чувствовал, как его душа жадно стремилась использовать эти короткие минуты, чтобы напиться, наесться, надышаться и напитаться присутствием Эммы в его жизни.

По утрам Эмма спала очень глубоко. Крис знал, что она никогда не проснется сама, если он не разбудит ее своим прикосновением. Душа Криса наслаждалась обладанием и принадлежностью Эммы только ему одному в эти краткие, утренние минуты. Только в это время любовь Криса жила отдельной жизнью от дневной суеты и многочисленных забот и хлопот большой семьи, в которой всегда были дети... Четверо детей. Две девочки и два мальчика. ...Эмма была рядом, близко. Очень близко. Ее душа принадлежала только душе Криса... Только ей одной.

Душа Криса делала несколько последних, жадных глотков молчаливой и доверчивой близости Эммы, последний раз глубоко вдыхала в себя тепло ее сна и разрешала руке прикоснуться к ее плечу... Эмма просыпалась и сразу понимала, что это именно он, Крис разбудил ее... И тоже смотрела на него... Ничего не говоря и не двигаясь...

Крис с наслаждением смотрел на то, как в глазах Эммы начинает светиться ее душа... которая не менее жадно, чем его собственная душа, хотела скорее напиться, наесться, надышаться и напитаться присутствием Криса...

Отсутствие, быть может, даже смерть его души, пугало Криса больше всего...

На седьмой день он проснулся рано утром, по многолетней привычке повернулся на бок... и увидел рядом пустоту...

Крис встал, взял в руки купленный два дня назад мышьяк... Высыпал на руку все, что было и... бросил на пол большую часть. На ладони оставалось ровно столько, сколько надо было, чтобы ни в коем случае не умереть.

Душа Криса ожила именно в этот миг и спасла ему жизнь.

Он проглотил то количество яда, что отмерила ему его душа, лег на кровать и... увидел себя в больнице. Эмма была рядом с ним...

Кристофер понял, что это – единственно правильный выход! В больнице Эмма будет рядом... и с нею можно будет ни о чем не говорить!!! Только смотреть...

Крис постепенно терял сознание, а душа его стремилась напиться, наесться, надышаться и напитаться присутствием Эммы в его жизни...

Когда он очнулся, все было точно так, как ему предсказала его душа... Эмма была рядом и смотрела на него. В глазах Эммы Крис увидел ее дрожащую, как от сильного холода, до смерти напуганную душу.

После больницы Крис вернулся домой поздним вечером. И сразу же, по-прежнему молча, лег в кровать... Он был еще очень долго слаб и бледен...

Эмма вскоре легла рядом с ним и сразу же закрыла глаза.

Крис посмотрел на нее и вспомнил тот миг, когда его душа будто вернулась с того света и заставила его отсыпать яд на пол...

Он почувствовал, что и сейчас его душа возвращается с того света и живет так, как никогда раньше. Сильно. Строго. Жестко. Жадно... И страстно...

Потом была любовь. Эмма не открывала глаз и поэтому принадлежала ему полностью. Ничего не требуя для себя...

Семь лет все ночи и все дни продолжалось одно и то же. Днем Крис молчал. Произнося только самые необходимые слова, а ночью... Ночью, прежде чем наступала любовь, Крис вспоминал тот миг, когда его Душа спасла ему жизнь тем, что отсыпала лишний яд на пол...

Через три года произошло так, что Крис не вспомнил об этом миге перед тем, как позвать любовь... Душа не вернулась к Крису, и он почувствовал страшную боль в левом боку. Тогда боль быстро прошла. Стоило ему только вспомнить о мышьяке на своей ладони...

Несколько месяцев назад Крис понял, что не хочет больше вспоминать ни о письме, ни о яде, ни о чем... Время, действительно, лечит! Душа его вновь была с ним все время...

Вот только боль в левом боку стала заменой всех страшных воспоминаний.

Крис решил бороться. Он не хотел больше *такой* страсти... И *такой* любви... Любви, наполненной воспоминаниями о яде...

– Я обманул вас сегодня, – закончил свой рассказ Крис. – Со времени последней нашей встречи у меня ничего не болит. И я знаю почему.

– Могу я знать об этом? – спросил я.

– Конечно. Ведь это вы вернули мне то, что я потерял и не мог найти в течение семи лет.

– Я? Вы уверены?

– Да. Наша последняя встреча была тогда, когда у меня была уже ночь. Эмма спала. Я решил ее не будить и по возможности тихо лег рядом. Сон долго не шел ко мне, и я решил позаниматься Интуитивной Активной Медитацией, которой вы меня так хорошо научили... Я уже давно понял, что ею можно заниматься и не двигаясь... Все тогда происходит внутри. Энергия дышит, шевелится, перемещается. Я ее чувствую, даже в чем-то сильнее. В этот раз все началось не как обычно. Энергия двигалась внутри меня, и я ее *видел*... Внутренним взором. Это было нечто похожее на северное сияние, только намного ярче, яснее и определеннее, чем это бывает на небе.

Я не помню, как я уснул. Зато хорошо помню, что проснулся я с тем же самым энергетическим сиянием перед глазами. Я повернулся набок, открыл глаза, посмотрел на спящую жену и увидел вокруг нее такое же яркое сияние, какое я видел ночью, когда занимался «I AM». Душа моя жила во мне. И это она светила ярче утреннего солнца.

Я вспомнил, что все эти семь лет я по утрам не смотрел на Эмму так, как делал это раньше... всю свою счастливую жизнь.

Вечером того же дня мне не понадобилось вспоминать о яде, чтобы ощутить страсть даже большую, чем это было, когда я каждый вечер намеренно вспоминал о моей попытке самоубийства... Я смотрел на Эмму и видел, как сияет ее душа в темноте. Как звезда в ночи... Как самая верная Путеводная Звезда моей жизни! Я понял, что это была такая психологическая наркомания... и что я смог, наконец, от нее избавиться. Потому что нашел верное средство и наконец-то стал совсем взрослым. Я стал – Человеком.

Выслушав Крису, я вспомнил слова, которые совсем недавно шептал созданной мною Сфере царя Соломона: **«Я хочу, чтобы ты повзрослела, Любовь!»**

...В ауре Крису сияла его собственная, выстраданная долгими годами страданий, Путеводная Звезда. Прямо у него перед глазами. На расстоянии его вытянутой вперед и чуть вверх руки... Если бы Крис вытянул руку перед собой, он бы смог ею коснуться сияющего золотым пламенем Серебряного Шара...

Отныне я навсегда узнал настоящее имя открытой мною энергетической Звезды, живущей в ауре каждого человека: «путеводная»!

Путеводная Звезда.

Прощай Крис! Спасибо тебе!

Будь здоров, и да не будет больше в твоей жизни никакого яда...

Божья повесть 5.

Поток безудержно мчащейся материнской энергии

Главная и Пятая Побочная тема Финала симфонии

*Динамическая реальность содержит
потенциально возможные взаимодействия
всех систем Вселенной, обладающих энергией.
Эрик Берн «Игры, в которые играют люди»*

Я протянул руку к моей собственной Путеводной Звезде... Коснулся ее кончиками пальцев, почувствовал ее тепло, ее вибрации и вспомнил все... Я вспомнил о том, как все начиналось уже почти сорок лет назад...

Вот я вижу маленького двухлетнего мальчика-аллергика с жестоким язвенным дерматитом. На его теле тогда просто не было ни одного участка здоровой кожи. Ее заменило собой нечто мокнущее, отвратительно красное, будто разъеденное ржавчиной. Я поработал с ним тогда так, как умел... И хотя, умел я тогда очень мало, я смог помочь ему... На следующий день все его раны затянулись, как по волшебству. Видимо, уже тогда мне помогала моя Путеводная Звезда... Если бы я не помог этому мальчику тогда так быстро и так эффективно... Я вряд ли смог бы понять и принять свое истинное призвание и истинные возможности Энергии Жизни, которую сегодня так сильно излучают мои руки и моя седьмая чакра...

Почти сразу же после этого ко мне привели девочку-подростка. Ей было не больше пятнадцати лет. Теперь я понимаю, что у нее была шизофреническая каталепсия. Тогда же я видел перед собой олицетворение застывшего безумия и впервые узнал и почувствовал, что значит *оледневшая* Энергия.

Моих сил тогда бы не хватило, если бы не энергия мамы безумной девочки... Она так хотела, чтобы я помог ее дочери! Я хорошо помню, как меня совершенно неожиданно, без всякого предупреждения подхватил сильнейший поток безудержно мчащейся материнской энергии. Мне показалось тогда, будто я попал в середину горной реки, несущей в себе могучую энергию весеннего таяния огромного ледника.

Именно тогда я впервые *вошел* в состояние Интуитивной Активной Медитации. Только сделал я это не для себя, а для этой маленькой, безумной девочки, стоящей передо мной совершенно неподвижно, будто она была каменным изваянием. Она не могла даже сесть. Руки и ноги у нее почти не сгибались.

Час такой работы... Тогда, когда я не помнил себя, не осознавал значения движений рук и всего своего тела... и только чувствовал, как властная, но очень добрая сила крутит мною и заставляет ожить энергию в окаменевшем теле девочки...

И вот, наконец, когда пришло ощущение возобновления движения энергии вокруг тела девочки, я очнулся и понял, что смог помочь. Девочка прямо на глазах у меня и у своей мамы ожила, заговорила и... Вернулась в мир.

Тогда я еще слова такого – «аура» – просто не знал. Многого делалось по наитию... Теперь я понимаю, что и тогда на всем моем пути мне светила моя Путеводная Звезда!

Вот я работаю по ночам с фотографиями людей сначала из всех уголков страны, а затем и со всего мира... Мне пишут письма, присылают фотографии... Тогда я думал, что без фотографии нельзя выйти на энергетическое поле человека. Стали приходить письма, в которых рассказывалось о том, что кому-то стало легче, у кого-то проблема исчезла совсем...

Потом начались телефонные звонки... Затем родился Интернет... Мир стал маленьким, единым и... беззащитным и, в то же время, таким добрым и могучим... Я стал работать, используя небывалые возможности Интернета

соединять людей. Провёл групповые занятия курса Интуитивной Активной Медитации, на которых со мной через Интернет каждый раз соединялось по сорок, пятьдесят и даже больше ста человек.

Я вспомнил истории выздоровления Джона, Питера, Макса и Линды...

Я подумал о том, что результаты моей, поначалу не очень уверенной, экспериментальной работы с людьми при помощи Интернета оказались не только не хуже, но даже в чем-то и лучше того, что я делал раньше. Как это ни парадоксально, но факт остается фактом: расстояние между нами и то, что нас, занимающихся энергией, было так много, – не только не мешало, но еще и увеличивало эффективность всех занятий...

Благодаря Интернету, который, подобно доброму волшебнику из сказки, внес нас на своих руках в Двадцать Первый век, пришло, наконец, долгожданное Новое Время. Люди изменились. Мы все стали чувствовать себя намного свободнее и увереннее, вести себя смелее, принимать решения быстрее, понимать глубже суть вещей, видеть все отчетливее и гораздо дальше...

Я вспомнил Мелани, Еву, Адама, Майкла, десятки и сотни других людей, которые запомнились мне потому, что именно они помогли мне увидеть и узнать что-то новое про энергию и про меня самого... Про устройство этого мира... Про человека... И...

Про Божественный Замысел Того, Кто Наверху и Кто всегда со мной и с людьми...

Мне еще только предстояло узнать много секретов жизни энергетической Путеводной Звезды в ауре человека, а я уже чувствовал, что ее открытие поможет очень многим людям.

Сегодня я знаю, что жизнь человека – это мелодия. Как же нам важно не фальшивить, играя в едином *Оркестре Жизни* всего человечества!

Энергетическая Путеводная Звезда назначена на роль нашего Дирижёра. Без её руководства мы теряем не только гармонию, но и сам смысл жизни.

Высшие Силы подарили нам удивительно тонкий и точный инструмент для настройки струн нашей Души – Интуитивную Активную Медитацию. Я уже давно понял, что моя работа с энергией – это работа настройщика музыкальных инструментов.

Теперь я знаю, что когда в музыку оркестра жизни вторгаются болезнь, ревность, страх или депрессия, а чрезмерные страдания приводят людей к преступным мыслям о самоубийстве, тогда энергия Путеводная Звезда «арестовывается». Во имя спасения жизни.

Мысли уходят, а страдания – нет...

Итак... Я – настройщик ауры. И лишь тогда я становлюсь временным дирижёром Симфонии Жизни, когда вижу как сильно страдают люди из-за отсутствия Энергетической Путеводной Звезды, как фальшиво они живут и действуют, следуя неверным «нотам судьбы». Будто дирижерскую палочку я беру в руки мой энергетический луч и восстанавливаю гармонию музыки энергетических вибраций. Вот таким временным дирижёром я поработал – совсем недолго – в ауре Кристофера, Тедди, Саманты и Эмили ... и ушел. Теперь, когда собственная Путеводная Звезда Кристофера, Тедди, Саманты и Эмили наполнена энергией мечты, – они вновь сами дирижируют собственной жизнью.

Апофеоз
Маленькой симфонии большого Открытия
Путеводной Звезды
(Presto)

Себе только во благо

Парадоксальным, но глубоко истинным и важнейшим принципом жизни является то, что для того, чтобы достигнуть какой-то определённой цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному, находящемуся за пределами данной цели.

Арнольд Джозеф Тойнби

Интуитивная Активная Медитация создана одновременно с человеком и для человека. Долгое время люди могли только догадываться о ее существовании.

Интуитивная Активная Медитация открылась мне более двадцати лет назад и я знаю, что нет ничего случайного в том, что в это же время родился Интернет.

В этой удивительной, ни на что другое не похожей медитации заключена мечта всех людей о том, чтобы каждый из нас мог помочь самому себе получать бесконечно много Энергии Жизни и легко, быстро избавляться от болезней. И без посредников, без каких-либо сложностей и риска – становиться сильным, уверенным в себе и счастливым человеком.

Человек всегда знал, что он способен помочь себе сам.

Только не знал *как!*

Теперь это стало возможным!

Теперь Интуитивная Активная Медитация «Путеводная Звезда» доступна каждому, у кого есть дома компьютер и связь с Интернетом.

Я приглашаю всех читателей «Золотой Ауры» посетить мой сайт:

[«www.biskonstantin.com»!](http://www.biskonstantin.com)

Я расскажу всем о мудрости Интуитивной Активной Медитации.

Я докажу вам, что вы – всемогущи.

Я научу всех вас всему тому, что знаю сам.

И вы все! Все!!! – сможете открыть для себя «I AM «Guiding Star».

Сначала это происходит с моей помощью, а затем, очень скоро, как только открывается специальный канал связи со Всемирной Энергией Саморегуляции, можно абсолютно самостоятельно пользоваться – себе только во благо – всеми чудесными резервными способностями человека к самоисцелению.

*Буду петь Господу во всю жизнь мою,
буду петь Богу моему доколе есмь.
Да будет благоприятна Ему песнь моя;
буду веселиться о Господе.
...Благослови, душа моя, Господа!*

Вместо Послесловия

ОБЕЩАНИЕ

Стихотворение в прозе

— Почему ты не затворишь дверь?

Смотри, какой студёный ветер, я совсем замёрзла.

— В доме, где живут люди с каменными сердцами, всегда будет стужа.

Оскар Уайльд «Звёздный Мальчик»

Пишу начало новой статьи об ауре человека: «Подобно тому, как атмосфера Земли создаёт практически непроницаемую защиту от метеоритов, аура человека надёжно защищает каждого из нас от любой энергетической агрессии»...

И вдруг мысль, острая и звенящая как струна, пронзает меня с головы до ног:

— Я же могу посмотреть ауру Земли! Как я раньше об этом не догадался?

Сказано – сделано! Я смотрю на энергетический фантом планеты Земля, уменьшенный мною до размера школьного глобуса, так, будто передо мной аура живого существа, и вижу, что над Северным Полюсом нависла «Темная Туча».

Энергия непонятная, вся в комках, будто в бородавках. Опасная. Плотная. Злая. Колочая...

Если бы я мог расшифровать то, что это означает. О, если бы я мог!

Туча так тяжела и темна, что мне даже страшно подумать о том, какие несчастья она в себе содержит. Пытаюсь разбить в клочья или хотя бы «размахать» в разные стороны маленькую, умещающуюся в кулаке Темную Тучу. Но... клубящиеся сгустки опасной энергии

плывут в сторону Европы и соединяются над ней, повторяя знакомые еще со школы очертания.

Темная Туча дотягивается до овеваемого высокими волнами острова Великобритания – боевого корабля Англии – быстро обволакивает его и без того туманную поверхность, подворачивает свои осьминожки края-щупальца под берега и... сажает Англию на мель.

Изящный сапог Италии превратился под тенью Темной Тучи в обвислый отросток, оскорбительно и непристойно намекающий на то, что женственная Европа – гермафродит...

Темная Туча увеличивается, накрывает Средиземное Море и растекается, пузырится на его лазурных волнах как жвачка, упавшая на горячий асфальт.

И быстро... Неожиданно ловко и умело отталкивается всем своим бесформенным телом от прекрасной Франции и грозным грязным оползнем обрушивается на Южный Полюс.

Достаточно только одного отгоняющего жеста руки и Темная Туча исчезает...

Нет. Это обман! Темная Туча не исчезла... Она играет в прятки. Просто смеется надо мной. Я вновь и вновь, как назойливое насекомое, отгоняю ее рукой от Северного Полюса Земли. Темная Туча, вроде бы, убегает... Но все время возвращается на свое постоянное место и, как профессионально сделанное проклятие, зловещей тенью еще плотнее обволакивает макушку Земли.

– Действительно ли это энергетическое проклятие? Если да... Тогда за что и кого именно оно проклинает? Всех людей на Земле? Или саму планету Земля?

Темная Туча вступает со мной в молчаливый диалог: она реагирует на последний вопрос, всеми своими отвратительными щупальцами и бородавками. Они превращаются в безобразный горб и приподнимают вверх мою руку. – Значит, все-таки Землю!

– Кто? Кто это сделал? ...Дьявол?

– ... – Нет реакции.

– Человек?

– Да, – отвечает Темная Туча тем, что ее горб, будто обессилив, опадает вниз, – это человек!

Темная Туча превращается в маленькую болотную трясины и тянет мою руку за собою вниз. Я резко отдергиваю руку. Комья энергетической грязи беззвучно падают и я вижу, как по всей поверхности Темной Тучи расползаются неровные, неслышно шипящие грязные волны. Чувствую себя так, будто потревожил змеиное гнездо.

– Один-единственный человек? – все еще не верится мне.

– Да! – еще одной змеиной волной по-прежнему беззвучно шипит Темная Туча.

– За что? За безвременную смерть близкого человека?

– Нет, – молчит Темная Туча, не двигаясь и лишь каменя под моей рукой.

– Этот человек поскользнулся на льду, сломал ногу и проклял Землю за ее твердость? Торнадо разрушило его дом? У него обвалилась крыша над головой?

– Нет, – говорит мне неподвижность Темной Тучи.

– Проклятие из-за несправедливости?!

– Да, – отвечает Темная Туча, тяжело переваливаясь с боку на бок.

Какая именно несправедливость? Этого человека уволили с работы? Наступили на ногу в метро? Оскорбили? Предали? ...На все мои вопросы – один ответ:

– Нет! – молчит Туча.

– Любовь? – как о последней возможности спрашиваю я.

– Да! – отвечает Темная Туча, попытавшись укунить меня за руку, и отпрянув назад так, как это делают все змеи на свете.

– Кто же посмел? Решиться! На такое злодеяние! Как можно проклясть всю Землю?!

Парень сделал предложение и получил отказ? Девушка узнала о том, что ее возлюбленный ушел к другой? Родители прокляли неблагодарных детей? Сын проклял отца? Дочь – мать?

– Да! – со вздохом неожиданной печали отвечает Темная Туча на мой последний вопрос.

– Дочь знает о том, что родная мать её не любит?

– Да! – «кричит» Темная Туча, вздрагивая в нервном ознобе.

– Дочь не смогла проклясть собственную мать и в порыве бессильного гнева прокляла *Землю, по которой та ходит!* – в ужасе постигаю я страшную глубину безмерного отчаяния, которое может испытывать ребенок, живущий без родительской любви.

Сила желания быть любимой собственной матерью была такова, что когда любовь превратилась в ненависть, то невероятной мощи проклятие накрыло собой весь Северный Полюс Земли.

Но, каким великодушным человеком оказалась дочь! Она отвела свой гнев от матери и послала свое проклятие Земле... Она просто не знает о том, что энергия такой концентрированной эмоции может стать причиной наводнения, землетрясения или лесного пожара... Сколько людей может погибнуть от такого проклятия!

– Не верю! Неужели есть такая мать на свете?

– Да! – ухмылкой всех своих бородавок отвечает Темная Туча.

– Будь проклята такая ма...

О, что я сделал! Даже от этих недоговоренных до конца слов Темная Туча уже начала сгущаться и опять сползает на Европу. Господи, **ПРОСТИ НАС!** Ибо не ведаем, что творим!

...Темная Туча рассеялась, как дым на ветру.

Северный Полюс окутан моей любовью. Остался лишь маленький белёсый след от раны на розово-голубом предрассветном теле ауры Земли. Шрам еще нескоро исчезнет.

Аура Земли нежна и ранима, как кожа на коленке пятилетнего ребенка.

Я не знал, что мы, люди, можем **ТАКОЕ** сделать со своей собственной планетой. Теперь я каждый день буду смотреть на Землю, как на *Живое Существо*.

Я буду разгонять энергетические проклятия всех несправедливо обиженных. Ибо не ведают они, что творят! И если есть еще на земле матери, которые не любят своих детей...

Я буду делать это всегда.

Обещаю!

*Константин Фридланд,
21 век, планета Земля.*